

Маруся Хмельная

Шаг
вперёд,
два
шага
назад

Часть 1
Чудовище

16+

Маруся Хмельная

Шаг вперед, два шага назад. Часть 1. Чудовище

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67930502

SelfPub; 2022

Аннотация

Словно камень, брошенный в воду, от которого расходятся круги, в светское общество врывается Алекс Боровский, богатый американец, сын эмигрантов из этого города. Учёный, меценат, антиквар, охотник за сокровищами и просто красивый и привлекательный мужчина, сразу завоевавший сердца светских дам. Лишь одна Анна знает его страшную тайну, которая может стоить ей жизни. Когда-то давно она встретила с этим человеком при страшных обстоятельствах, и у него были другая внешность и другое имя. Как поступит это чудовище, когда признает о том, что Анна его узнала? Но неожиданно для неё он предлагает ей сотрудничество. Правда, ультимативно и без права выбора. С собой новый знакомый привносит новые тайны, опасности и изменения в жизни. Только положительные или губительные?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	25
Глава 4	34
Глава 5	42
Глава 6	52
Глава 7	59
Глава 8	66
Глава 9	72
Глава 10	79
Глава 11	86
Глава 12	93
Глава 13	100
Глава 14	108
Глава 15	116
Глава 16	122
Глава 17	131
Глава 18	139
Глава 19	147
Глава 20	155
Глава 21	163
Глава 22	172
Глава 23	183

Глава 24

191

Глава 25

197

Маруся Хмельная

Шаг вперед, два шага назад. Часть 1. Чудовище

Глава 1

– Слушай, Ань, сегодня на банкете в доме художника, ну, по случаю выпуска твоим бывшим ещё одного дурацкого журнала, будет Боровский, – Нинка, как обычно, ворвалась в мой кабинет словно ураган, внося с собой запахи ванильных духов, кофе, сладких конфет и уличной сырости. Залезла задницей на мой стол и сразу приступила к делу.

– И тебе привет, – заметила я, пытаюсь достать из-под её зада папку, на которую она села.

Но Нинка лишь закатила глаза и многозначительно на меня уставилась.

– Это тот Боровский, что всех кругом свёл с ума? – пришлось уточнить мне.

– Да-да, именно! Мы с тобой обязательно должны пойти!

– Иди, – милостиво разрешила я.

– Ань, ну неужели тебе ни капельки не интересно? Он такой красавец! Такой мужик! Пальчики оближешь. Голову на отсечение даю, тебе понравится. Ну, скажи, много ли у нас

в городе таких интересных мужиков?

– Откуда я знаю, если не видела. Но интригующе, да. Все как сговорились, только о нём и судачат. Нашли событие века. Нет бы так о проблеме вырубке Неглинского парка пеклись. Но всех интересуется только какой-то заезжий мужичишко.

– Так это ж сплетни, – заржала Нинка, – новое лицо в нашем серпентарии в любом случае вызовет кучу пересудов. Даже если это будет, как ты говоришь, мужичок-замухрышка. Даже не обладая внешностью Боровского – хватило бы его богатства и положения. Загадочный бизнесмен, занимающийся антиквариатом, разбирающийся в искусстве, умеющий поддержать любую тему. А ещё он галантен, красив и при всём этом очень мужественен, как будто прошел все горячие точки мира.

– Ой, что-то ты уж совсемхватила лишку, – заметила я. – Рекламируешь для того, чтобы я сдалась и захотела взглянуть на этого супермена? Если он поселился у нас – кстати, с чего бы? – рано или поздно встретимся, тогда и оценю. К чему торопить события?

– Потом уже может быть поздно! – Нинкины глаза горели полыхающим пламенем азарта, знала я это её настроение. И также знала, что лучше в эти моменты ей не перечить – сэкономишь кучу сил и времени. Она всё равно пойдёт до конца. – Ты думаешь, на такого мужика не началась сразу охота? Все набросились на него в первую же минуту!

– Хорошо, я тебя поняла. Так в чём проблема? Иди да кадры своего супермачо-брутаччо. Зачем тебе ещё одна конкурентка?

Зазвонил телефон на столе, и я отвлеклась на работу. Нинка нервно мельтешила передо мной, закусывая губу. Наблюдая за ней, я тяжело вздохнула. Нет, так просто мне от неё не отделаться. Когда я закончила разговор, она сразу затараторила, не дав произнести ни слова.

– Во-первых, мы не конкурентки, а подруги. Если не повезёт мне, то лучше тебе, чем кому-либо другому...

– Спасибо, – заржала я. – А во-вторых?

– Во-вторых, – она сделала глаза как у кота из мультика про Шрека, – у меня нет туда приглашения. Я могу пройти только с тобой.

– погоди. С этого и надо было начинать. Не возмущайся, – улыбнулась я на её обиженно надутые губки. – А чего без приглашения не пройдёшь? Тебя и так все знают.

– Твой бывший меня терпеть не может. Наверняка опять Ванечку на фейсконтроль поставит и снабдит инструкциями. Ты помнишь, как твой Стасик не дал мне пройти на губернаторский приём?

Вспомнив это, Нинка раскраснелась от негодования. И было от чего. У журналистки Нины было громадьё планов на этот приём, она собиралась убить несколько зайцев сразу, поговорив со всеми нужными людьми за один вечер. Кроме того, она надеялась захомутать там одного красавчика из ад-

министрации, к которому было очень трудно заполучить доступ к телу. Простым журналистам вроде Нины этого не светило точно. Она хотела под видом интервью познакомиться и пофлиртовать с этим «труднодоступным телом».

Но тут вмешался случай в виде моего бывшего, Стаса Крекшина, нашего самого влиятельного издателя, которому принадлежали почти все сми нашего края. Конкуренцию ему составляли пара газетёнок, в одной из которых с недавних пор трудилась Нина. По правде говоря, Нина раньше работала на Крекшина, но из-за того, что мы со Стасом громко и со скандалом расстались, ей пришлось уйти. Поскольку Стас считал, что в нашем расставании частично есть её вина. И мне не удалось переубедить его в обратном, как я ни старалась. Поэтому чувствовала свою вину перед Ниной и в последнее время старалась ей во всём уступать и потакать.

Но ради справедливости надо заметить, что при её характере и нелюбви к Стасу, да что там, она его просто терпеть не могла, она бы всё равно долго не продержалась. И её увольнение было вопросом времени. Но, поскольку я послужила той пружинной, что запустила процесс в движение, я всё равно чувствовала вину.

Так вот, надо же было так не повезти, что Стас поймал Нину ещё на входе. Приглашения у неё не было, но она часто мелькала на светских мероприятиях, и давно была знакома фейсерам, проблем никогда не возникало. Но тут Стасу прищемило хвост или какое другое место. Он обратился

к Ванечке, известному фейсеру, чтобы впредь эту девушку – да-да, он даже не удостоил её именем, ещё одно унижение, которого не смогла стерпеть Нина – не пускали без приглашения.

Расфуфыренная и обломанная в планах Нина не сдержалась и достойно проехала по Стасу, тем самым открыто объявив ему войну и сделавшись персоной нон-грата на его мероприятиях. Это не исключало того что она могла попасть на них хитростью, но сейчас, по-видимому, решила подстраховаться.

– Попроси Мишку, наверняка у него пригласительный на две персоны, – пожалала я плечами.

– Да боже мой, Аня! Зачем мне Мишка, скажи на милость? Конечно же, я могу обратиться и к нему. Хотя тебе не жалко парня? Если Стас узнает, что он меня провёл? Он всё ещё на него работает!

– Да, об этом я как-то не подумала, – смутилась я.

– И я хочу пойти с тобой! Ну как, как ты можешь оставаться такой равнодушной к Боровскому? – патетично воскликнула она и засмеялась, и я захихикала в ответ.

– Действительно! Надо уже с ним разобраться. Ладно, пойдём, – Нина облегченно выдохнула, и я улыбнулась. – Не знаешь, почему я всегда иду у тебя на поводу?

– Потому что идти против – бесполезно.

Я с ней согласилась. Но молча.

– Стасик-таракастик прислал тебе приглашение? – подо-

зрительно сощурившись спросила Нина.

– Да, где-то видела, – покраснела я. – Может, в мусорку выбросила.

– Ты что?!

Нинка подскочила к мусорному ведру и начала рыться в выкинутых бумагах. Я кинулась разгребать пачку конвертов на столе.

– Да погоди ты сразу к мусорке, давай сначала здесь посмотрим...

– Ага! Вот оно! – Нина победно достала вскрытый конверт с приглашением.

– Действительно в мусорке, – виновато проблеяла я.

Но Нина уже рассматривала приглашение. Лицо её вытянулось.

– Оно на одно лицо. Только на тебя, – она расстроено протянула мне приглашение.

Я посмотрела. Да, на одно.

– Может, не пойдём тогда? В следующий раз? Ты Боровского уже видела, впечатлилась. Я смогу это сделать попозже.

Но Нина выглядела такой расстроенной, что я не выдержала.

– Ладно, сейчас всё исправим.

Я набрала номер Мишки. Он тут же откликнулся.

– Хай, мой дие френд, – пропел он в трубку.

– И тебе здорово! Как жизнь?

– А что со вчерашнего могло приключиться в нашем болоте? Инопланетяне не напали, конец света не наступил и даже судебный спор Лапшина с Козловым по поводу склада на Даниловке, назначенный на сегодня, отложили на двадцатое. Вот, сижу грызу карандаш и не знаю, какую тему придумать для колонки новостей.

– Как-то ты про инопланетян грустно сказал.

– Так как было бы весело, если бы они прилетели и выбрали для знакомства с землянами наш город. Представляешь, какой информационный повод! И я, Миша Зайцев, с псевдонимом Иванов, в самой гуще событий. Привет, хелло, салют, хола, салам, саватди, алоха и так далее. Я – Миша Иванов из местной вечёрки. А они мне: налей-ка, Миша, нам чарочку, посидим-побалакаем, и ты будешь нашим представителем на планете Земля. Вот тут бы и наступил мой звёздный час. Потом бы за меня дрались все лучшие издательства мира. И я бы, наконец, уехал из этой дыры.

– Ага, или бы зелёные человечки направили на тебя эти светящиеся палки, как из Звёздных войн, и всех бы нас уничтожили и поработили. А тебе и так предлагали перебраться в Москву несколько раз, но ты почему-то всё так же протираешь задницу в вечёрке. И назвать город-миллионник дырой – это сильно. Езжай тогда в Китай, там деревня больше, да. Чего не уехал?

– Мне не те условия предлагали.

– Ага, тебе надо сразу должность Руперта Мердока.

– Угум-с, с его миллиардами и тёлками.

– Ты мне, кстати, так и не рассказал до сих пор, сколько ни пыталась, почему ты взял такой оригинальный псевдоним. Иванов.

– Да потому что рассказывать нечего, даже стыдно. Нажрались мы в тот вечер со Стасом так, что язык еле ворочался. Он говорит, какой псевдоним берёшь? А у меня вата в мозгах и во рту, единственное что на ум пришло. Потом уже как-то некогда было, а затем уже и поздно.

– Ясно, значит Стас был в лучшем состоянии, чем ты, если запомнил, – засмеялась я.

– Нет, он просто сразу подписал мою первую статью и отправил в номер. Ты чего хотела-то, новости узнать? Так у нас одно событие намечается – банкет Крекшина. Потом неделю разговоров, кто сколько пил, кто кого в подсобке трахнул. Из последних развлечений – гадание на кофейной гуще: появится ли новый мачо Боровский, главное блюдо этого сезона!

– О, и ты туда же, – простонала я. – Невыносимо слышать про этого Боровского. Я уже его ненавижу. А что, он может не прийти?

– Должен. Приглашён. Узнавали – собирается. Слишком многие его сейчас жаждут.

– Ну-да, ну-да, новое блюдо нашего светского ресторана. Я поняла. Я тебе, кстати, насчёт банкета на самом деле и звоню...

– Да?

– Видишь ли, Стас очень настойчиво приглашал меня, – я покраснела под пристальным взглядом очнувшейся Нинки, до этого с пониманием отнёсшейся к пустому трёпу с Мишкой и занявшейся своим маникюром, – я сначала не хотела... Но, передумала, короче.

– А-а-а, – подкальывающим тоном загоготал Мишка, – небось, тоже на Боровского клюнула, да?

Я скуксилась. Захотелось зарычать. Но пришлось подыграть.

– И это тоже, конечно. Любопытство меня снедает, – я погрозила Нинке кулаком, врать друзьям, да ещё по такому поводу я ой как не люблю. – Но вот какое дело. Приглашение, которое прислал мне Стас, я порвала и выбросила. И ещё, помню, оно вроде было на одну персону. А к Стасу я одна переться не хочу. Мне нужно новое приглашение и на две персоны. Скажи секретарю, пусть сделает.

– А с кем ты идёшь? Одна ты и так можешь прийти, тебя пропустят.

– Ну, я не одна. Да и не хочу я никаких одолжений. Хочу приглашение и всё, – закапризничала я. – Но не хочу звонить Стасу, ты сам понимаешь. Попросишь его, он сразу руку оттяпает. Просто сделай это ради меня.

– Надеюсь, ты не с Нинкой собираешься? – подозрительно поинтересовался Мишка.

Нина хотела отобрать трубку, но я на неё зашипела.

– Миш, меньше знаешь, лучше спишь. Не хочу тебе грубить, но это тебя уже не касается. И не надо мне говорить про недовольство Стаса, мне как-то плевать. Если он хочет меня видеть на приёме, пусть пришлёт приглашение на двоих. Всё.

– Ладно-ладно, – Мишка был не из обидчивых. Журналисту вообще не полагается быть обидчивым, эмоции надо держать при себе, иначе многого не добьёшься. – Я просто не уверен, что секретарша просто так мне его даст.

– Ну пусть сделает запрос Стасу. Делов-то.

На том и распрощались.

Нина, задумавшись о чём-то, теребила свою малиновую сумочку цвета вырви глаз. У меня на неё была эстетическая аллергия, а Нинка упорно таскала её чаще других. Ей она поднимала настроение, Нина говорила, что так раскрашивает серые будни яркими пятнами.

А у меня аж зубы сводило и во рту становилось кисло, как я её видела. Причём я заметила странную особенность, хотя не считала себя особо суеверной, что если Нина выбирала эту сумку, этот день сулил какое-нибудь приключение. Иногда оно было приятным и интересным, за это и терпела. Но любить от этого больше не стала, тем более надежды на хороший исход оправдывались не всегда. Что же сулит сегодня? Я раздумывала, попросить Жанну для нас кофе или нет, как Нина повернулась ко мне.

– Так и что у вас там со Стасиком-таракастиком? – прищу-

рилась Нина и как-то недобро на меня посмотрела.

Глава 2

– Так и что у вас там со Стасиком-таракастиком? – прищурилась Нина и как-то недобро на меня посмотрела.

– Ничего, – честно призналась я. – И перестань его так называть, аппетит портит.

– Полезно для фигуры. Анька, неужели ты опять попадёшь в те же сети? Ты наконец-то освободилась от этого недоумка... Не позволяй ему снова войти в твою жизнь. Может, нам и правда не стоит ходить? – засомневалась она.

– Какой к чёрту Стасик, когда там будет Боровский! – наигранно весело воскликнула я. – И сколько времени у нас осталось? Надо ведь привести себя в порядок!

Мы решили тотчас этим заняться и поехали в салон красоты. Там мы побаловали себя кислородными масками, освежив в это время маникюр. Мы бы многое хотели ещё испробовать, но времени было в обрез. Потому пришлось ограничиться незатейливыми укладками.

Пышная каштановая шевелюра Нины легко поддавалась укладке, мастера любили её волосы, из них можно было соорудить журнальную причёску за минимум времени. Мои белокурые волосы, хоть и были не совсем уж жидкими, но тонкими, поэтому каждый раз вставал трудный выбор: укладка была им не на пользу, но при этом только с помощью всяких средств и изощрений, можно было придать им

какой-то объём.

Моя красота требовала жертв, увы, но я старалась хотя бы не так часто их приносить. Сегодня, конечно, был особый случай – светское мероприятие, которое соберёт все сливки общества. Встреча с бывшим, которого избегаю уже почти месяц, общаясь незначительными фразами по телефону и в сообщениях. Ну и как тут не вспомнить главное: знакомство с новым похитителем девичьих сердец, господином Боровским.

И хотя из чувства упрямства и протеста хотелось наоборот выделиться антигламурностью, я расценила это желание как ту же попытку привлечь к себе внимания, чего не собиралась делать. А будучи гламурной фифочкой я не особо буду там выделяться, чего мне и надо. Под прощальную песню Патрисии Каас, с чарующей хрипотцой в голосе, навевавшую томные мысли о буржуазном Париже, мы с Ниной, такие все красивые и пахнущие миллионом парфюмерных отдушек от всяких лаков, спреев, пудр и прочих орудий красоты, покинули обитель красоты и неги и отправились покорять нашу местную столицу российской глубинки.

Когда вернулись ко мне на работу, секретарь Жанна передала оставленное на моё имя новое приглашение на две персоны. А также букет белых роз с запиской «Жду вечера с нетерпением». Нинка, глядя на это, только неодобрительно крикнула.

Мы поехали переодеваться, договорившись встретиться

уже около Дома Художника. Я попросила Нину оставить сумку-вырви-глаз дома, потому что не хотела никаких приключений. Нина посмеялась над моими суевериями, но пообещала.

– Хотя, – добавила она, – это не значит, что я оденусь серо и уныло, обязательно добавлю яркий акцент!

Я закатила глаза, представив, что это значит в её понимании прекрасного.

– Ты тоже прибавь себе яркости, – посоветовала она. – Губы хоть алым покрась, – пробурчала она, видя мою реакцию на совет.

– Хорошо, где-то в недрах шкафа затерялись красные лодочки, – кивнула я послушно.

Нина неодобрительно хмыкнула. Зато она меня не разочаровала. Ярко-синее платье цвета электрик было обильно zdobрено аксессуарами цвета фуксии. Со всем этим у неё легко сочетались серьги и кольцо с изумрудами от бывшего ухажёра. Красоту ничем не испортишь, явно было девизом Нины.

– Какая скука, – осуждающе прокомментировала она мое чёрное простое, не считая фигурных вырезов на спине, платье. Правда красные туфли, как и было обещано, оживляли наряд.

– Зато мне нужно противоядие, – не удержалась я от подкола, но тут же себя одернула.

Нина не обиделась. К критике нарядов и внешности у неё

был иммунитет, она свято верила в свою красоту и неотразимость, и эту веру ничто не могло поколебать, а все еретики отправлялись на костёр инквизиции снисходительного игнорирования.

Но не дай бог подвергнуть сомнению её профессионализм. Вот тут, не достаивавшая даже взглядом своих критиков стиля, Нина превращалась в фурию и готова была разорвать в клочья любого, кто покусится на самое святое для неё. Поэтому на эту тему мы никогда не шутили.

– Ну что, пошли? – Нина взяла меня под локоток, и мы стали подниматься по мраморной лестнице с протёртыми ступенями к парадному входу особняка позапрошлого века, стуча каблучками туфелек так же, как двести лет назад спешащие на бал юные debutantки.

На входе, как и ожидалось, стоял секьюрити Ванечка, в обязанности которого был и фейсконтроль. Довольно известная личность в нашем городе. Он знал всю нашу элиту, рукопожатную или нет, желанную на мероприятиях или нет. И поскольку такие характеристики могли измениться в любой момент для каждого, Ванечка держал нос строго по ветру. Вот уж кто был неиссякаемым источником информации и сплетен, почище иного журналиста.

Но у Вани было одно отличительное качество – язык за зубами он умел держать, как никто иной. Догадываюсь, что он довольно часто получал предложение в виде хороших сумм за некоторую информацию и услуги, но для Вани, как он

говорил, репутация важнее всего. Я знала, что он один источников информации Мишки, они водили если не тесную дружбу, то приятельствовали точно. Но вместе их при этом не видела. Впрочем, возможно, там было обоюдное сотрудничество, и они его скрывали от ненужных глаз. В их дела я никогда не лезла, каждый имеет право на свои секреты, а уж тем более если речь идет о журналистской деятельности.

У меня к Ване тоже было много вопросов. Но случая близко свести с ним знакомства пока не представилось, а я события не торопила, не настолько уж велико было моё любопытство.

Я показала Ване пригласительный, на который он даже не взглянул, вежливо улыбнувшись. Он сделал рукой пригласительный жест внутрь и тут же остановил Нину.

– А вам сюда нельзя.

Нина растерянно посмотрела на меня.

– Ванечка, она со мной, – я показала пригласительный на две персоны.

Он кивнул.

– Именной на вас. Второе лицо не указано. А вот насчет неё, – он указал на Нину, – у меня указания чёткие: не пускать!

Я понимала, что спорить бесполезно, это его работа, которую он выполняет. Только уточнила:

– Это Крекшин приказал?

– Да, конкретно. Упомянув её имя несколько раз, – усмех-

нулся Ваня.

– Вот ведь гад. Это ж как я его достала, выходит! – стала громко возмущаться Нина, привлекая внимание.

Я схватила её за локоток, приказав успокоиться, и отвела в сторону.

– Тише ты! Давай без скандалов! А то приобретёшь славу скандалистки, может, он именно этого и добивается. Тогда перед тобой точно все двери закроются. Подожди, сейчас что-нибудь придумаем.

Я набрала номер Стаса. Я даже не надеялась, что он мне ответит, всё-таки сегодня его мероприятие, наверняка он очень занят. Но он ответил, хоть и не сразу.

– Да, дорогая? Ты где? Почему тебя до сих пор нет?

Закатив глаза от «дорогой» и сцепив зубы, призывая себя к терпению, я ответила:

– Я тут, Стас, на входе. Только у меня проблема: я не могу пройти, так как не пускают моего сопровождающего.

– Да? И кто же это? Скажи, я разберусь, – голос его звучал по моему мнению слегка саркастически, но был не тот момент, чтобы обращать на это внимание.

– Моя подруга.

– Не Нина случаем?

– Она самая.

– Тогда понятно. Милая, ну сама подумай, как я могу пустить сюда журналиста из конкурирующего издания? – пропел он елейным голоском, ему явно нравилось ёрничать.

– Это было бы так благородно и щедро с твоей стороны – дать возможность им насладиться твоим триумфом, дорогой, – пропела я ему в тон, – тем более, ты их никогда не считал за конкурентов. К тому же разве плохо, если о тебе напишут другие издания? Всё реклама.

– И не уговаривай, дорогая. С твоей Ниной у меня личные счёты, – голос изменился, стал жёстким. – Так что передай ей большой привет и пожелание сладких снов. Я тебя жду! – он хотел было положить трубку, и я тут же истошно завопила:

– Стас, я не пойду без неё! – и сама первая бросила трубку.

– Ух, какого врага я себе нажила! – воскликнула Нина. – В конце концов, это должно быть даже лестно. Наверное. Ну что, пойдём? – она развернулась от входа.

– Да нет, давай дадим ему пару минут, – предложила я.

Обидно, конечно, будет затраченных усилий на созданную сегодняшнюю красоту, которую никто не оценит, но, признаться, я испытала облегчение от мысли, что не придётся переступать порог особняка. Снова пикироваться со Стасом, улыбаться всем резиновой улыбкой, оценивать Боровского... Мы могли бы сейчас закатиться в какой-нибудь бар, взять на двоих бутылку текилы, распить. Повеселиться в расслабленной обстановке. Лучше домой, конечно, но сегодня можно было бы гульнуть, раз намарафетились, мы и так нечасто расслабляемся.

Я уже даже хотела предложить Нине сбежать и повеселиться, но она отвлекла меня, указав на трещины на колон-

нах здания, по которым водила пальцами.

– Посмотри, зданию требуется капитальный ремонт, штукатурка везде сыпется. На стене, – она указала в сторону на стену, – видна трещина. Крыша, небось, протекает, а ведь тут у нас проводятся выставки, устраиваются галереи, те же банкеты и презентации. И никто не пожертвует денег на реставрацию исторического памятника!

Глаза Нины загорались азартным огнем, и я знала к чему она ведёт. Завтра в её газете появится критическая разгромная статья о богатом издателе Крекшине, утроившем банкет в историческом особняке, который вот-вот разрушится и вполне может похоронить под собой гостей его вечеринки. Вместо того, чтобы потратить деньги на благое дело – на реставрацию архитектурного памятника и бла-бла-бла в том же духе.

– Нина! – предостерегающе обратилась я к ней, но не успела закончить, на выходе показался Крекшин собственной персоной. – Пойдём! – потянула я её.

Стас, заложив руки в карманы, с видом хозяина жизни осматривал нас с ног до головы с верхней ступени.

– Привет, дорогая, – подошел он ко мне, приобнял одной рукой и чмокнул в щёку.

– Здравствуй, – избегала я смотреть ему в глаза.

Стас перевёл критический взгляд на Нину.

– Ну что, решили меня шантажировать? Ладно, у меня сегодня праздник, и я добрый. Но не советую этой добротой

злоупотреблять, – он обращался к Нине, та только надменно вздёрнула бровь. – От тебя зависит, будет это первый и последний раз или нет. Веди себя хорошо! – он поднял указательный палец вверх.

Он сделал патетическую паузу и добавил с нотками превосходства:

– И помни мою щедрость!

Мы с Ниной одновременно невежливо фыркнули, но Стас не обратил внимания, кивнул Ване, который делал вид, что ничего не видит и не слышит, пока Стас не повернулся к нему. И мы, наконец, прошли внутрь.

Глава 3

Стас оставил нас около гардеробной, взяв с меня обещание, что я сразу же найду его и составлю компанию. Мы скинули плащи, поприветствовав всех знакомых, что встретились, и прошли в залу, которая служила сегодня главным местом событий.

Стас всё делал с размахом. И сейчас, я не сомневалась, раз поводом послужило новое детище Стаса, событие будет отмечено каким-нибудь запоминающимся сюрпризом. Тем более повод благодатный: издательство «Библиотека Крекшино» (да-да, вот такое нескромное название в честь владельца-основателя, Стас вообще скромностью не страдал) пополнилось выпуском журнала на мистическую тему. Это была давняя мечта Стаса, которую он почему-то всё откладывал исполнить. Он оправдывался тем, что для этого нет предпосылок, что финансово это будет убыточная затея. Но я сомневалась, что это было истинными причинами. К тому же, я считала, что он ошибался в этих прогнозах, народ всегда любил такие истории, кто-то более сказочные и волшебные, кто-то леденящие душу ужастики.

Вообще, я поражалась этому в Стасе: как в нём уживались цинизм, от которого меня иногда брала оторопь, мы часто ругались по этому поводу в бытность наших отношений, вместе со страстью ко всему сверхъестественному. Он до-

тошно собирал в своём досье все мало-мальские случаи и упоминания на эту тему. Его так не торкала любая сенсация, не часто происходившая в нашем городе, политическая, общественная или криминальная, как любая, даже незначительная новость, даже если это невнятный слух или сплетня, пущенные непонятно кем, на мистическую тему.

Он считал, что любое происходящее событие, громкое или очень громкое, между людьми – это слишком скучно, предсказуемо и всё повторяется из раза раз, только меняются даты и фамилии персонажей. И вообще, это мало кому интересно, кроме узкого круга лиц. И в чём-то он был прав. Стасу же, как мне кажется, хотелось сенсации необычной, настоящей. Найти и осветить то, чего раньше не бывало. И к чему, несомненно, будет прикован интерес всех слоёв общества. Он, правда, в этом не признавался, говорил что просто в жизни всего столько интересного, что выходит за рамки нашего сознания, а поскольку он журналист, жажда знаний у него больше, чем у обычного обывателя. Ведь он находится в самом центре информационного потока.

Толчком же интереса к этой теме, послужил один действительно странный и ни кем логично не объяснимый случай, произошедший в нашем городе восемь лет назад. В городском парке, что находится в восточной зоне нашего города, нашли растерзанные тела четырёх убийц и насильников, которые затерроризировали город к тому моменту, но их никак не могли поймать и установить личности.

С тех пор в народе этот парк прозвали могильником, хоть его и пытались много раз облагородить и изменить репутацию всякими общественными мероприятиями. Но по каким-то неведомым причинам, эти попытки проваливались, всегда всё заканчивалось несчастными случаями. Парку даже присвоили красивое название «Парк Изумрудная долина». Но народ всё также продолжал звать его могильником, и так это название и прижилось.

Тогда тот парк был более дремуч и в несколько раз больше по площади, чем сегодня. С того времени его изрядно проредили и облагородили. Освещение доходит до любого тёмного уголка парка, кругом скульптуры, клумбы, фонтанчики и малое творчество местных скульпторов и архитекторов. Восемь лет назад ничего этого не было, была главная дорога с расходящимися тропками, пару фонарей освещали маленькие участки главной дороги, остальные были выбиты или просто перегорели. В то время этот район только начинали застраивать, сейчас это большой спальный район уже даже не новостроек.

Многие дома уже требовали капитального ремонта, но это отдельная тема. Поговаривали, что тут были какие-то массовые захоронения невинно убиенных, то ли в революцию, то ли в годы сталинских репрессий, оттого и место гиблое. Людей погубили, не похоронили по-божески, да ещё на костях стройка началась. Но у нас любят придумать такие сказки для пушшего эффекта, чтобы объяснить одни махом все

несчастья. Которые, по правде, случались в том районе намного чаще, где бы то ни было. Как говорят, аура или энергетический фон там действительно какой-то нездоровый. Этих терминов я нахваталась у Стаса. Но причина если и была, то явно в другом.

Журналистское расследование не нашло никаких доказательств того, что там были какие-то расстрелы или захоронения. И этому расследованию можно верить, потому что Стас просто носом землю рыл, пытаясь что-то найти.

Мне тоже была интересна эта информация, потому что в новый район моя семья въехала одними из первых. И думать, что ты живешь в каком-то проклятом месте, было по крайней мере, неприятно. Хотя никакой особой негативной ауры я там не чувствовала. Но с фактами тоже спорить бессмысленно.

Но вот парк, да, в то время, когда произошло то громкое происшествие, меня пугал. Я старалась как можно реже ходить через него, он реально таил в себе много опасностей. И не мистических, к сожалению. Или счастьем, это, конечно, как посмотреть. Просто обходить его занимало много времени, дорога через парк сильно его сокращала. Сейчас же я хожу через него в любое время суток без страха.

Если вернуться к тому дикому случаю, в то время банда головорезов нападала на граждан в разных районах города, не только в этом парке. Но в нём, по понятным причинам, чаще. Иногда они просто грабили прохожих на ули-

цах города, но было на их счету несколько жертв. Мужчины, оказавшие сопротивление. И женщины, над которыми они всласть поиздевались перед тем как убить. И тогда организовали несколько патрулей из добровольцев-дружинников, время было такое, самим себя не защитишь – никто не защитит. Вот один из таких патрулей и наткнулся на ещё не остывшие тела, которые потом их жертвы с трудом опознали. Как утверждали те свидетели дружинники, они видели убегавшую с места преступления девушку, которую так и не нашли, а также... та-дам, мы подходим к самому главному и интересному... мелькнувшее в кустах огромное животное непонятного вида.

В общем, как обычно, когда у страха глаза велики и толком никто ничего не видел, – что-то огромное (размером с лошадь), серое (вот каким оно должно быть в полной темноте в лесу?), с горящими глазами (тут вообще без комментариев, куда без горящих глаз? И ничего что, по их словам, чудовище уносило ноги во всю свою звериную прыть, как тут глаза разглядеть?). Понятно что к этим свидетельским показаниям много скептицизма, я сама иногда в этом парке замечала горящие жёлтые глаза, а потом видела поднявшуюся в воздух сову. Но вот данные официального расследования – это уже другое.

По ним получалось, что тела были разодраны каким-то могучим зверем, и ни на что другое это не похоже. Плюс всякие там криминалистические экспертизы по найденным

на телах и вокруг волосах, фрагментам слюны, материала, оставшегося в ранах от когтей зверя и прочему, выходило, что волосы – это шерсть животного, и вообще всё принадлежит животному. Но вот какому – ответа на этот вопрос не было.

Следственные эксперименты показали, что могучего, был указан его рост, размер и размах лап и когтей, всё было очень впечатляющим. В слюне содержался яд животного происхождения. Но самое интересное, что по результатам расследования было непонятно, откуда чудовище появилось. Его следы на месте преступления и когда он убегал, были в радиусе несколько метров. А потом, и до этого – никаких следов. То есть как будто оно возникло из воздуха и таким же образом исчезло посреди парка.

В общем, вопросов было больше, чем ответов. Дружинникам приказали молчать, официальная версия была, что убиенных разодрала стая бездомных собак, которым те чем-то помешали. Разволновавшимся людям позднее сообщили, что стаю поймали и обезвредили, и в Багдаде всё снова спокойно.

Народ это все, конечно, не успокоило, наоборот, было понятно, что им опять врут, а это всегда вызывает большее волнение. Да ещё из дружинников кто-то проговорился, и пошли гулять по городу слухи одного другого краше, как обычно по сарафанному радио. Если в этом случае о мухе говорить не приходится, то из слона сделали просто мамонта-ди-

нозавра: мы под колпаком инопланетян-чудовищ-оборотней и завтра все умрём.

Но, как обычно, прошло какое-то время, все поговорили-поговорили, да утихли. Появились свежие новости и предметы для обсуждений. Только вот у парка плохая слава осталась. Да еще Стас заинтересовался этим делом, и нарыл, что упоминание про зверя в нашем крае, а также в соседних, уже встречались ранее. Он дотошно собирал все сведения о нём, превратив его в легенду, и в этом ему помогала команда из приближённых коллег, в число которых входил Мишка, в своё время Нина. Ну и я. Я ещё шутила, что это чудовище, если оно существует, нашло в лице Стаса самого яркого фаната.

Постепенно Стас насобирал так много материала, ведь попутно ему приходилось выслушивать все истории, касающиеся сверхъестественного, отделяя зёрна от плевел, что пришла идея выпустить периодическое издание со всеми этими историями и легендами края. Среди которых, надо заметить, было немало интересных и красивых. Ну и ужасных тоже. Наш край был богат на историю, у нас были собственные мифы и легенды, свои самобытные сказки и персонажи. Героический древний эпос, мифические животные, красивые драматические истории любви, давшие названия многим местам.

В конце концов, наслушавшись всего этого, сколько всего можно было ещё придумать! У нас одних встретившихся с

инопланетянами в крае насчитывалось девять человек. Причём, все они повстречали их практически в одном месте, у горы Партизан (она была так названа потому что в ВОВ в её пещерах прятались партизаны) в радиусе разброса одного километра. И рассказы были похожи друг на друга, с незначительными деталями. Что как бы должно было сказать о том, что люди не врут.

Но стоило их послушать и посмотреть в эти лисьи хитрые глаза, чтобы понять, люди развлекаются от скуки. Причём, практически все они были из одного села и дальние родственники. Собрались, наверное, на какой-нибудь сабантуй по поводу крестин, да и решили всей гурьбой развлечь народ и себя. И легенду вместе придумали.

Стас это всё понял, но тем не менее пошёл им навстречу и опубликовал в номере выходного дня материал с их интервью. Но преподал всё в такой саркастической манере, что читателям становилось ясно – всё это байки подвыпивших мужиков. И тем не менее, цели своей достигли, нашлись желающие приехать в это село, и упросить мужиков стать проводниками. Теперь все были при деле. И денег на этом подзаработали. И все стороны довольны. Правда инопланетян видели только те, кого сильно удавалось напоить местной забористой самогонкой, после которой можно было внушить что угодно, хоть инопланетян, хоть чертей, хоть ангелов.

Но при этом Стас по какой-то одному ему известной причине оттягивал с выпуском этого журнала. Передумал он по-

сле того, как сметался с лотков периодики, едва поступив, федеральный журнал той же направленности. Там печатали истории про встречи с инопланетянами, про привидений, ба-рабашек, домовых, всякие жуткие истории о проклятьях и тому прочее. Низкопробная газетёнка пользовалась таким успехом, что Стаса не пожурил за упущенную возможность только ленивый. И он, наконец, решился. Только как обычно сделал добротный продукт и с уклоном на потребителя нашего края.

Глава 4

Вообще, Стас не был таким уж придурком, каким его считала Нинка. Вернее, она заиклилась только на его негативных сторонах. Да, Крекшин самолюбив, вспыльчив, бывает высокомерен, немного эгоистичен, и, как начальник, довольно категоричен. Но это не всё.

Кроме этого у него есть и положительные качества, которые Ниной напрочь отрицались. А Стаса было за что уважать. Он был высококлассный профессионал, журналист с потрясающим чутьём. Очень умён, широко эрудирован, обладал глубокими познаниями во многих областях. Чисто человечески с ним было нескучно, он умел быть обаятельным, чувство юмора у него тоже имелось, хотя несколько специфическое. Но мне нравилось.

Как у любой медали, у его черт характера тоже были две стороны. Стас был упрям, но при этом всегда достигал цели. Он был самоуверен, но он многого добился. Амбициозен – но не останавливался на достигнутом, а развивался и шёл дальше. К тому же он был не просто богат, он был очень влиятелен, и в руках его была сосредоточена власть. Что уже может избаловать любого. Добавим к этому, что он довольно симпатичный молодой свободный мужчина, умело обращающийся с женщинами, и вырисовывается вполне себе портрет завидного жениха. Понятно что девушки вешались на

него пачками.

Конечно, при таком положении Крекшин был сильно избалован. Как справедливо заметила Нина, в отличие от умных и красивых девиц, привлекательных и состоятельных мужчин у нас намечался явный дефицит. Завидные женихи у нас имелись, но их по пальцам пересчитать. И все они были жутко избалованы женским вниманием. Когда тебе никто не отказывает, трудно, наверно, сохранить хоть какое-то подобие интереса к моногамным отношениям.

Поэтому я понимала такой интерес к новой персоне Боровского. Холостой состоятельный привлекательный мужчина. Судя по всему, с потрясающей харизмой – все не могут врать. И это значит, у кого-то есть шанс. Все с интересом будут наблюдать охоту за холостяком и делать свои ставки. Какое развлечение для нашего светского общества! А то уже давно заскучали. Только наш разрыв со Стасом всколыхнул наше болото, и то ненадолго. Ни для кого не секрет, что Стас продолжал за мной ухаживать и был не прочь вернуть.

С оформлением интерьеров и фуршетного стола организаторы постарались на славу. Ещё на входе бросались в глаза атрибуты праздника Хэллоуина. Этот новомодный праздник, пришедший из Америки, был нам чужд, но это была удачная дата и повод представить новое издание на мистическую тему. Стас вообще сначала хотел устроить карнавал и вечеринку по случаю Хэллоуина, но его убедили, что не стоит отвлекать гостей от повода – презентации журнала. Впол-

не достаточно духа Хэллоуина. Стас согласился, но, по всей видимости, не совсем – официанты в образе вампиров с гримом стекающей крови с уголков губ и официантки-ведьмочки, – насколько я знала, сюрприз гостям Стаса.

– У-у, надеюсь, вампирёныш меня сегодня покусает, – бросила плотоядный взгляд в сторону симпатичного официанта Нина.

– Ты определись, либо тебе нужен супермачо, миллионер и дальше по списку, либо ты хочешь развлекаться с официантами. Как-то несолидно размениваться на кроликов при охоте на льва.

Нинка усмехнулась и проводила молодого человека взглядом полным сожаления.

– Ну клёвая же задница, глянь, – толкнула она меня под бок.

Я отмахнулась, моим вниманием полностью завладел декор интерьера зала. Нина вслед за мной с любопытством оглянулась – по стенам свисала искусственная паутина, на которой сидели огромные мохнатые пауки. В фойе гостей приветливо встречало привидение – подвешенная к потолку белая ткань в форме привидения с нарисованными чёрными глазками. От постоянного сквозняка от открываемой двери, оно трепыхалось, создавая эффект живого движения. Одно затесалось и в углу зала.

На окнах висели чёрные занавески, на столах чёрные скатерти. На стенах окнах и светились флуоресцентные наклей-

ки праздничной тематики, а также свисали бумажные гирлянды и флажки из чёрной бумаги с прорезями в виде изображений черепов, ведьм, страшных хижин бабы-ёжки, привидений, пауков и скелетов. Ещё в одном углу стояла инсталляция – атрибуты ведьмы, всякие ингредиенты для зелий в банках и мисках, правильная тыква со злобной мордой и свечой внутри, метла, чучело ворона на импровизированном дереве, а сверху подрагивающий скелет.

Ведьма в виде игрушки тоже присутствовала – примостилась на метле. Всё кругом было заляпано «кровью»: стены, паутина, пол, свечи. Отдельного внимания заслуживало освещение. Поскольку свет должен быть приглушённым, создавая таинственную атмосферу, обычное верхнее освещение было заменено на множество светильников и подсвечников с горящими свечами. Тяжёлые тёмные канделябры как ничто иное придавали чарующую атмосферу вечеру.

Ну и конечно фуршетный стол... чем больше я на него смотрела, тем больше меня подташнивало. Отрубленные руки, пальцы, глаза, хрустящие змеи, пауки, червяки, выглядящие слишком натурально, мордашки зомби на пирожных, черепа даже не хочу знать из чего сделанные. Оригинально смотрелись тартелетки с чёрной икрой, сверху из мастики тянущаяся как из могилы рука зомби.

В сторону гробиков я даже не смотрела, поэтому не знаю, было ли это закуской или десертом, не хотелось ничего. Единственное на что было можно смотреть без содрогания,

так это на закуску в виде тыковок. Зато Нина была в полном восторге от стола, и сразу всего нахватала. Впрочем, как и народ, активно фотографирующий фуршетный стол на телефоны. Когда Нина подошла ко мне с тарелкой, полной глaziков, червячков и отрубленных пальчиков, я позорно сбежала к Стасу, выполняя данное ему обещание.

Я нашла его около сцены, где происходила презентация журнала «Непознанное», которую мы намеренно пропустили. Он решал организационные вопросы, стойки с журналами разбирали и увозили. Я дежурно поздравила Стаса с первым выпуском. Он сказал, что должен выпить за это со мной, и я не могла ему отказать. Стас подозвал официанта с подносом напитков.

– Сегодня все пьют только кровавую Мэри, – он взял бокал с томатно-красной жидкостью и протянул мне.

– Бр-р, ты знаешь, сегодня я ограничусь бокалом красного, – узрела я на подносе бокалы вина. – Что-то мне не хорошо, – взглядом указала я на банкетный стол.

Стас засмеялся и поменял водку на вино.

– Здорово, да? Кулинары постарались.

– Перестарались, – уточнила я. – Можно ведь было что-то и для людей приготовить.

– Да ладно, всё вкусно, я лично опробовал. Закрой глаза и ешь, – посоветовал он.

– Ну, если только после пары бокалов вина, – или дюжины, подумала я про себя.

Стас смотрел на меня проникновенным взглядом.

– Давно не виделись. Отлично выглядишь, – тихо сказал он.

Эти его приёмчики я давно знала, поэтому не велась.

– Спасибо, ты тоже хорошо. Очень много народу собралось, почти все уважили, да?

– Да. Я так рад, что ты пришла... Аня...

Но поговорить нам так и не дали. К Стасу постоянно кто-то подходил, и он начал раздражаться. Я сделала ему выговор, что так нельзя, в конце концов это его вечеринка, и он должен заниматься своими обязанностями хозяина. Душевно поговорить нам всё равно не удастся, поэтому и пытаться не стоит. Стас обиделся и потребовал свидания. На моё счастье, его кто-то опять отвлек, и я просто убежала.

Я пошла приветствовать всех знакомых, пока, наконец, не наткнулась на Мишку, на котором и повисла до момента, пока меня от него не отодрала Нина.

– Вот вы где, голубки! – она отправила в рот влажно поблескивающее око, подозрительно водянистой консистенции.

– Что это? – поморщившись, спросила я.

– На, попробуй, – великодушно протянула она мне уже почти опустевшую тарелку.

– Нет, спасибо. А чего оно такое омерзительно студенистое?

– Это желе. Глазной белок – молочное, красная радужка

– ягодное, малиновое вроде, зрачок – ягодка.

Я пригляделась, и правда, желе. Но аппетит всё равно не проснулся.

– Даже не буду спрашивать, что это за кошачий помёт тут набросан. И не объясняй, не хочу знать, – указала я на странную коричневую массу на тарелке.

Нинка с Мишей переглянулись и заржали. Тот уже отдал дань кулинарным изыскам. Он тоже был в восторге от оригинальности блюд.

– Самым вкусным были ведьмины пальчики из мяса лангуста, но их быстро разобрали, – поделился он с Ниной.

Нина досадливо покачала головой и обернулась ко мне.

– Ну что там Стасик, не предложил после банкета в гробу покувыркаться? С него станется.

– А где ты гроб видела? – любопытствовала я.

– Как, ты не заметила? Во-он там, – она указала рукой влево за колоннами. Там было темно, отсюда не видно, и туда я ещё не дошла. – Пойдём позырим, – предложила она.

Я отказалась. Не то, чтобы я боялась, просто у меня вдруг наступил передоз от всех этих страшилок. Сначала всё было прикольно, но сейчас атмосфера начала давить. Ещё недалеко находились колонки, и агрессивная музыка в стиле хардрок уже начинала раздражающе стучать в висках. Захотелось свежего воздуха.

– Где же твой альфа-самец Боровский? – поинтересовалась я. Всё-таки он был целью нашего визита.

За Нину ответил Михаил.

– Ещё не приехал, но все ждут.

Мишка от нас ушёл, увидев кого-то нужного. Я уже задумывала смыться, оставив Нину одну, как по залу пробежала волна оживления. Мужчины приосанились, втянув живот и выпятив грудь, у женщин хищно засверкали глаза, и руки неосознанно потянулись к сумочкам за зеркальцами. А кто стоял рядом с зеркальными колоннами тут же поправляли макияж и причёску в отражении.

Стало ясно и без довольного шёпота Нины, Боровский таки приехал.

Глава 5

Я с интересом и даже, что там лукавить, с внутренним трепетом (всеобщее волнение не могло меня не затронуть) ждала, когда он появится в поле зрения. Наконец я увидела его в профиль, он проходил через зал, а все стремились с ним поздороваться. Да, действительно, атлетически сложенный, накачанная фигура, пружинистая походка. Густые, хорошо уложенные волосы. Костюм с иголки идеально сидел на подтянутой фигуре. Высокий рост, выделявший его из толпы.

Насколько позволял разглядеть профиль, интересное мужественное волевое лицо. Но для полного впечатления не хватало поймать взгляд. Только по глазам можно судить о человеке. Но вряд ли разочарует, подумала я. Теперь понятно, почему все так сошли с ума. Он выгодно отличался от всех мужчин, которые были в зале. Манерами, поведением, внешностью... Он так ловко лавировал между людьми! Успевал со всеми поздороваться, перекинуться парой словечек, причём явно по делу, потому что на лицах собеседников расцветали майские розы, и двигаться дальше.

И тут он обернулся. И я увидела его глаза. Я вздрогнула. Меня сковало льдом. Внутренности моментально заморозились, и я еле пошевелила языком, чтобы облизнуть пересохшие губы.

Восемь лет назад я уже видела эти глаза.

Мне было семнадцать, закончена школа, сданы на отлично экзамены, впереди получение аттестата с золотой медалью и выпускной. Есть что праздновать. Мы с девчонками на радостях засиделись допоздна. Я позвонила домой и предупредила, что иду. Отказалась от настойчивых предложений меня встретить. Наврала, что проводят. А сама почти бегом направилась через тот злополучный парк, что теперь зовется могильником. Я была молода, по-юношески бесстрашна, впереди безбрежным океаном маячило будущее, обязательно великое и прекрасное. Не было семнадцатилетней девчонке дела в тот период до леденящих душу пересудах о банде убийц и насильников, шарящих по городу в тёмное время суток. И напрасно. Жизнь моя чуть не оборвалась в тот злополучный день.

Я шла по тёмной тропке через маленькую полянку, впереди уже виднелась главная заасфальтированная дорога с единственным горящим фонаре в парке, как меня обступили тени, тихо появившиеся из кустов.

Их было четверо. Один перегородил мне дорогу, двое обступили по бокам, один перекрыл отход сзади. Вся моя жизнь в одно мгновение пронеслась передо мной. Я сразу поняла, что живой мне уже не уйти.

Лишь бы смерть наступила быстро и хватило сил принять её с достоинством. У них были жуткие рожи. Именно такими я представляла себе зомби. Не теми карикатурными

полуразвалившимися трупами из американских фильмов. А именно такими, во всём как люди, только лица полного быдла с полным отсутствием мысли и намёков на душу в пустых глазах. В них можно было прочесть только ненависть ко всему человечеству и тупую радость от предстоящего развлечения.

Было видно, что они предвкушали и радовались попавшей в их сети жертве. Сразу становилось понятно, что просить и умять их о жалости и снисхождении бесполезно, мой страх раззадорит их ещё больше. И было также понятно, что смерть моя не будет лёгкой.

За что же так со мной? Я ведь столько ещё не сделала, столько не успела, пожалела я себя.

– У, какая цыпочка, – с гнилой улыбкой пропел мне тот, что перекрыл проход. – Не составишь нам компанию? Мы не дадим тебе скучать.

И все радостно загоготали, словно удачной шутке. Я попробовала обойти его слева, но он тут же метнулся в ту сторону и снова перекрыл мне дорогу.

– Ух ты какая. Не хочет. Слышь, пацаны, она считает, что мы недостойная для неё компания.

Все осуждающе заулюкали.

– Проучим девку? – он схватил меня за локоть.

Я дёрнулась, но он резко потянул меня на себя, и я чуть не упала. Я открыла рот, чтобы заорать, но меня сзади схватили за голову, одной рукой зажали рот, другой оттянули за

волосы.

– Пошли, курва. Мы научим тебя вежливости, – меня потянули.

Я пробовала брыкаться, но получила удар под дых. Меня снова поволокли. Они держали путь через главную дорогу к тёмному массиву ельника, маячившего впереди слева.

И тут случилось непредвиденное. Мы ещё не дошли до асфальта, как на дороге показался мужчина. Он уверенным шагом шёл вперёд. Он видел нас, но продолжал идти. Насильники встали как вкопанные, решая что делать.

И я вдруг решила, что этот мужчина мой шанс на спасение.

Я собрала все силы, которые были в организме, и попыталась освободиться из грязных лап, чтобы заорать и предупредить мужчину. Если он успеет убежать, он может позвать на помощь! Только эта мысль крутилась огненным красным вихрем в голове, сердце бешено застучало, в висках запульсировало.

И мне удалось!

Я освободилась не полностью, но ухитрилась укусить подонка за пальцы, и открыла рот, чтобы заорать.

Но тут я встретилась с мужчиной глазами, и крик застыл в горле. Момент был упущен, разозлившийся кретин ударил меня и снова схватил, чуть не вывихнув шею. Так крепко, что не могла дышать. Но всё было уже неважно.

Тот огонь надежды, что разгорелся во мне, потух момен-

тально, меня заморозило льдом изнутри, как только я увидела глаза незнакомца. Его взгляд не выражал ничего, полное равнодушие к происходящей на его глазах драме. Его взгляд был холоден, безжалостен и словно ледяная бездна подавлял волю и всякое сопротивление.

Это был очень страшный взгляд. Конечно, в тот момент мне было не до анализа, но потом я долгое время вспоминала и размышляла. И не могла решить, кто из них страшнее – эти быдло-зомби без божьей искры в тупых беспощадных глазах, или этот незнакомец с холодным, пронизывающим насквозь, забирающим волю и поселяющим холод в душе взглядом.

Ни тех, ни другого не разжалобить, и те и этот без души, одинаково смертельно опасны при встрече. Но при всём при этом появившийся незнакомец пугал меня больше. Потому что если те забирали только жизнь, он забирал с собой ещё и душу.

Я уверена, он прошёл бы мимо, если бы эти дураки сами к нему не пристали. Вероятно, чутьё не подсказало им никакой опасности. Или они уж были слишком уверены в своей силе из-за численного преимущества. Но они решили убрать ненужного свидетеля. И вот тут-то...

Всё произошло так быстро, почти мгновенно, что я помню только эмоциональную картинку, сколько я ни пыталась воссоздать детали потом, вспоминая, цельной картины так и не возникло. Этот мужчина вдруг превратился в чудови-

ще... да, именно так.

Мне трудно его описать и наклеить чёткий ярлык, определив конкретный вид. Я видела его несколько секунд, в темноте, и не успела разглядеть в деталях, да и не до этого мне было. Это был зверь, но не какой-то знакомый мне зверь. Если начну описывать, уподоблюсь тем дружинникам, что пытались его описать. Это был гибрид кого-то с чем-то, то ли бык на двух ногах, то ли ящер, то ли гибрид дракона со львом, волком и медведем. Я могу перечислять все виды животных, но всё это будет не то. Он был особенным, просто чудовищем. Я его так окрестила и называла про себя.

Он в мгновение ока в него превратился, за секунды раскидал всех обидчиков, потом я не видела, как он что-то с ними делал, потому что зажмурилась, и от страха и от невозможности поверить в происходящее.

Я не верила своим глазам. После этого он подлетел ко мне, навис надо мной, а я ни жива ни мертва смотрела в эту морду. Он поднял лапу с длинными когтями, чтобы рассечь меня, последнюю жертву. Наши глаза на секунду встретились.

Но тут послышались голоса, засверкали огни фонариков, группа людей направлялась сюда, освещая место преступления. Это были те дружинники. Возможно, не появившись на нашем пути чудовище, они бы спасли меня от преступников. А может быть нет. В любом случае, они спасли меня от чудища. Он обернулся на шум, потом повернулся ко мне, на секунду застыв в нерешительности, а потом стремительно убежал.

Но я не стала дожидаться людей, чтобы выразить им благодарность. Мне опять же некогда было анализировать, но мозг давал команды раньше, чем производил анализ. Вокруг меня были истерзанные неким чудовищем тела. Чудовищем, которого и в природе не существует, или не должно существовать. И мне придется это как-то объяснять.

Внутренний голос дал мне команду бежать! И я помчалась в обратную сторону от людей со всех ног. Но это не самое главное. Страх – вот что гнало меня прочь. Если меня застанут, мне придётся давать показания, и всем будет известна моя личность. В том числе и чудовищу.

И тогда он найдёт меня.

И даже если я ничего про него не скажу, он завершит начатое. Зачем ему свидетель его превращения? Если до этого никто о нём не знал, а я ни разу ничего такого не слышала, значит, свою тайну он скрывает очень тщательно. Он будет меня искать.

С этим страхом я жила долгое время. Два месяца я почти не выходила из дому, благо это можно было списать на подготовку поступления в институт. Но потом надо было заставить себя выйти на улицу. Первое время я постоянно вздрагивала и испуганно озиралась. А подозрительным мне казалось всё. Кто-то странно выглядел, кто-то странно отводил глаза, кто-то делал странные жесты... У меня началась мания преследования. Кругом мне виделся заговор против меня. Крыша у меня окончательно съехала, и не знаю, чем бы

закончилась эта история – скорее всего дуркой – если бы однажды мне не пришлось снова пройти той же дорогой через парк.

Я дрожала как осиновый лист, я сходила с ума от каждого шороха и движения листвы, ноги подкашивались, я обливалась потом и думала, что сердце разорвётся раньше, чем я дойду до выхода из парка. Воспоминания нахлынули снежной лавиной, и похоронили под ней мой разум. Я словно очутилась в том же дне. И стала проживать всё снова.

И вот я дошла в своих воспоминаниях до появления чудовища. И я ждала его. Что вот оно сейчас придёт и растерзает меня в клочья, перед этим подавив волю свои леденящим взглядом удава. Но проходили минуты, а ничего не происходило. Не знаю, сколько времени прошло, сколько я там стояла, полчаса, час, два... Я потеряла счёт времени. Я переживала свои видения снова и снова, а ничего не происходило. И в какой-то момент меня переклинило.

Я не могу так больше жить, я не могу больше бояться. Если оно придёт, значит, придёт. Но может быть так, что оно или он успокоилось-успокоился, что я ничего о нём не рассказала. Поискал меня, не нашёл, и покинул этот город. Ведь оставаться после всего произошедшего ему тоже было опасно.

Что, если его тут больше нет?

А вдруг его поймали, убили, или он умер сам? Что, если его вообще больше нет? И тут мне пришла вообще бредо-

вая и в то же время логичная для меня в своем бреде мысль: а что, если его вообще нет и не было? Что-то произошло тогда, но моя память поставила на это блок, придумав вот такое объяснение?

Ведь так бывает. Может, это я, придя в неистовство, их растерзала – ведь бывают случаи, когда организм в смертельной опасности выделяет такие чудеса, выдаёт такие способности, которые в нормальном состоянии спят. Вдруг я их открыла? А чтобы объяснить себе, придумала чудовище, в которое поверила.

Ведь в это поверить легче, чем в то, что я сама стала суперменом со сверхспособностями. Но эта версия долго не прижилась, позже я познакомилась со Стасом, который был увлечён этим происшествием, и ознакомилась с материалами дела. Чудовище было на самом деле.

В общем, как бы то ни было, но тогда я не то, чтобы перестала совсем бояться. Но я перестала об этом думать. Я просто жила жизнью, которую хотела до этого, словно ничего не случилось. Хотя по ночам воспоминания часто приходили ко мне в кошмарных снах. Со временем всё реже и реже. И первое время я не могла слышать ни о каких криминальных историях, потому что сразу приходили воспоминания и думы о своей ситуации, что всё могло закончиться иначе.

А занимаясь расследованием Стаса, я даже могла посмотреть на это дело отстраненно и абстрагируясь, ведь я должна была скрывать своё участие и вести себя как ни в чём не бы-

вало. По идее, меня должна была заинтересовать эта ситуация, как и всех остальных.

И вот, спустя восемь лет, когда я почти совсем успокоилась и забыла тот кошмар, передо мной стояло то чудовище. Боровский ничем не был похож на того мужчину, что я видела в парке перед превращением – совсем другая внешность. Даже, кажется, глаза другие цветом. Но между тем, я сразу его узнала. Его глаза всё так же обдавали ледяным сковывающим ужасом, и это было не изменить никакими пластическими операциями.

Глава 6

– Вот он! Ну как? – с восхищением спросила Нина. – Правда, хорош?

– Хорош?! – изумилась я. – Да он отвратителен! Он ужасен!

Нина резко оторвалась от созерцания красоты Боровского – или как его теперь называть? – и уставилась на меня с недоумением.

– Что, не поняла? Ты про что? Я про Боровского!

– И я тоже! Он омерзительный, неужели ты не видишь?

Нина смотрела на меня недоумевающе, и я постаралась взять себя в руки. А то выгляжу как истеричка. Все от него без ума, а я несу чёрт знает что. Они же явно не видят того, что вижу я.

Но почему? Неужели внешний лоск и созданная вокруг него легенда ослепили? Затмили всем глаза?

Или всё дело в том, что я видела его чудовищем? Это накладывает отпечаток? А так он видится милым приятным человеком? Но нет. Что тогда, что сейчас, меня поразил его флегматичный взгляд, лишённый какой-либо жизни.

– Что в нём отвратительного? – нахмурилась Нина. – Ты его знаешь?

– Нет, конечно, откуда? – возмутилась я. Так, надо успокоиться. – Хорошо, я тебе объясню. Давай поиграем немно-

го в Шерлока Холмса. Посмотрим на Боровского, что мы видим?

– Очень привлекательного мужчину, которому хочется сразу же отдаться, не дожидаясь второго приглашения, – захихикала Нина.

– А кроме этого? Серьёзно! – Нина меня сейчас просто бесила.

– Ну не знаю... Начни ты.

– Окей. Широкая бычья шея, упругое накачанное тело, мышцы рельефно выступают даже под костюмом...

– О, да-а...

– Нина! Я серьёзно! Или сейчас прекращу и уйду!

Нина опять нахмурилась и озадаченно на меня посмотрела. Кивнула.

– Ты журналист, включи аналитические способности. О чём это нам говорит?

– О том, что парень много времени проводит в спортзале, – вопросительно посмотрела она на меня.

– Окей. Очень много, да? Но он не качок, заметь. Он бизнесмен, антиквар, меценат, покровитель искусств и так далее.

– И что? – нахмурилась Нина.

– Пошли дальше. Что ты можешь сказать о его походке?

– Ну, такая, пружинистая. Осанка прямая. Грация есть.

– Вот именно. Пружинистая походка человека, который явно либо воевал, либо служил в органах какое-то время,

то есть походка человека, знакомого с опасностью. Но при этом нет выправки военного. Он явно не стоял в строю и не вышагивал, чеканя шаг на учениях.

– Ну? – нахмурилась Нина.

– При этом, как мы отметили, он может поддержать беседу на любую тему, умеет зарабатывать деньги, отличить экспрессионизм от сюрреализма, умело поддержать флирт и не скатиться в пошлое заигрывание. Носит рубашки и костюмы так, словно он икона стиля. У него даже запонки бриллиантовые вместо пуговиц! Нина, много у тебя знакомых мужчин, носящих запонки?! Так вот, Нина, я бы бежала от этого парня за тридевять земель, пока не поздно. И постаралась с ним больше никогда не встречаться.

Нина хмурилась, а я уже пожалела, что начала эту игру. Не хватало ещё втянуть подругу. Зная её упёртость и журналистскую дотошность, если она начнёт копать под него... Она же может оказаться в опасности!

– Но это ведь не всё? Тебе не нравится в нём что-то ещё?

– Самое главное, Нина, это глаза. Мне не нравятся его глаза. Я в них вижу только жестокость и пугающий холод. И меня удивляет, что этого никто не видит.

Нина пожала плечами.

– Глаза как глаза. Завораживающие, насмешливые, требовательные. Ты перегибаешь палку.

Я вздохнула с облегчением. Пусть так и будет. Ни к чему лишний подозрительный интерес Нины к нему. Но сейчас в

опасности была я. Если он меня увидит, если он меня узнает...

Мне хотелось бежать без оглядки. Сорваться, как лань, чуя приближение охотника. Но так я выдам себя сразу же. Он же сам зверь, он же сам охотник. Он тут же учует добычу. Мне надо уйти незаметно. Я подумала как мне лучше обставить свой уход, Нина крепко держала меня под руку.

И тут, словно, почуяв мой страх или недоброжелательный посыл, Боровский, ну уж буду так его называть, всё лучше, чем чудовище, повернулся в нашу сторону, и мы встретились глазами. Я снова вздрогнула от пронзившего меня ужаса, но быстро взяла себя в руки, надеясь, что он не заметил. На лице его не дрогнул ни один мускул, я не поняла, узнал он меня или нет.

Он был уже совсем рядом, я искала пути отступления, как возле нас возник Стас и, схватив меня под свободный локоток, продвинул прямо к Боровскому.

– Александр, вы ещё не знакомы, это Анна Петрищева, моя девушка...

Я чуть не поперхнулась от его слов, недоумённо уставилась на Стаса, забыв даже про свой страх. А Нина влезла:

– Бывшая!

Стас недовольно на неё посмотрел и повернулся к Боровскому.

– У нас небольшая размолвка...

– Понимаю, – со снисходительной улыбкой кивнул Боров-

ский и посмотрел мне в глаза.

В этот раз, я хоть и была ни жива ни мертва, но совладала с испугом, повторяя про себя как мантру: мы среди людей, мы среди людей... не убьёт же он меня при всех. И даже смогла выдавить лёгкую улыбку.

«Может, он меня не узнал? – с затаённой надеждой думала я. – Ведь он видел меня как я его – всего пару секунд». «Но ты-то его узнала!» – вступил голос в диалог. И сердце снова затрепыхалось от страха.

– Александр Боровский, – представился он и протянул руку, – можно просто Алекс.

Я заставила себя снова улыбнуться и пожать ему руку. Ожидала что дотронусь до ледышки, и снова вздрогну, но рука была на удивление тёплой.

– Очень приятно. Я о вас уже наслышана. Вы недавно приехали, но уже успели обаять всех мужчин и очаровать всех женщин нашего города.

Я старалась вести себя как ни в чём не бывало. Он усмехнулся.

– Это было несложно.

Прозвучало это как-то хвастливо, он сам это понял и поправился:

– Немного обаяния, много денег, пара анекдотов, несколько комплиментов, одна улыбка – и все двери перед тобой открыты.

– Не скромничайте, ещё вы привлекательны. И, что нема-

ловажно, холосты! – это влезла Нина.

Боровский с улыбкой учтиво кивнул, а Стас, скуксившись, представил Нину.

– А это Нина Пуговкина, подруга Ани, и заноза в заднице многих порядочных людей.

– Ты ведь не себя имеешь в виду? – язвительно поинтересовалась Нина и, обернувшись с улыбкой к Боровскому, кокетливо сказала: – А также журналист конкурирующей Стасу газеты.

– У меня нет конкурентов, – процедил Стас сквозь зубы. – Так, девочки, отходите, я представлю Александра нашему уважаемому Загоскину Виктору Сергеевичу, – и тихо пояснил всё ещё улыбающемуся нам Боровскому, – председателю законодательного собрания.

Они пошли дальше. Мы проводили их взглядом.

– Нет, ты видела! – возмущалась Нина на поведение Стаса. – Даже слова не дал вставить. Я молчу уже об оскорблениях! А тебя? Представить своей девушкой. Каков нахал, а! Это специально показать свои права на тебя перед Алексом. А тот был не против ещё поболтать с нами...

Я невесело усмехнулась – для Нины Боровский уже Алекс. Я наконец-то нащупала в сумочке телефон, и он разразился громкой трелью. Я скорее выхватила его, взглянула и извинилась перед Ниной:

– Я сейчас.

Я сделала вид что говорю по телефону и отошла. Вернув-

шись, сообщила, что мне пора домой.

– Что-то случилось?

– Ты же знаешь, у нас дома постоянно что-то случается. Но мне правда пора. Боровского я посмотрела, познакомились. Он мне не понравился, да и Стас всё равно не дал бы с ним сегодня пококетничать. Так что вся надежда на тебя, – я с улыбкой чмокнула её в щёку.

– Тебя проводить?

– Да что ты, не надо! А то ещё упустишь свою добычу. Наслаждайся.

Я почти бегом направилась к выходу, чуть задержавшись в гардеробной. На выходе ко мне скользнула тень.

Боровский – а это был он – схватил меня под локоток и утащил в туалет. Запер дверь, и грозно нависнув надо мной, требовательно спросил:

– Как ты узнала меня? Я с того времени сменил внешность.

Глава 7

Конечно, я могла невинно спросить, о чём это он, но под его взглядом играть в дурочку желание отпало.

– По глазам, – мой голос почему-то прозвучал виновато.

– Что глаза? Я линзы вставил! – он был очень зол. А мне было страшно, очень страшно.

– Дело не в цвете. А в том, что они у вас словно два ледяных айсберга. Холодные... очень холодно. Прямо замораживает, – как могла пояснила я.

Конечно, я могла бы сказать, что они безжизненные, бездушные, жестокие, и когда смотришь в них, словно оказываешься посреди ледяной пустыни, которая начинает поглощать и тебя, но я не стала. Не дразни зверя, гласит народная мудрость.

Он нервно хохотнул.

– Холодные... пойти погреться у кого что ли...

Он пристально посмотрел на меня.

– Боишься, да?

– Вы меня убьёте? – против воли голос и губы жалко задрожали.

– Ты же никому про меня не рассказала, и потому ещё жива, – усмехнулся он, но недобро. Совсем недобро.

– Нет, никому. И не собираюсь.

– Ну, тогда живи дальше, – он явно забавлялся моим стра-

ХОМ.

– Тогда зачем вы здесь? – я сама удивилась своей смелости.

– По делам. У меня здесь есть свои дела, – он хмуро посмотрел в маленькое окошко, и на какое-то время забыл обо мне. Но я напонила.

– Вы бы тогда прошли мимо, да? Если бы эти придурки к вам не пристали? – не то чтобы меня волновал этот вопрос все эти годы, ответ я на него знала. Но мне хотелось услышать это от него.

– Что? А, да, конечно. Зачем мне было встречать? Чтобы тебя спасти? Мне было всё равно, что у вас там происходит. И ты это поняла, раз не стала звать на помощь, да? Умная девочка. А как ты поняла? Также по глазам? – он усмехнулся.

Я кивнула. Он покачал головой.

– Надо что-то с ними делать... Ну прости, детка, ты, наверное, думала, что я герой, типа супермена там, человек со сверхспособностями, который стоит на защите слабых и угнетённых, – он тихо засмеялся, только глаза у него оставались всё такими же безжизненными, – но это не сказки, это жизнь. Я просто... – он замолчал, запнувшись.

– Чудовище, – закончила я за него.

Странно, но он не злился, не рассердился. Мне показалось, что он даже испытал облегчение от того, что я это сказала.

– Да, именно так, – подтвердил он. – И тебе лучше дер-

жаться от меня подальше и не попадаться на глаза.

Я выбежала из туалета и бежала, не помня дороги, до самого дома. Несколько дней я опять провела в паническом страхе, как восемь лет назад. Я почти не спала, мне снились кошмары. Но работа и хлопоты сделали своё дело, я почти успокоилась. И пыталась принять, что в мою жизнь вошло что-то новое, чуждое мне, пугающее, но уже неотвратимое.

Нина и Стас пытались до меня дозвониться, но я не брала трубку. Чтобы они не беспокоились, написала смску, что всё хорошо, но пропал голос, поэтому не могу говорить.

Как только я вышла на работу, тут же заскочила Нина.

– Ты выздоровела? У тебя всё хорошо? – пригляделась она ко мне, выискивая симптомы болезни.

Я кивнула, схватила за горло и выдавила:

– Да, лучше. Но горло ещё болит, трудно говорить.

– Лимон ела? Ромашкой поласкала? Водкой с солью протирала? – накинулась она на меня.

– Да, и вот я, видишь, уже на ногах, – успокоила я подругу.

– Для голоса – гоголь-моголь, молоко с мёдом, тёплый коньяк.

– Угу. Коньяк с лимоном как раз, одним махом все болезни, – улыбнулась я.

– Да вообще, универсальное средство: и для нервов расслабон – все болезни от стрессов, и просто приятное лекарство, – она заговорщицки подмигнула: – Давай? По стопоч-

ке?

Услышав про нервы и стрессы, я подумала, почему бы нет? Мне не помешает расслабиться. Достала из шкафа всегда имеющуюся на всякий случай бутылку для клиентов, попросила Жанну принести рюмки и закуску.

Когда за Жанной закрылась дверь, Нина проводила её взглядом и заметила тоном, которым обычно приглашают развить тему и посплетничать:

– Красивая деваха, да?

– Конечно, а как иначе? Секретарь – лицо компании.

Нина взяла рюмку. Коньяк заплескался на свету расплавленным тёмным золотом.

– Да ты погрей-погрей, – посоветовала она мне. – Вот и лимончик. Пососи потом. Твоё здоровье! – и сделала глоток. Зажмурилась. – Эх, хорошо. Тепло разливается. На улице английская морось с туманом, у тебя французский коньяк и секретарь с красотой знойной испанки.

– А лимон не знаю откуда. В Абхазии растут? Или из Турции всё же?

Нинка сначала сердито стрельнула глазами, потом расхохоталась.

– Сейчас как запущу чем-нибудь! Тебе повезло, что ты болеешь.

– Если есть что говорить, рассказывай. Мне трудно поддерживать беседу о красоте Жанны, у меня горло болит. К тому же не люблю судачить о своих сотрудниках. У неё кри-

вые ноги, плоская попа и глубокие морщины – ты же не это хочешь услышать?

– Могла бы вежливо поддержать беседу, подруга называется, – буркнула обиженно Нина.

– Подругам не надо устраивать танцы с бубнами, прежде чем что-то сказать, – парировала я. – Что с Жанной?

– Она с кем-то встречается?

– Если и да, то я об этом не знаю. Насколько я знаю, нет. Или она тщательно скрывает. Так кто же он? Я должна щипцами из тебя всё вытягивать?

– Я видела её со Стасом.

Я подняла брови вверх. Ну что ж...

– Ну и что? Они оба свободны. Стас так точно. Но спасибо что предупредила.

– Он козёл, Аня. Она твоя подчинённая!

– Не думаю, что он это специально, – мягко заметила я. – Знаешь, иногда так шваркнет по голове, что тут уже не важно кто и что. Может, это любовь?

По промелькнувшей гримасе на лице Нине, было видно что она об этом думает. Но от крепких слов воздержалась, вполне интеллигентно заметила:

– Почему ты его всё время защищаешь?

– Потому что ты на него всегда нападаешь.

– Он не оставляет выбора. Он держит тебя на поводке, дергая за шлейку, чтобы ты далеко не убежала, а сам встречается с другими. Не уверена что Жанна у него одна.

– Никто меня на поводке не держит, не придумывай, – обиделась я.

– А зачем он за тобой ухаживает, зачем просит вернуться? Открыто бы встречался с Жанной.

– Так они и не прятались, раз ты их увидела. И вообще, мало ли по какому поводу они могли встретиться? Да миллион на самом деле.

– Например?

– Например, это могло касаться каких-то общих знакомых. Она могла к нему обратиться и как к журналисту – он ведь часто бывает в офисе. Может, ей понадобилась информация. Помощь какая-то.

– Или она следит за тобой и докладывает ему.

– Э-э, постой, о чём ты? Зачем ему следить за мной на работе, я что, устраиваю тут пятничные оргии или тематические вечеринки? К тому же всегда есть телефон. Встречаться для этого не надо.

– Ну может кому-то одному из них этого очень хочется, чем не повод для личной встречи. А у тебя телефон не прослушивается?

Я покосилась на телефон на рабочем столе.

– Мой – да. А Жаннин – вряд ли, не думаю. Ничего интересного в разговорах в приёмной нет. К тому же есть мобильный! – я потрясла перед Ниной своим мобильником. – Ты лучше скажи, как они себя вели в невербальном общении, от этого и надо плясать.

– Я видела её в его объятиях, но были ли они любовными, дружескими или это было утешение – зуб не дам. Лица плохо видела.

– Вот видишь, поэтому давай не будем спешить с выводами, пока ситуация не прояснится. К тому же Стас вряд ли бы стал прилюдно обниматься, когда все знают, что он хочет меня вернуть. Кто-нибудь бы тут же донёс, – сказала я и прикусила язык.

Нинка поперхнулась и зло на меня посмотрела. И я зататорила, чтобы она не зацикливалась:

– Надо с ним на свидание сходить, мы на самом деле давно не говорили по душам. Может, он сам всё расскажет.

– На презентации «Непознанного» он представил тебя Боровскому как свою девушку. Интересно почему? – агрессивно поинтересовалась она.

– Ладно, давай оставим эту тему. По второй, за нас, красивых, – наполнила я наши рюмки.

– Все мужики – животные, – попеняла Нина, а я вздрогнула.

Рюмка чуть не выпала из рук, несколько капель коньяка расплескались на юбку. Я схватила салфетку и вытерла.

– Солью засыпь, потом отстираешь, – посоветовала Нина.

– Да ладно, юбка тёмная, а я скоро уже домой, – махнула я рукой. – Кстати, про презентацию. Ты долго там ещё была? Чем всё закончилось?

Глава 8

– Ой, умора, – оживилась Нина и начала рассказывать, какие казусы случились, когда люди уже перебрали кровавой Мэри.

Кто-то испугался в полутьме официанта-вампира, кто-то приставал к ведьмам, чтобы они ему предсказала будущее, кто-то заляпался искусственной кровью, щедро разлитой в зале, и тем самым напугал свою супругу.

– Но героем вечера, вернее следующего дня стал Леонов. Он так нажрался, что отрубился в гробу, никто и не заметил. А он очнулся под утро, и его чуть кондратий не хватил. Прикинь, просыпается мужик с похмелья утром в гробу, – Нинка весело захохотала.

– Да уж, веселье, – мне было не смешно, и теперь я понимала, почему мне пеняли на отсутствие чувства юмора.

– Да ладно тебе, – махнула Нинка рукой, – над ним весь город потешался. Он и сам потом смеялся. Теперь всем как байку рассказывает.

– Из склепа, – не удержалась я.

Нина хмыкнула и допила залпом остаток коньяка.

– Только Ерошкина накаркала, мол, плохая примета, умрёт в этом году. Но она странная, ты знаешь. Никто не обратил внимания.

У меня мороз по коже прошёл. Ерошкина, конечно, дама

странная, и есть с чего, но моё сердце тоже кольнуло от какого-то плохого предчувствия. Не люблю я этих шуток, наверное, с атрибутами смерти и нечисти. Зачем шутить с тем, что по сути не является предметом для смеха и шуток? Это как если предлагаешь тёмным силам поиграть, и тоже пошутить в ответ. Только вот вопрос, кто будет смеяться последним. Хэллоуин всё-таки не мой праздник.

Или я такая трусиха стала из-за того, что со мной случилось?

Про зверя было и страшно и интересно услышать. Посмаковав последние глотки обжигающего напитка, и наслаждаясь послевкусием дубовых и шоколадных ноток, я всё-таки решила:

– А что там с Боровским? Чем всё закончилось, кто-нибудь отхватил-таки этого мачо-брутатччо? – спросила я шутливо-наиграно.

– Ой, он ушёл где-то через полчаса после тебя, так что все обломались. Он со всеми увиделся, парой слов перебросился, с кем не был знаком – познакомился, и отбыл восвояси. Такой вот загадочный и недостижимый, – Нина налила себе очередную рюмку и отпила глоток уже без тоста. – Ничего коньяк, – похвалила она. – Мягкий такой.

– Угу, – подхватила я, – только голова потом будет болеть жёстко.

– Да ладно тебе, как бабка старая, – упрекнула меня Нина, и я улыбнулась. Она вернулась к теме: – Кстати, знаешь,

ходят такие слухи что у них чего-то там с Викой Граниной.

Нина посмотрела на меня выжидательно, приглашая обсудить эту новость. Вика Гранина у нас была известной личностью, слава которой бежала впереди неё. Дочь сестры губернатора, которая разошлась с её отцом ещё когда Вика была совсем ребёнком. Отчим занимал не последнее место в администрации края. Она была очень избалована матерью и дядей. У того было два сына, и Вика ему была как дочь, он в ней души не чаял. А потому Вике у нас позволялось всё.

Все капризы исполнялись, все проказы прикрывались. Журналистам она была как кость в горле – много что можно написать, и в то же время ничего плохого. Только светлый, почти комсомольский образ. Всё остальное из издания изымалось до выхода статьи. Вика была ещё той оторвой. Но я ей больше симпатизировала. Умная, энергичная, безбашенная, могущая себе позволить любую выходку – где-то мне этого не хватало самой, и может, я немного завидовала этой беззаботности.

Хотя нельзя не отметить, что из-за того что её сильно баловали, её иногда заносило. Она не была беспринципной и злой, но у неё начисто отсутствовала критичность по отношению к собственным поступкам и персоне. Ей бы немного вставить мозги на место, подержав какое-то время в ежовых рукавицах, она бы стала отличной девчонкой и завоевала сердца всех. Но на это надежды не было. Если она сама не остановится, превратится в эксцентричную самодурку.

Кстати, в своё время у них был яркий роман со Стасом. Я тогда очень переживала, потому что в то время мы с ним как раз сближались, и у меня к нему пробивались первые ростки чувства. Но в наше робкое и постепенное сближение, вихрем, как ураган, ворвалась Вика, и отодвинула наш роман со Стасом во времени. Почти на год. Потом они расстались, и потрёпанный и израненный Стас, как кот, после мартовских гуляний, восстанавливался и зализывал раны со мной.

Но Вика, как сегодня выразилась Нина, но по отношению Стаса ко мне, держала его, как и всех бывших возлюбленных, на поводке. Время от времени она их дёргала, видно, предаваясь ностальгии, или просто самоутверждаясь, и те, по первому зову мчались в её объятия. Такая вот роковая Виктория. И тем не менее, не знаю почему, ненависти у меня к ней не было. Хотя мы с ней ни разу не сталкивались нос к носу, и какие чувства у неё были по отношению ко мне, я не знала. Впрочем, я не была и уверена, что она знает о моём существовании, хотя мы пересекались и не раз. Как и с тысячей других людей.

– Что ж, я не удивлена, – заметила я. – Вряд ли бы Вика пропустила такой экземпляр, и Боровскому удалось избежать её внимания.

– А я не верю, – заявила Нина. – Парень ещё осмотреться в городе не успел, а уже якобы сделал выбор. Он не из тех, ну, играй-гормон, которые. Что-то мне сдаётся, он нас всех, заинтригованных, ещё поматросит со своим выбором.

Я так точно запаслась попкорном и уселась в первом ряду зрительского зала.

– Чой-то зрительского? – подивилась я. – А принять участие в боях за альфа-самца?

Я сымитировала руками боксёрские движения на ринге.

– Если шанс мне представится, будь уверена, я его не упущу, – подмигнула она. – Но что-то сдаётся мне, что я не в той весовой категории.

– Может и к лучшему? Зачем тебе мужик, которого всю жизнь надо охранять от соблазнов? Его и одного никуда не отпустишь – сразу стайка особей женского пола повиснет. Облепят как грушу осы. Вот оно тебе надо?

– Ты сейчас про кого, про Боровского или про Стаса? Потому как где на Алекса повиснут, там и слезут, а Стас попросит ещё и двойную порцию.

– Я вообще-то про Боровского, но можно отнести и к обоим, да. И почему ты так в нём уверена? Ты его совсем не знаешь.

– Я всё-таки журналист, – сделала она передо мной рукой жест ква-ква. – И наблюдательный журналист. Плюс женское чутьё, отработанное на многих особях мужского пола. Мои наблюдения говорят мне, что Вика что-то там себе нафантазировала и пытается всех убедить, что её фантазии – это реальность. Или она, как Стас на презентации, назвав тебя своей девушкой перед Алексом, хотел показать свои права на тебя, таким же образом хочет застолбить себе Боровско-

го. Чтобы на её пути никто не вставал.

В принципе я тоже думала, что Боровский не встречается с Викой Граниной. Только на то у меня были свои аргументы, которыми я ни с кем не могла поделиться.

Глава 9

Я подумала, что мне действительно надо встретиться со Стасом и поболтать о том о сём. Я была уверена, что Крекшин сразу заинтересовался Боровским и его целью приезда. Почему вдруг тот выбрал наш город? Но также догадывалась, что и Боровский (как его называть-то, если я знаю, что это не его фамилия?) это понимал. Недаром приблизил Крекшина к себе, чуть ли не друзья-приятели стали. Не мог он без проверенной легенды сунуться – вот так появиться перед всеми, перед всей верхушкой общества.

Мучимая сомнениями, я то бралась за телефон, то откладывала. Ведь сначала Стас заведёт волну о наших отношениях. И хотя всё вроде уже сказано, в свете новых событий, мне Стас был нужен в друзьях, а не врагах. Но вечно динамить его я тоже не могла. Тут на ум сразу приходили слова Нины о длинном поводке. Только кто из нас на нём сидел и кто кого дергал, это ещё вопрос. Стас и окружающие думали, что Стас хозяин положения и поводок в его руке. Мне это было удобно, и я позволяла себя дёргать за него, когда это входило в мои интересы. И Крекшин при этом оставался довольным.

Так и не решившись, получилось так, что Стас позвонил мне первый. После того как узнал, что я встречалась с Боровским.

Хотя я старалась как могла избегать встреч со зверем, не встречаться не получалось. Я же не могла каждый раз спрашивать, будет ли Боровский, чтобы не пересекаться с ним. Мы встречались на мероприятиях, в гостях, в кабинетах. Он даже пришёл ко мне на работу. То есть не он сам, его привела ко мне общая знакомая, порекомендовав как лучшего специалиста.

– Анечка, – пропела Маргарита Львовна, – Алексу нужна лучшая квартира в городе. К кому мы могли обратиться, как не к тебе, дорогая?

Они зашли в мой кабинет, застав врасплох. Жанна меня, конечно, предупредила, но их появление в моём офисе было очень неожиданным. Вот уж кого не ожидала увидеть на пороге своего кабинета, так это чудовище. Нет, были у меня фантазии, как зверь врывается в кабинет и убивает меня, но чтобы тот пришёл по рабочему вопросу...

Я пыталась взять себя в руки, но получалось плохо. Я вскочила, чтобы поприветствовать Маргариту Львовну, попутно вытирая мгновенно вспотевшие ладони о юбку. Обожала эту сухонькую старушку. И мне было неприятно видеть как она со всем доверием повисла на руке чудовища. Судя по всему, они уже успели подружиться. А я в нём видела только опасность для всех. Вдруг он причинит ей вред?

Поскольку теперь чудовище у меня ассоциировался с персоной Боровского, конкретным мужчиной, называя про себя его чудовищем, я склоняла его в мужском роде.

Он же с любопытством оглядывал мой кабинет. Когда взгляд останавливался на мне, сменялся на насмешливый. Я тут же оценивающим взглядом посмотрела на кабинет его глазами. Ничего личного, обыкновенная офисная комната, ну, может, быть чуть более представительская: ремонт качественнее, материалы получше, мебель подороже. Но нечто индивидуальное и не говорящее о вкусах хозяина.

Я была хозяйкой этого кабинета меньше года, поэтому пока не собиралась ничего менять. Единственное что могло обо мне что-то сказать – это мой рабочий стол. На данный момент он был почти девственно чист: ноутбук, телефон, небольшое количество бумаг в красивых папочках аккуратно разложены по стопочкам. Никаких личных вещей: чашек, безделушек, фотографий и прочей ерунды на столе не было.

И между тем, это ни о чём не говорило. Чай мне приносит и уносит Жанна, безделушки от клиентов пылились в шкафу, фотографии я вообще считала нонсенсом ставить на стол. Да и кого мне было ставить, Стаса? Или Нину? С родными я живу и вижу их каждый день. А вот видел бы он мой стол на предыдущем месте! Я даже мысленно хихикнула от этой мысли. Вот где можно было сразу всё обо мне сказать! Полный хаос и беспорядок, в котором я тем не менее отлично разбиралась. И куча личных вещей, кричащих обо мне.

В любом другом случае я была бы очень благодарна Маргарите, но не в этот раз. Я поспешила сплавить нежеланного клиента нашему агенту.

– Галина вполне может справиться с этой задачей, – завершила я их.

Маргарита непонимающе уставилась на меня, как я могу упускать такого клиента?

– Анечка, дорогая, ты не поняла, Алекс такой клиент, который требует индивидуального подхода, на самом высшем уровне, – она так подчёркивала каждое слово, что я чуть не прыснула, – им должна заняться только ты, – она многозначительно посмотрела на меня, выразительно округляя глаза и качая головой.

– Да, будьте так добры, – скромно промолвил Боровский, хранивший до сих пор насмешливое молчание.

Куда было деваться. Мы поехали осматривать объекты, достойные внимания клиента такого уровня, как Боровский. По дороге высадили Маргариту Львовну у дома подруги, она решила заскочить к той на чашечку чая.

И у них будет свежий предмет для обсуждения, ухмыльнулась я.

Мы остались наедине. У меня опять было началась паника – вдруг он увезёт меня куда-то и убьёт? Но я постаралась взять себя в руки. Для этого не надо было воротить таких дел со старушкой, и в офисе все знают, что я уехала с ним. Я и правда слишком паникую. Да, он может убить меня в любой момент, но раз до сих пор не убил, значит, пока не собирается. Ибо сделать это с момента нашей встречи на презентации у него было миллион возможностей.

Надо принять, что он не убьёт меня до того момента, как я что-то сделаю не так. Значит, надо вести себя, как обычно вела себя всё это время. И всё будет хорошо.

Мы подъехали к самому престижному дому – самому высокому известному небоскрёбу нашего города. Когда вышли из машины и направились ко входу – сначала надо было пройти пункт охраны при въезде на территорию, – я поинтересовалась:

– Это называется держаться подальше?

– Ну я же не знал, что ты такая активная светская львица, всех знаешь, тебя все знают...

– Я не светская львица! Я журналист! Поэтому со многими знакома.

– Журналист, владеющий агентством недвижимости? – удивился он.

– Да конечно, кто меня к кормушке допустит! Я просто назначенный директор, так сказать пиар-лицо агентства. А журналист теперь внештатный...

Я подала охране на КПП свой пропуск как агента недвижимости, выписанный владельцем строительной компании-застройщика. Пропуск позволял мне пройти на территорию гнездования нашей элиты, которая посчитала себя обязанной прикупить здесь квартиру, даже если не собиралась жить. Превратив этот дом в некий элитарный клуб для избранных.

– Это из-за Стаса? – поинтересовался Боровский причи-

ной.

– Да, из-за него. Кроме того, я теперь хорошо зарабатываю. А журналистом не особо.

– Только хотел поучительно сказать, вот к чему приводят служебные романы, но не буду, раз всё к лучшему.

Боровский прервался – охранник вернул документы и открыл шлагбаум. Мы пошли дальше.

– В общем, так и выходит, что не видеться у нас не получится, – подытожил Боровский. – Поэтому предлагаю обратное – давай станем друзьями. Тем более ты знаешь мой секрет. Можно сказать, между нами уже почти нет тайн, что уже хорошее начало для дружбы.

– Трудно считать другом того, в чьём голосе мне постоянно слышится сарказм.

Боровский приподнял брови, развел руками. Подумав, сказал:

– Хорошо, я постараюсь его убрать.

– Не получится. Ты же не можешь быть милым, искренним и душевным.

Он опять поднял бровь, подумал, предложил:

– Ты права, не могу. Я его тогда завуалирую. Так пойдёт?

– Вряд ли. Это просто было первым в списке. Если речь о доверии и секретах, вопрос: зачем ты тут?

Я повернулась и пристально посмотрела на него. Даже приостановилась. Тем более мы уже подошли ко входу в дом.

– Да, дружбы не получится, – недовольно проговорил он, обогнул меня и вошёл в подъезд.

Глава 10

Конечно, подразумевая слово подъезд в элитном доме, имеется в виду нечто другое. Проблема в том, что у нас ещё нет термина, обозначающего всю концепцию общественной зоны в таких домах. Слово подъезд сюда не подходит, но и те термины, которые используют риелторы, чтобы его заменить: будь то парадное, лобби, вестибюль, холл, как в гостинице – его полностью не заменяют. Они лишь обозначают одну выделенную зону. А комплекс включает в себя не только входную группу, но и все общественные зоны.

Как принято, отделка холла состояла из натурального камня: мрамора, оникса, травертина. Поскольку мы находились в северной широте, застройщик выбрал тёплые, согревающие оттенки камня. Жёлтый оникс изнутри сиял солнечным светом, а бежевый травертин навевал мысли о горячем пляжном песке на берегу тёплого моря. Из разных тёплых оттенков мрамора были выложены фрагменты мозаики. Что важно, все они имели округлые формы без острых углов. Плавные линии рисунков создавали обманчивую атмосферу расслабленности. Утопая в нутре мягких жёлто-горчичных кожаных диванов и кресел в зоне ожидания слева от входа и правее стойки ресепшена, очень трудно потом было заставить себя оттуда выбраться и выйти в непогоду.

Рядом стояла небольшая барная стойка. Там могли налить

кофе или коньячок для гостей, но в основном он действовал как фито-бар, предлагающий спортивное питание с напитками для тех, кто посещал фитнес-клуб, расположенный следом за стойкой. Впрочем, перечислять все бытовые службы, созданные для облегчения быта и жизни жителей этого дома, не стоит. Потому что если какой-то услуги и не было, было достаточно сделать звонок управляющему, и проблема будет тут же решена.

Что особенно мне нравилось, что застройщик учёл ошибки других, принял во внимание погодные условия нашего края и разорился на полы из сланца, а не общепринятого гранита или мрамора. Осенью и зимой можно было ходить по нескользкому полу, не боясь расшибиться, не дойдя даже до стойки ресепшена. К тому же матовые, но искрившиеся миллионами сверкающих на свету блёсток, плиты камня были потрясающих оттенков зелёного – от изумрудных с золотом до болотно-горчичных. Мне не надоедало любоваться сланцем каждый раз когда я сюда попадала.

Я посмотрела на реакцию Боровского – впечатлён ли он увиденным, или у него уже выработан иммунитет к роскоши? Но тот даже не стал осматриваться, один секундный оценивающий взгляд и ноль эмоций – а ведь ему здесь предлагается купить квартиру! Он вёл себя настолько естественно, словно родился во дворце. Вот откуда у него это, хотелось бы знать?

Мы поднялись в пентхаус, выставленный на продажу. Я

остановилась посреди огромной гостиной, которая включала в себя и кухню, бар и столовую группу. Квартира была двухуровневая, и окна с панорамным остеклением были высотой около десяти метров. Естественно, Боровский сразу подошёл посмотреть на открывавшуюся взору панораму города.

– Вот, это лучшее предложение, что есть сейчас. Лучший дом, лучшая квартира в городе. Дом в центре, пентхаус на последнем, 32 этаже, самая высокая точка города, отовсюду прекрасный вид на город, и, заметь, единственный такой. 276 квадратных метров достаточно для одинокого холостяка твоего уровня. Ещё около 80 приходится на застеклённую террасу на крыше, которую по желанию можно превратить во что угодно: от сада или смотровой площадки, до бассейна. Дизайн интерьера был выполнен приглашёнными миланскими дизайнерами, система умный дом включает в себя...

Я подробно рассказала о защите, великолепных технических начинках. Текст отскакивал от моих зубов, любо-дорого послушать. Боровский ходил по гостиной перед окнами, не слушая, думая о чём-то своём. Я всё рассказала и ждала, что он скажет. Но он смотрел на расстилавшийся внизу город и молчал.

– Александр?

Он обернулся, словно очнувшись от сна.

– Зови меня Алекс, пожалуйста, – в его голосе послышались нотки раздражения.

– Хорошо.

Подумаешь, Алекс так Алекс, язык не отсохнет, подумала я недовольно. Хотя почему-то как раз язык не ворочался так его назвать, это было как-то... интимно что ли. Я попробовала про себя несколько раз произнести, попробовать на вкус: Алекс, Алекс. Нет, не могу.

Между тем Боровский подошёл ко мне и хмуро, с сомнением, спросил:

– Тебе правда нравится?

– Это лучшее предложение в городе, – безэмоционально кивнула я.

– Это не то, о чём я спросил.

– Ну, – оглянулась я, хотя уже была здесь, – она, конечно, большевата, как для меня. Я бы немного перестроила её под себя, кое-что изменила, но в целом, эта квартира ценится не за дизайн интерьера, а за расположение и вид из окон. Весь город как на ладони, полная панорама, со всех четырёх сторон. Личная терраса на крыше. Конечно, мне нравится. Что тут может не нравится? Я просто никогда не задумывалась над этим, ведь мне никогда в такой не жить.

С языка чуть не сорвалось, я же не чудовище. Но я вовремя остановилась. Он не заметил, думая, о чём-то своём. Снова отвернулся к окну, засунув руки в карманы. Пока я выдавала ему информацию, успела порассматривать его. Снова элегантный костюм в тонкую едва различимую полоску немного непривычного кроя, у нас я таких не видела, даже у щеголеватого Крекшина. И снова бриллиантовые запонки в

рукавах бледно-лиловой рубашки.

Но если на презентации был обычный новодел круглой формы, то сейчас они были квадратные и явно антикварные. С каким-то изображением то ли рыцарского креста, то ли старинного герба на чёрном фоне – эмаль? Или что-то другое? Они составляли пару печатке на безымянном пальце левой руки. Не то чтобы я сильно разбиралась в драгоценностях, но разница в данном случае между обычной, хоть и дорогой ювелиркой и драгоценностью, которой уже не одно столетие, была очевидна даже для меня с первого взгляда.

Только вот в символах я не разбиралась, поэтому определить изображение на этих украшениях не смогла. Но они вызвали любопытство. А ещё опять подумалось, вот откуда в нём это? Что за жизнью он живёт, в которой уживается зверь-человек и, судя по всему, насчёт умения разбираться в антиквариате, он не врал.

Поскольку он молчал, я продолжила:

– Есть ещё одно достойное тебя предложение. Отреставрированный старинный особняк в историческом центре. Он принадлежал Нарышкиным, затем там недолгое время был госпиталь, потом медучилище. Затем временно его перевели в музей, а потом, как водится, в частную собственность. Сейчас там продаётся квартира, занимающая весь второй этаж особняка, тоже около трёхсот метров. Отдельный вход. На первом этаже гараж на три машины. И в левой половине частные магазинчики с отдельными входами,

но можно договориться и выкупить. Тогда весь особняк будет в твоём распоряжении. Он ценен своим историческим значением. Да, потолок там пять метров, все коммуникации новейшие...

Я опять говорила потрясающе интересные вещи в пустоту.

– Послушай, – перебил он меня наконец, отвернулся от созерцания окон, подвёл к барной стойке, усадил и сел рядом сам, – это всё замечательно. Но ты знаешь мой секрет, и вот давай сейчас как раз проверим наше намерение о дружбе. Как друг, помоги мне. Мне нужна квартира под меня – обычная квартира, но чтобы у подъезда было два выхода, а также выход на чердак и на крышу. Для отхода, в случае чего. А также минимум соседей и нелюбопытных. Можешь сделать? Эту я, пожалуй, оставлю для понтов, для статуса. Буду сюда гостей и девчонок приводить. М?

– Александр...

– Алекс, – прорычал он.

– Не могу, извини. Я конечно, ценю твоё намерение воспользоваться помощью *друга*, – теперь и в моём голосе звучал сарказм, – но я же не знаю твоих намерений. Ты не хочешь открывать зачем ты здесь и какие цели преследуешь, ладно, это твоё право. Но такие квартиры ищут обычно преступники, которые собираются совершить преступление, а потом скрываться. И в этом я тебе навстречу пойти не могу, я не хочу быть твоим пособником и соучастником.

Он смотрел на меня, играя желваками, глаза затягивали в

свою ледяную пустошь.

Глава 11

Мерзлота в глазах чудовища пробирала насквозь, и я поспешила отвести взгляд.

– Ладно, ты права. Я хочу от тебя многого, не давая в ответ никакой информации. Я поделюсь с тобой кое-чем.

Он протянул руку и положил на мою. Я отдернула как от ожога.

– Слушаю.

– Видишь ли, с недавних пор, я, если и не стал почти суперменом, но не совершаю ничего противоправного. Ну, то есть я не этот, бэтмен, человек-летучая мышь, который спешит на место преступления, чтобы спасти жертву, я не герой и не совершаю подвигов. Никого не спасаю. Но и не убиваю умышленно. Я не выхожу, знаешь, в образе чудовища на улицу и не мочу всех подряд налево и направо, – он говорил насмешливо, но в глазах была такая тоска, что я ему верила. – В общем, тебе нечего бояться, я не преступник, не убиваю хороших. Только плохих и защищаюсь.

Он смотрел на меня осторожно, ожидая реакции. Я помолчала, пытаясь пораскинуть мозгами. Но под его взглядом это было сложно. Тем более он был рядом, совсем рядом – только руку протяни. Тот, кого я так долго боялась, и кто приходил мне в кошмарных снах на протяжении восьми лет! Мне было неуютно рядом с ним. Одновременно хотелось бе-

жать от него подальше и узнать побольше. Любопытство не лучшая моя черта. Реагировать надо было быстро, и я решила быть искренней, будь что будет.

– И я должна вот так просто тебе поверить? С чего бы? Я знаю тебя, ты не добрый самаритянин...

– Я этого и не говорил. Да, я зверь, я чудовище...

– Кто ты? – осторожно спросила я. –оборотень? Волколак?

– Нет. Разве ты не видела, что я не волк?

– Я слышала и о других оборотнях, о собаках, медведях, птицах...

– Ну ты же видела меня, – он усмехнулся.

Я ничего не видела, но не разубедить же его сейчас, всё равно не поверит. А если подумает, что я ему вру, может сам закрыться. Тогда из него вообще ничего не вытяну.

– Тогда кто же ты?

– Мутант.

– Кто?! Это как?

– Долго объяснять, сейчас не время. И, прости, и нет желания. Пока! Наша дружба только зарождается, – он улыбнулся, пытаясь смягчить сказанное, хотя его улыбка для меня выглядела больше как оскал, – а ты хочешь узнать всё сразу.

– Да, прости, – ступевалась я. – Просто мне очень сложно поверить в твои добрые намерения.

– Да нет у меня добрых намерений! – взбесился Алекс. –

Я только не причиняю вреда. Если, конечно, на меня не нападут сами, – сразу поправился он быстренько. – Я дал слово одному человеку...

Он сказал это так обречённо, что я поверила. Нелегко ему, наверное.

– Кхм, хотела бы я посмотреть на того человека, что имеет на тебя влияние. Я бы никогда не подумала, что найдётся такой.

– Это она, – вздохнул он так тяжело, что я опять поверила.

– А-а, ну так бы сразу и говорил, – я обрадовалась, потому что это было мне близко и понятно. – Надо же, и тебя любовь не миновала, ни за что бы не поверила. Она же знает кто ты, раз потребовала дать слово? Хотела бы я посмотреть на ту, которая тебя полюбила.

Он как-то странно взглянул на меня.

– О том, что она меня любит, речи не было. Так ты поможешь мне?

Я смутилась и ответила согласием.

Я занялась поисками подходящей квартиры. Дело это оказалось нелёгким. Каждый раз находилась причина, по которой вроде бы подходящий вариант отбраковывался. То место слишком шумное, то улица, по которой планировался путь отступления, заводила в тупик. Самое нелепое, что чтобы это всё оценить, я ставила себя на место преступника, который скрывается. Фантазия у меня богатая, и я стала придумывать

мывать себе полностью легенду, от преступления, которое я совершила, с мотивами и подробностями дела, до всех деталей побега и укрывательства.

Потом я была полицейским, который ищет меня-преступника. Как бы я могла напасть на след и вычислить место укрывательства. И так, меняясь местами, вычисляла все лазейки побега или поимки.

Когда моя фантазия истощалась и заходила в тупик, я звонила зверю и сообщала свои рассуждения, в надежде, что всё продумала, и искомая квартира отыскалась. Но он моментом обнаруживал слабые места, задавая наводящие вопросы, и поиски продолжались.

А ещё мне волей-неволей приходило на ум ставить себя на его место. И я впервые посмотрела на него под другим углом. Каково это быть человеком-зверем? Я много о нём в это время думала. Но совершенно ничего о нём не знала, поэтому все мои мысли, мои фантазии и предположения – это были всего лишь мои домыслы, не имеющие к реальности никакого отношения. Просто моё воображение само разыгрывало разные вариации на эту тему, и я не могла его унять.

Не прошло и нескольких дней, после появления Боровского в моём офисе, как позвонил Стас и настойчиво попросил о встрече. Я согласилась. Он хотел поговорить в укромном месте, приглашал к себе домой, но я предпочла встретиться в нейтральном месте, и мы договорились поужинать в ресторанчике, котором раньше часто бывали. Он принадле-

жал приятелю Стаса, Андрюшке Ракитину, тоже известному ресторатору-плейбою, милому обаяшке, разбившему не одно девичье сердечко, но уже пару лет как остепенившемся.

Жена его Ирина, редкая красавица, была девушка с характером, и Андрюшка только что не на задних лапках перед ней прыгал, превратившись из легкомысленного сердцееда в послушного подкаблучника. Что его нисколько не смущало и не задевало, друзьям можно было шутить на эту тему сколько угодно, он лишь снисходительно посмеивался в рыжие отращённые после женитьбы усы. Сам он посмеивался над Стасом, что когда тот женится (полагалось что на мне), то поймёт, что видимая слабость к жене есть самая лучшая позиция твёрдости мужчины в семье, которая окупается сторицей.

Я, как и все, была удивлена переменами Андрея в браке – такого циника ещё поискать было, но в отличие от многих, считала, что Андрюха поступает очень мудро. Он был настолько в себе уверен, в своей силе, что мог себе позволить быть рядом с женой мягким, и их брак был очень счастливым. Я даже завидовала Ирине, обычно мужики сразу начинают доказывать кто главный, подавлять свою половину, подстраивать по себя. Я всегда была уверена, что это от неуверенности. И Андрей – прекрасный пример моей теории.

К тому же мне казалось, что когда у него произошла перемена ценностей, он больше прикрывался Ирочкиным недо-

вольством: ах, Ирочка мне не разрешает, ах, Ирочка меня убьёт, – чем на самом деле так боялся её гнева. Ирина на него и дуться-то не могла, впрочем, он и повода не давал. По глазам всегда видно правду – а Ирины светились неимоверным счастьем, так ярко, что отблески одаривали теплом находившихся рядом.

Я любила наблюдать за этой парой. Когда мы со Стасом были вместе, часто проводили с ними время. Втайне я надеялась, что мой будущий муж сделает меня такой же счастливой и так же сильно будет любить, как Андрю свою Ирочку.

Как ни странно, Андрей переживал наш разрыв со Стасом. По какой-то причине он считал, что я подходящая партия Стасу. Он обзывал того дураком, раз сразу не затащил меня под венец.

– Упустишь, убежит от тебя Анютка – будешь локти кусать, помяни мое слово, – предупреждал он его по пьяни на посиделках. – Держи её крепче.

Стас крепко, чуть не удушив, обнимал меня, под общий смех, показывая, как он меня держит.

А когда мы расстались, Стас пожаловался, что Андрюха, посчитав Стаса виновным в нашем расставании, чуть не побил его. Сами они с Ириной звонили, пытались деликатно и не очень, узнать что случилось, и как нас помирить. И даже предпринимали попытки. И не оставляли до сих пор, пытаюсь свести вместе, приглашая обоих в одну компанию. Мне было даже неудобно, ведь объяснить я им не могла, а их от-

ношение и попытки устроить наше счастье, хоть и в их понятии, трогали.

Когда я появилась в ресторане и под села к Стасу, к нам сразу же подлетел предупреждённый Андрю. Стас успел мне быстро шепнуть:

– Приготовься к испытанию.

Я улыбнулась. Андрюха сиял, как начищенный самовар. Его просто распирало, и он долго не смог вытерпеть, хоть и пытался придать себе загадочный вид. Но где-то за несколько секунд до того, как он сказал, я уже поняла, что он скажет. Такой свет, такая гордость и счастье в глазах могли говорить только об одном.

Глава 12

– Мы с Иришкой ждём малыша, – выпалил он. – Только тс-с, об этом ещё мало кто знает, только самые близкие. Вам я первым сообщаю.

Я вскочила, сначала неловко бросилась ему на грудь с поздравлениями через столик, потом неуклюже выбежала и повисла на шее будущего папаши. Повизгивая, сумбурно поздравила его и заочно Ирину с такой сногшибательной новостью. Андрей потребовал от официанта вина, чтобы отпраздновать. Я закидала его кучей вопросов. Пока он на них отвечал, Стас бубнил и ворчал:

– Никто не знает... ага... да у тебя всё на лице написано, к гадалке не ходи. Весь ресторан уже, наверное, знает... Да что там, если газеты ещё не напечатали, так это потому, что я их хозяин... Первым сказал, ага – как позавчера узнал, так телефон мне за эти дни оборвал, звонит каждые десять минут, хоть телефон отключай...

Мы уставились на Стаса со смехом.

– Стас, ты чё бурчишь-то? – удивилась я.

– Завидно, да? Так и скажи, – поддел его счастливый будущий папа.

– Мне очень завидно, – согласился Стас, – и я так и быть, готов быть на связи все двадцать четыре часа в сутки и отвечать и поздравлять каждые пять минут. Но, ё-моё, я при-

шёл сюда с девушкой, с которой хочу посидеть и поговорить в камерной обстановке. А вместо этого на нас напал шумный бурный лев и перетянул всё внимание на себя, – он выразительно посмотрел на друга.

Со львом мы Андрея часто сравнивали из-за его рыжеватых густых волос, длиной до плеч, выглядевших как грива, и мощной фигуры с широкими плечами. А сейчас, восторженный и с льющейся через край энергией, он вообще походил на молодого льва, ищущего приключений и игр.

– Всё, ухажу! – поднял Андрей примиряюще руки. На мои возгласы возмущения, он обратился ко мне: – На самом деле Стас прав, если меня не остановить, я буду говорить об этом без умолку. Я не собирался вам мешать, хотел только убедиться, что всё будет в порядке, – кивнул он на накрытый столик, и подмигнул мне: – и поделиться новостью. Меня вообще Ирочка ждёт, я от неё ни на шаг стараюсь не отходить.

Андрей сделал ещё пару распоряжений, попрощался, дав мне обещание передать самые тёплые поздравления жене, и убежал. Я с улыбкой смотрела в окно, как он резко стартовал на своем бентли континентале, оставив после себя только сгусток энергии. Повернулась к Стасу. Тот тоже отвернулся от окна.

– Вот поэтому я и не хотел сюда идти. Он реально звонит мне каждые десять минут и сообщает, что, – он начал передразнивать Андрея: – ой, Ирочка захотела солёненького огурчика, значит, будет мальчик. Ой, Ирочке захоте-

лось фиолетовых лилий, значит, будет принцесса, ой, Ирочке взгрустнулось, чем развлечь беременную с малышом? Ой, Ирочку мучает изжога, это, говорят, волосики уже растут. Я скоро буду знать как Ирина какает и пукает, – Стас зарычал и воздел очи к небу. – И это только самое начало беременности, ребёнку всего четыре недели! Что дальше?!

– Да ладно тебе, – я хохотала во всё горло, представив всё в лицах, – Андрей просто не нарадуется новому статусу. Когда привыкнет, успокоится.

– Ты в это веришь? – с сомнением спросил Стас.

– Ну, Стас, он же твой друг, с кем ему ещё разделить свою радость?

– Я рад, правда, рад. Но я не хочу чувствовать такую причастность к их ребёнку. У меня уже такое ощущение, что я этому ребёнку близкий родственник или второй родитель. Что будет, когда тот родится?!

– Тогда будет не до тебя, уж поверь мне, – я потянулась и пожалала Стасу руку: – Я бы очень гордилась такими отношениями с другом, если бы мне так доверяли. Делились самым ценным. Завидую тебе.

Стас благодарно на меня посмотрел, взял мою руку в ответ, но я тут же выдернула.

– Ты всегда могла найти нужные слова, – он нежно смотрел на меня.

Я забегала глазами, схватила бокал и заявила:

– Будет неувидительно, если первый тост будет за Андрея,

Ирину и будущего короля-солнце!

– Или принцессу! – чокнулся бокалами Стас.

– С такими-то гормонами, как у Андрея? – усмехнулась я. – Что-то сдаётся мне, что Ирина родит команду футболистов, прежде, чем дело дойдёт до девочки.

Стас загоготал. Потом посмотрел пристально мне в глаза.

– Знаешь, а я ведь действительно ему завидую. Не могу отмахнуться от мысли, что не будь я таким дураком и послушался бы вовремя Андрюху, то сейчас мог стать таким же счастливым отцом белокурой принцессы, точной копией мамы.

– Да не вопрос, Стас. Что тебе мешает? Претенденток хоть отбавляй. Сможешь догнать друга уже через месяц.

– Аня, ну зачем ты так? – упрекнул он меня. – Речь идёт о тебе, о нас. Я не знаю, что я тогда сделал такого...

«Вот именно что – ты ничего не сделал!» – мысленно крикнула я ему, но сказала другое.

– Я не хочу о нас, нет больше нас, Стас. К тому же ты ведь не живешь бобылём, – сказала я, некстати вспомнив о Жанне.

– Если у меня что-то и есть, то случайные связи, незначительные интрижки. Я до сих пор жду тебя. Одно только твоё слово...

– А они в курсе? – подивилась я.

– Конечно, – он сказал так уверенно, что сомнений не было. – Я ни от кого не скрываю, что люблю тебя и хочу вер-

нуть. Все об этом знают! Но ты ускользаешь от меня, как вода. Мы даже поговорить толком не можем! – он говорил возмущённо. – Я могу получить хотя бы какие-то объяснения? Я имею право хоть на это?

– Я тебе всё сказала, Стас. Не о чем тут больше говорить.

– Что ты мне сказала?! Какой-то детский лепет, что мы не подходим друг другу, и поэтому нам надо разойтись? И ты думаешь, я хоть на минуту тебе поверил? То есть все пять лет что мы знакомы, до того самого дня ты думала, что я вот такой, а в тот день поняла, что другой? И что же случилось? Что подвигло тебя к таким переменам? Скажи, не стесняйся, мы вместе разберёмся. Может, кто-то тебе что-то шепнул про меня, оболгал? А я даже не знаю. Может, ты подозреваешь меня в чём-то ошибочно? Я чего только не напридумывал себе за это время, каких вариантов не перебрал. Что случилось, Аня?

– Ничего такого, Стас. То, что я тебе сказала, это было правдой на самом деле. Может, я была неубедительна, не знаю. Но давай больше не будем об этом.

– Да, только знаешь, мне вот как-то трудно смириться с этим, – саркастически сказал он, – накануне всё нормально, девушка, которую я люблю и на которой собираюсь жениться, говорит что любит меня, всё как обычно. А на следующий день бац, прости, нам надо расстаться, всё кончено. Ну ты прости, что я вот так не могу спокойно это пережить как ты. Либо всё, что было до этого, ложь, либо что-то случилось за

тот день. Что выбираешь?

Пока я молчала, лихорадочно думая как мне выбраться из этого положения, он продолжил.

– Я, конечно, был огорошен, но решил дать тебе время во всём разобраться. Думал, что кто-то оклеветал меня и скоро это выйдет наружу. Но ты молчишь как партизан, избегая меня, а я провёл расследование, выясняя с кем ты встречалась и разговаривала в те последние дни, и так ничего не выяснил. И что прикажешь мне думать?

– Ты ищешь то, чего нет, – терпеливо повторила я. – Всё так, как я тебе сказала. Да, я поняла в какой-то момент, что мы разные и не подходим друг другу.

Самое интересное, что я говорила правду, но ему было проще поверить в заговор, чем в такие простые вещи.

– Можно узнать, в какой? – в его голосе уже слышалось раздражение. – А до этого не понимала?

– Нет.

– Аня, ты любишь меня? Скажи, ты ведь ещё любишь меня? – это был не вопрос, это была надежда.

Мне было трудно ответить на этот вопрос, поэтому я промолчала.

– А я люблю тебя. И не представляю свою жизнь без тебя.

На это я усмехнулась. Ну, тут уж он хватил лишку. Живёт и прекрасно живёт без меня, и будет жить.

– Давай попробуем всё с начала? – предложил он. – Дай мне ещё один шанс!

Странно, но сейчас в его голосе была такая мольба, словно он действительно страдал и это то, чего он сейчас хочет больше всего на свете, и от этого зависит его жизнь. Но я уже не обманывалась на его счёт. Без ума от него я была в прошлом. Пелена слепого обожания спала. Раньше я бы безоглядно поверила ему, больше потому, что хотелось поверить. Но это в прошлом.

Я повела себя как стерва, так, как выгодно было на тот момент мне. Я подняла на него глаза и пристально, оценивающе, холодно его разглядывала. Взяв бокал, отпивала, смотрела на него и молчала. Он взбесился.

– Играешь теперь со мной, да? Потому что новый претендент появился? Я слышал, к тебе в клиенты Боровский набился.

О, вот теперь начинается интересное.

Глава 13

Я фыркнула вином, засмеялась.

– Ты чего, Стас? Я же не Вика твоя. Где я и где игры? Нашёл роковую женщину. Это вы с Боровским, между прочим, лучшие друзья. Ты его, кстати, к Викуле своей не ревнуешь?

– Викуля не моя, – зло отрезал он. – Если ты до сих пор меня к ней ревнуешь, то зря. Я с ней не виделся уже сто лет.

– Что так? Ты ей больше не интересен? Новые игрушки появились? Ой-ой-ой, какие мы злые, ладно, не дуйся, тебе не идёт. Но и ты к Боровскому зря ревнуешь, насколько я знаю, им твоя Викуся вплотную занялась.

– Не знаю, кто им занялся, но вот он никем не занят. Только если тобой. Что ему от тебя тогда надо?

Ну вот, наконец Стас подошёл к тому, что его интересовало. Но давай-ка, дружок, бартер сделаем. Мне тоже нужна информация.

– Квартиру хотел. Вряд ли ты не знаешь, что он купил тот пентхаус.

– Да уж, он словно его дожидался.

– Да, странная с ним история, все сделки в последний момент по разным причинам срывались. Просто мистика какая-то.

– Вероятно дожидался своего хозяина.

– Вероятно, – согласилась я. – Боровский тоже ох как

непрост. Странный товарищ, очень подозрительный. Что ты накопал о нём?

– С чего ты взяла, что я что-то копал? – нервно хохотнул Стас.

– Да ладно, тебе, Стас. Мы с тобой оба журналисты, и как хороший журналист, ты как минимум не мог не подумать о том же, что и я. Вся легенда Боровского – очень подозрительная, и очень интересно, зачем он прибыл в наш город. И тем более зачем ему с его богатством и возможностями переезжать в нашу северную глубинку из солнечной процветающей Пенсильвании? Никак климат решил сменить или хандра от голливудских улыбок одолела? Решил что хмурые, но такие искренние лица русских людей, ему заменят солнце Филадельфии? Поделись, – соблазнительно улыбнулась я, наматывая белокурую прядь волос на палец.

Стас проследил за моим движением, облизнул губы, ответил.

– Вообще-то, хоть всё и выглядит крайне странно и нелогично для нас, всё подтвердилось.

Стас рассказал то, что знал. Алекс Боровский родился в Соединенных штатах Америки в семье эмигрантов из России родом из нашего края, около сорока лет назад. Если быть точнее, тридцать семь. Родители не забывали своих корней, тем более, здесь остались родственники, с которыми держат постоянную связь. Родители Алекса хоть и не пожалели о том, что уехали, и даже смогли хорошо устроиться на новом

месте, – семейство Боровских вело respectable жизнь и были хорошо известны в узком кругу искусствоведов, – но сильно ностальгировали по своим корням.

Поэтому в воспитании Алекса большое внимание было уделено изучению всего русского: языка, литературы, культуры. Так, чтобы понятие «русская душа» было для него не пустым звуком, а частью его самого. Его даже отправляли сюда к родственникам на каникулы. Поэтому неудивительно, что хоть Алекса и могло что-то выдать как иностранца, особенно в то время, то и сойти за русского он тоже вполне мог. А сегодня, среди молодёжи он бы вообще смотрелся как русский, получивший образование, к примеру, за границей.

Родители его лелеяли надежду, что когда-нибудь их потомки смогут вернуться в изменившуюся и процветающую столь любимую ими родину. Ну а пока, юному Алексу предстояло продолжить обучение в Америке, получить диплом и найти работу там же или в другой любой точке цивилизованного мира, потому что профессию себе Алекс выбрал не предполагающую сидения на одном месте, а именно – археолога. Но случилось непредвиденное. В respectable интеллигентном семействе чуть не случился скандал, который мог поставить репутацию семьи на кон. Даже больше, настоящее несчастье. И причиной его послужил Алекс.

Неопытного юношу совратила бойкая юная латиноамериканка, являющаяся то ли племянницей, то ли двоюродной сестрой прислуги в доме. Девушка увидела стеснительного

парня, когда заскакивала на огонёк к своей родственнице и, по её словам, влюбилась в него. Когда их застукали, выяснилось, что девушке, которой на вид дашь все двадцать, было всего пятнадцать лет.

И хотя парень не отказывался жениться и, вообще, серьёзно отнёсся к роману, по закону того штата, где они тогда жили, за соращение несовершеннолетней ему грозило пожизненное заключение. В семействе разразился скандал. Девушка обещала, что сохранит всё в тайне, если юноша женится на ней по её совершеннолетию.

Родители Алекса, естественно, были против такого маргинального брака. Тогда бойкая девчушка стала шантажировать заявлением об изнасиловании в полицию. Но как выяснилось, у девушки были проблемы с миграционными документами, поэтому в полицию ей тоже обращаться было невыгодно, тогда бы её выслали из страны. И родители в ответ напугали её этим. Но девушка, науськанная родственниками, потребовала большую сумму за молчание – пусть её вышлют из страны, но Алексу грозят неприятности посильнее.

Она всё-таки подала заявление в полицию. Родители Алекса испугались и выплатили большие деньги за то, чтобы она его забрала. С трудом, дело удалось замять, поскольку улики вины предоставлено не было. Но дело в архиве осталось.

От греха подальше Боровские переехали во Флориду, а сына на какое-то время отправили в Россию, в наш город. У

нас на историческом факультете была и есть кафедра археологии, вот на ней Алекс и отучился, получил диплом, который потом подтвердил в Пенсильванском Университете, получив степень бакалавра, и продолжил обучение до защиты докторской как раз по дипломной работе, связанной с местной историей.

Проведённое в России время не прошло даром. Спустя годы работы на кафедре археологии и антропологии, участвуя во многих научных археологических экспедициях в разных странах мира и являясь автором многих научных работ и даже не очень значительных исторических открытий, Алекс выиграл грант на исследовательские работы и выбрал местом для своих изысканий непаханое поле для исторических находок и открытий – наш край.

Такова официальная легенда Алекса Боровского. И по мнению Стаса, она не подвергается критике.

– Что, всё-всё подтвердилось? – с понятным сомнением спросила я.

– Ну, история про девчонку известна только с тех источников, что есть. Чтобы её проверить, надо поднимать дело на месте, а я, как понимаешь, нахожусь тут, а не в Америке. Хотя я мог бы кое-кого попросить заняться этим делом, но для этого у меня должны быть какие-то основания поболее, чем просто любопытство. Возможно, всё было менее красиво, или у девушки был свой вариант этой истории, но как бы то ни было, факт остается фактом, такая история есть и дело

тоже есть. Кого сейчас интересует лирика?

– Никого, – согласилась я. – Но Алекс Боровский реально учился здесь и получил диплом пятнадцать лет назад?

Эти сведения не укладывались у меня в голове.

– Да, – пожал плечами Стас.

– Нет, я имею в виду не бумажку, я сама могу купить диплом за деньги хоть завтра. Есть реальные люди, которые могут подтвердить это? Преподы, сокурсники?

– Да, – заявил Стас, чем поверг меня в полное изумление. – Он же не сам по себе здесь. Он приехал сюда, чтобы проводить исследования, прикреплен к институту, и работает с теми, с кем и у кого когда-то учился. Да и я говорил с парой его сокурсников. Они хорошо его помнят, и даже могут рассказать парочку историй не для официальной биографии.

– Например? – спросила я, не зная что хочу услышать, но представляя что-то о странностях студента, у которого вдруг появлялись когти или зрачки сужались как у зверя или ещё что-то в подобном духе.

– Ну, студенческие байки, как перепились на свидании с девчонками и вместо того, чтобы за ними ухаживать, облевали все вокруг. С каждым это когда-то случалось. Или как решили заказать проститутку на четверых ботанов, а в итоге все засмутились и отважился на подвиг только один. Обычные истории юных студюзов, – пожал плечами Стас.

Я хмыкнула. Да, не таких историй я ожидала услышать. Очень странно было представить в такой роли чудовище.

– И что, он не сильно изменился с тех пор? – допытывалась я. – Что-то не очень он похож на ботана.

– Детка, ну конечно, он изменился, прошло пятнадцать лет! У него за плечами экспедиции в Африке, Латинской Америке. Ты хоть представляешь себе, что такое экспедиция? Это тест на выносливость, требуется хорошая физическая подготовка, потому что приходится проводить под открытым солнцем и в непогоду круглые сутки. Задохлики там долго не протянут.

– Ты видел его фото институтских времен?

– Видел. Он повзрослел, возмужал, но лицо то же, – подтвердил Стас.

– Ладно. А потом он уехал отсюда, после окончания института, то есть пятнадцать лет назад и больше сюда не приезжал до этого времени?

– Нет. Я, собственно, не рыл в этом направлении, но никаких данных о том, что он был в России нет. А что?

– Да так, обычные вопросы, которые напрашиваются, когда человек подозрителен, – пожала я плечами. – Ты разве не задавал их себе?

– Этот нет. А если бы он и был здесь, что бы это дало?

– Пока ничего. Но в дальнейшем, кто знает, – ушла я от ответа. – А его увлечение антиквариатом, как вписывается в общую картину?

– Он же историк, прежде всего. У него прекрасное образование даже внутри семьи, он вертится в уважаемом об-

ществе, родители, его, кстати, искусствоведы. А он закончил одно из самых престижных учебных заведений США. Сложи всё это и неудивительно, что он им занимается. Это приносит ему отличный доход. Странно, что он вообще остался работать на кафедре. Но, может, это его увлечение.

– Вот именно что! Зачем ему при такой жизни ехать сюда, в нашу дыру? – задала я вопрос, который, наверно, занимал большинство.

– Но он же не навсегда. На время. Поработает на раскопках и свалит обратно. Допустим, тщеславие, в конце концов. Может, мечтает открыть у нас тут вторую Атлантиду? – хохотнул Стас. – А вообще, есть у меня одна версия...

– Ну! – потребовала я. – Не тяни кота за хвост!

Но Стас загадочно смотрел на меня и не собирался говорить.

– Стас, ну скажи же, – заныла я, так мне было любопытно.

– А что я за это получу? – решил он пококетничать.

– Ты получишь по лбу, если не скажешь, – разозлилась я.

– Нет, серьёзно, я только и делаю что отвечаю на твои вопросы. Причём, не о себе. А о Боровском. Я требую компенсации!

Глава 14

Стас решил торговаться до конца.

– К тому же, ты с ним общаешься, вдруг ты меня ему выдашь?

– Я?! Ему?! – изумилась я. – С чего бы? Ты чего, Стас? Чего ты придумываешь? Тут мы заодно. Я ему не верю. И в археологию не верю. Не знаю какие у него цели, но тут явно что-то другое. У нас ничего не намечается в городе в будущем?

– Про это я подумал. Нет, ничего такого, что могло бы его заинтересовать.

– Может, ты что-то упустил? Ладно, я сама подумаю. Ты мне предоставь все данные, что у нас близится в ближайшие месяцы, какие события, а я проанализирую.

– Ишь какая. Тебе только дай да положь. Повторяю для непонятливых. Что я с этого буду иметь?

Игривый тон Стаса намекал на личностные уступки в наших отношениях, но я пошла другим путём.

– Я поделюсь с тобой информацией, полученной от него, – заявила я. – Во-первых, он очень интересуется Маргаритой Львовной Рябушинской, он чуть ли не влюбился в неё, много времени проводят вместе, сделал её своей подругой, обаял до фанатизма, а сам много расспрашивал меня об её прошлом. А также его очень интересовала любая информация

об Ерошкиной Ольге, нашей чокнутой, как её все считают.

Эту информацию я могла выдать без зазрения совести, ничего секретного в ней не было, всё это можно было узнать и без меня, но я подала её с важным видом и таинственной интонацией, поверяющей чей-то секрет. Надеюсь, сработало.

– А также, в тот день, когда мы смотрели квартиру, и когда подписывали документы, у него были старинные запонки с печаткой, на которых была вот такая символика, – я нарисовала ручкой на салфетке символ, который успела рассмотреть в последний раз. – Узнай, что значит. Вдруг что-то важное, – заговорщицки понизив голос, наклонилась я к нему, передавая салфетку и оглядываясь, чтобы никто не увидел.

Но Стаса провести было очень сложно. Впрочем, я особо и не рассчитывала. Всё-таки его уму я отдавала должное. Не смогла бы полюбить мужчину глупее меня.

– Это всё я мог бы увидеть и узнать без тебя.

– И что? – скуксилась я. – Ты не поделишься своими мыслями насчёт него?

– Поделюсь, если кое-что мне пообещаешь, – улыбнулся Стас загадочно.

– И что же? – нахмурилась я.

– Боровский хочет организовать вечеринку в новой квартире, как только всё к ней будет готово. Я хочу чтобы ты пошла туда со мной, – заявил он и приблизил лицо к моему, так, что его губы почти касались моих, а его дыхание обо-

жгло кожу. – Как моя девушка, – добавил он, довольно властно.

Всё-таки я еще была равнодушна к нему, потому что близость его сразу взволновала. Сердечко затрепыхалось так, словно сейчас выпрыгнет из груди, а во рту мгновенно пересохло.

– Мне надо подумать несколько дней, – облизнув губы, проблеяла я.

Стас тут же откинулся на спинку дивана, и я почувствовала, как он отдалился от меня. Его явно задело.

– Стас, вопрос не в тебе, – покаянно произнесла я. – Я просто не знаю, смогу ли я вообще пойти.

– Почему? У тебя опять что-то случилось дома?

Это *опять* меня просто выбесило. Да, у меня постоянно что-то случалось, но это надо было принять, а Стас воспринимал это... очень странно. То он чересчур тревожился, то вообще относился равнодушно. То его раздражало, то вдруг он считал, что моя семья, это его семья и лез туда, куда его не просили. Но при этом у меня было чувство, что он испытывал неприятие ко всем членам моей семьи. Которое он, может и хотел перебороть (а может и не хотел), но не мог.

Его тяготили все мои родственные узы, у меня сложилось стойкое ощущение, что он хотел бы, чтобы у меня никого не было, и я полностью была подчинена ему и его интересам. У него у самого были довольно прохладные отношения с родителями, которые жили в районном городке, откуда он был

родом.

Он предлагал перевезти их в столицу края, но они отказались, к его облегчению. Подозреваю, его бы тяготила обязанность постоянно общаться с ними. В его семье всем управляла авторитарная мать. Отец был подчинён её воле, и являлся тихим и замкнутым человеком. У Стаса была сестра, которую мать всегда любила больше сына, и это подчёркивала.

Если Стас и переживал когда-то по этому поводу, то покинув родительское гнездо, быстро перестал на этом заикливаться. Хотя какая-то обида, конечно, осталась. Когда Стас стал богатым и успешным, мать стала проявлять заботу и внимание к нему, но лишь для того, чтобы что-то выторговать для его сестры.

Все деньги, что давал Стас, в основном уходили ей. И квартиру он ей тут в элитном доме купил по просьбе матери. Сестра хотела переехать жить сюда, но быстро начала вести разгульный образ жизни, и мать увезла её обратно под свое крыло. Там она жила как королева, имела всё, что хотела, но быстро была выдана замуж и потороплена с внуками.

Таким образом Стас был предоставлен сам себе, и, видимо, ему хотелось, чтобы и его девушка тоже была независима или одинока. Чего нельзя было сказать про меня.

Но в данном случае, речь была не об этом. Я думала о реакции чудовища. Мы ведь договаривались, что я не буду попадаться ему на глаза, да и как-то не хотелось привлекать

к себе его внимание и дразнить. Да, я звонила ему и встречалась по делу, но я бы предпочла, чтобы он забыл о моём существовании. А тут я ещё припрусь к нему на вечеринку. Не слишком ли? Я хотела позвонить и спросить его об этом. Но как объяснить это Стасу?

– Нет, я просто собиралась ненадолго уехать, – наврала я.

– Уехать? – изумился Стас. – Куда? Зачем?

– Ну, я получила хорошие деньги за сделку Боровского. Процент-то был нехилый, кое-что и мне перепало. Решила вывезти всю семью в Европу, а то когда ещё будет такая возможность? Потратим деньги туда, сюда, и ничего не останется.

– Лучше бы себе квартиру купила, – фыркнул недовольно Стас.

– И чем лучше? – начала закипать я.

– Тем, что ты уже девица на выданье, и пора тебе иметь своё отдельное жильё, – сменил Стас тон, почуяв мое недовольство.

Он хотел сказать другое, потому что однажды высказал мне – как можно так жить, как бочки в селёдке, неужели не хочется иметь личное пространство? Он не понимал, что да, не хочется. Но я тоже не стала сейчас спорить. Мирно сказала:

– Я подумываю о своём жильё.

– Правда?

– Ну, не совсем. Я хочу купить коттедж для них в новой

застройке, в Снежино, слышал, наверное? А самой остаться в квартире.

– Или жить там тоже, – усмехнулся, но уже по-доброму, Стас. – Снежино – это наша новая Рублёвка?

– Типа того, да, – улыбнулась я. – Горбушкино уже не катит, там всё-таки болото, и нет никакой инфраструктуры, а в Снежино обещают сделать всё по уму, да и направление хорошее.

Почему Горбушкино стало в девяностых годах местом для возведения богатыми своих коттеджей – это вообще непостижимо никакой логике. Тупиковое направление, болотистая местность, узкая дорога и невозможность создать удобную инфраструктуру для жилья. Просто когда-то там, на краю города, давали бесплатные садовые участки нашим местным деятелям искусства, и там же себе выбил участок городской глава и построил дом.

А рядом с ним захотел поселиться и проводить отдых по соседству руководитель завода, крупнейшего предприятия города. Оба гордились тем, что их там окружает интеллигенция, к которой причисляли и себя. Ну а за ними уже потянулись другие шишки, и в какой-то момент, из-за окружения, там стало престижно иметь дачу. А когда всё стало продаваться и покупаться, все начали застраиваться коттеджами. Но жить там было неудобно. Да и окружение сильно поменялось с того времени.

Строились и другие коттеджные поселки, но все они бы-

ли без концепции, и целью было только срубить деньги. Людям же уже требовалось другое. Требования повысились, и рано или поздно такое вот Снежино должно было возникнуть. Там было всё продумано до мелочей ещё на начальном этапе. И до первого этапа строительства знающими людьми по сарафанному радио всё было скуплено почти на 70%.

Мне сразу приглянулась мысль о коттедже для нашей семьи там, но возможности не было. Потихоньку я обдумывала эту идею и начала изыскивать средства.

– Я слышал от Андрюхи. Они, кажется, приобрели там дом.

– Да. Они не собирались туда пока переезжать, но, думаю, малыш внесёт в их планы коррективы, – улыбнулась я.

– Это точно. Может, и мне приобрести там дом?

– Приблести. Хорошее вложение денег. Жить ты там вряд ли будешь.

– Почему? У меня будет отдельный кабинет, большая библиотека. Своя сауна с тренажёркой и бильярдным столом, тоже неплохо... О, бассейн! У меня будет личный бассейн. И вообще, я, может, скоро остепенюсь, и моим детям тоже вскоре понадобится лужайка, – подмигнул мне Стас.

– Да, Стас, ты прав, – согласилась я, – такой вариант нельзя исключить. Тем более, что предложений в Снежино остается всё меньше и меньше. Поторопись, обращайся ко мне как агенту, и я сделаю тебе хорошую скидку, – улыбнулась я заманчиво.

– Лучше бы ты за меня замуж вышла, – пробурчал он миролюбиво. – Хорошо, договорились, на днях подъеду, приготовь мне документы и участок получше.

– Конечно. А ты мне за это расскажи твои догадки насчет Боровского.

– Опять про него! Нет, всё, я сказал последнее слово – если пойдешь к нему со мной в качестве девушки. Без вариантов и категорично.

Стас сказал таким тоном, который я знала. Спорить уже бесполезно. Он упёрто будет стоять на своём. Я говорила, он очень упрямый?

– Позволь мне сделать один звонок, – попросила я и вышла из-за столика.

Потому что набрала номер Алекса Боровского.

Глава 15

– Ой, смотрите-ка кто звонит мне, находясь на свидании, – язвительно сказал Алекс, услышав мой голос. – Неужели со Стасом так скучно, что даже обо мне вспомнила?

– Откуда ты знаешь? Ты следишь за мной? – возмутилась я.

– Очень надо, – фыркнула трубка. – Мне Крекшин похвастался. У меня были планы на его общество в этот вечер, но он предпочёл твоё.

– Какая жалость, – съязвила я.

– Что, всё так плохо? – чудовищу нравилось надо мной издеваться.

– Нет, наоборот. Настолько хорошо, что он пригласил меня на твою вечеринку, к тебе в пентхаус. Я поэтому и звоню.

– В чём проблема? Дорогу ты знаешь. Пропуск тебе тоже не нужен.

– Вообще-то ты сам приказал мне держаться от тебя подальше. Да и я не настаиваю на своём обществе.

– Тогда откажись. Я не очень понимаю, чего ты хочешь?

– Ну, у меня возникла такая маленькая дилеммка, я не могу в данный момент отказать Стасу, но и согласиться я тоже не могу.

– Э-э-э... и что ты от меня хочешь? – не понял Алекс. – Чтобы я за тебя принял решение? Если ты переживаешь за

меня, смогу ли я вынести твоё присутствие на своём вечере, то не переживай, там будут люди похуже и менее симпатичные. Так что если тебе нужно моё разрешение, я его даю.

– Вот видишь, иногда ты понимаешь всё правильно, – еле выдавила я от злости и нажала отбой. Нет, ну какова язва!

Еле справившись с возмущением, я вернулась к Стасу.

– Я иду с тобой, – воинственно произнесла я. – А теперь, догадки!

– Я думаю, что он чёрный археолог.

Стас сделал паузу и посмотрел на мою реакцию. Но поскольку я была обескуражена, потому что ждала чего-то другого, не знаю чего, он продолжил мысль.

– Чернокопатель, кладоискатель. В общем, охотник за сокровищами. Понимаешь?

– М-м, в общем-то да. То есть его увлечение старинными предметами и интерес к археологии сошлись в одной точке? Ты думаешь, что он действует в интересах наживы, а не науки, так?

– Так. Иначе как он мог сколотить своё состояние? Да, предметы антиквариата – это дорогое удовольствие, но чтобы заработать на этом, нужны выгодные сделки. Если бы у них были семейные реликвии или ещё что-то, на чём они могли сделать начальный капитал. Но ничего такого не было.

– И ты думаешь, пару находочек он заныкал и продал на чёрном рынке, да?

– Ну, один он бы не мог такое сделать, возможно, он вхо-

дит в преступный синдикат. Но да, примерно так. Я думаю, что не все находки попали в музеи и на кафедру университета.

– Что ж, логично. А здесь какой у него интерес? Думаешь, он набрёл тут на что-то интересное?

– Да, я думаю, что у него появились зацепки ещё тогда, когда он учился. У нас же тут много древних находок, нам ли с тобой не знать. Сколько мы материала нарыли, который теперь пойдёт в «Непознанное», в рубрику «история нашего края». Одни развалины храма Солнца и Луны чего стоят.

Ну, развалины – это громко сказано. Развалины, это когда что-то остается от стен и крыши. В данном случае было лишь найдено местоположение этих храмов, в черте которых было несколько осколков камней с древними письменами и обозначено место то ли служившее алтарём для жертвоприношения, то ли там разводили священный костёр. Я особо не вникала, потому что чётко не было написано, и доказательства были какие-то косвенные и пространственные.

– А какие там сокровища? – усомнилась я. – К тому же там уже столько археологов потопталось. Что может найти он, чего не смогли другие?

– По всей видимости смог, раз решил вернуться.

Тут Стас сел на свой конёк и начал рассказывать мне всю историю, которую я уже читала, про раскопки и то, что обнаружили при них. Сколько у нас всего ещё неизведанного, никому ничего не надо, иначе придётся переписывать исто-

рию...

Я всё это слышала не раз, а потому заскучала. К чудовищу-то это не имеет никакого отношения, я-то это знала. Да и сокровища там всё-таки, судя по тому что я знала, сводились к сохранившимся в наших климатических условиях камнях с рунами или иероглифами, да фундаментам древних зданий.

Даже моя богатая фантазия не могла вообразить, какую выгоду из этого мог извлечь антиквар на чёрном рынке. Даже если откроют следы какой-то новой неизведанной цивилизации. Это могло принести ему славу как учёному. Но материально? Это же не золото, не древние предметы искусства. Даже если кому-то захочется заиметь кусок гранита с древней надписью «здесь был Вася», а древние надписи были приблизительно такого содержания, насколько я могла сделать выводы из всего прочитанного по этой теме, то вряд ли этот камень стоит большую цену.

Мне представилась картина стоящего чудовища на рынке с обломками фундамента и выкрикивающего: «Кому кусок фундамента за пять тысяч долларов? Ему три тысячи лет! Нет? А кому кусок фундамента за три тысячи долларов? Ему шесть тысяч лет! Налетай! Без внимания не оставляй! Если вы положите этот кусок в свой фундамент, обретёте древнее могущество расы новой открытой мной цивилизации древних нордовестопитеков! Скидка 10%». Я чуть не захихикала. Но Стас так серьёзно в этот момент вещал о древней ци-

визации, что я не рискнула отвлекать его внимание.

Потом я вообще представила чудовище на раскопках. Вот когда он в это ввязался, он представлял себе последствия? Как бы спросить его об этом, не нарываясь? Впрочем, если он научный руководитель, вряд ли самому есть надобность морозить свой нос в экспедиции. Имеет право только указания давать и заниматься одной научной работой. И что он в ней напишет? Я опять чуть не рассмеялась, представив его доклад.

Даже интересно, как он выпутается из этой истории? Снова сменит внешность? Интересно, существует ли всё-таки реальный Алекс Боровский? А если да, то что с ним сейчас и где он?

Закончив, но не дождавшись от меня какой-либо реакции, Стас снова перешёл к нашим отношениям. Он предложил мне ещё выпить, заболтал, потом ещё бокал и ещё. А потом предложил поехать к нему.

Но тут позвонила Нина и спросила, где я. Ей срочно нужна была информация по какому-то объекту недвижимости. Я очнулась от чар Стаса, которым начала поддаваться, протрезвела и сказала, что мне пора домой. У Стаса было такое перекошенное лицо при звонке Нины, что я поняла, за что он её не любит. В данном случае, она позвонила не вовремя для него и очень вовремя для меня. Надо будет ей занести торт на днях.

Стас проводил меня на такси до дома и поцеловал на про-

щение. На поцелуй я ответила, но он увлёкся дальше, и мне пришлось напомнить ему, что мы расстались. Он не желал слушать, и мне пришлось просто позорно сбежать.

А ведь я ещё дала слово пойти с ним к Боровскому в качестве его девушки. Как бы это не дало ему ненужной надежды. А что будет, если узнает Нина! Я даже зажмурилась, представив её реакцию. Страшно!

И хотя догадки Стаса в отношении Боровского ничего не стоили, хотя может и были логичны с его стороны, забирать своё слово я не решилась. Когда понадобится помощь от него, если не сдержать слова сейчас, можно и не получить её потом. В конце концов, ничего страшного не случится, если схожу, там будет полно народу, полно знакомых, и нам со Стасом будет не до друг друга.

Глава 16

Дома спали только папа, да его брат, Пётр. Его жена Евгения и сестра моей мамы Светлана хлопотали на кухне. Вокруг них вертелась дочь тёти Светы, моя двоюродная пятнадцатилетняя сестра Варя, а сын тёти Жени и дяди Пети, мой двадцатидвухлетний брат Шурка щёлкал пультом в гостиной, одновременно служившей его спальней по ночам.

– О, смотрите-ка кто явился не запыхался, – вскочил с места Шурик и присоединился ко всем встречающим меня на пороге. – Щёки-то горят как маков цвет, сразу видно чем свидание закончилось. А мы уже не знали, явишься ты домой или нет.

Запустив в братца курткой, которую только сняла, я обратилась к женскому полу:

– А чего не спим-то? – поразились я.

Тётки переглянулись, замялись.

– Решили вот пирожков напечь, хочешь? – тётя Света зашептала около меня, схватив мою обувь, и пошла её мыть в ванную.

– Второй час ночи! Ага, самое время! И печь и кушать!

Я вздохнула аромат свежееиспеченных пирожков с яблоками. Он сбивал ещё на подходе к квартире. Мы прошли на кухню. Варька махнула на Шурика, и тот, схватив пирожок с противня, смылся снова к телевизору.

– А ты чего не спишь? – спросила строго я Варю.

– Ага, все не спят, а я буду, – она возмущённо подпёрла руки в боки. – Я тоже хочу послушать про твоё свидание. Так вы со Стасом снова вместе?

И на меня уставились три пары любопытных глаз. Сдерживая смех, я протянула:

– Та-а-ак, это что ещё за женсовет?!

Тётки молчали, но сдавать позиции не собирались. Варя же озвучила за всех:

– Не томи уже, рассказывай! Вы помирились? – Варя смотрела строго. – Или нет? – надежда в голосе сменилась разочарованием. Лица тёток выражали ту же эмоцию.

– Нет, я и не собиралась.

Варя опустила руки, плечи, повесила голову, всем видом выражая своё отношение к моему поведению, схватила пирожок и вынесла вердикт перед уходом из кухни:

– Ну и дура!

Придав лицу гневный вид, я обернулась, но она уже ушла, оставив меня с тётками. Те сразу засуетились, стали накрывать на стол.

– Есть хочешь? – участливо спросила тётя Женя, пряча глаза.

– Я из ресторана! – напомнила я.

Но почувствовала себя неловко, словно в чём-то виновата. Живя в большой семье, не избежать излишней опеки и участия в своей жизни. Даже когда этого не хочется. Меня

очень трогала забота близких, я её ценила и была благодарна судьбе за это. Я их всех сама любила до безумия. Но вот в такие моменты как сейчас меня не покидало ощущение нелепости происходящего.

Как-то хотелось оставить свою личную жизнь при себе, а не обсуждать её всем миром. Но, к сожалению, выбирать не приходилось. Всё шло в комплекте. И хотя мне очень хотелось иной раз сказать что-то резкое или попросить не совать нос в мои дела, я каждый раз себя сдерживала. Вспоминая, как много любви и заботы они мне дали, сколько нервов потратили, бессонных ночей провели у моей постели, сколько слёз пролили. Ведь воспитывать меня пришлось им.

Мама моя умерла, когда мне было восемь лет. И ухаживать пришлось не только за мной. Мой отец, безумно любивший маму, и до несчастья слыл чудаковатым человеком, большим ребёнком. А после её ухода, он полностью ушёл в какой-то параллельный мир. Его старались лишней раз не беспокоить, потому что возвращение в реальность приносило ему столько боли, что смотреть на это было невозможно.

Со стороны это был рассеянный человек, занятый своими делами, витавший где-то в облаках. Иногда возвращавшийся на землю. В редкие минуты он проявлял ко мне интерес, а потом снова уходил в себя. Я не была уверена, что он меня слышит и видит, когда я к нему обращалась. Самое странное, что на работе это не сказывалось. Он был художником-иллюстратором, вполне успешным – заказов у него было мно-

го, и заказчики оставались довольны его работой. Переговоры он мог провести внятно и понять что от него хотят.

А вот в быту и в семейственных отношениях, он был рассеян. Кроме того за ним надо было постоянно присматривать. Он мог поставить чайник и забыть про него, поставить на плиту сковородку и вдруг всё бросить и уйти рисовать. Поэтому первыми с нами поселились его брат с женой.

Дядя Петя был суровым и серьёзным мужчиной, в детстве я его даже побаивалась. Благо он мало бывал дома. Он работал в системе ЖКХ управленцем и всё время проводил на работе. Повзрослев, я поняла, что дядя Петя совсем не страшен, просто не умеет проявлять свои чувства. Безусловно, он любил всех своих домочадцев, но у него не было времени и желания это как-то показать. Он доказывал это делами. Всё наше благосостояние зиждилось на нём, он был нашим главным добытчиком, и эту небольшую, но четырёхкомнатную квартиру, что было важно при нашей численности семьи, выбил тоже он.

Тётя Женя, его жена, оставила работу и жертвенно посвятила себя неродным ей по крови родственникам, требующим заботы. Поэтому я никогда ей не грубила и была очень благодарна. Ладно я ребёнок, но она ещё получила и большого ребёнка в придачу. Но я не слышала, чтобы она хоть раз посоветовала на это. Хотя, думаю, что ей было нелегко. Она была красавицей, любила праздники и светские выгулы в то время, пока ещё не случилась трагедия. И всё это ей пришлось

оставить в момент, став нянкой двум детям и брату мужа.

Одна бы она не справилась, тётя Света приходила на помощь ежедневно, пока не забеременела Варей. Сразу же решили, что вместе жить будет проще. А потом уже никто никуда не собирался съезжать. Возможно, со стороны, как тому же Стасу, покажется, что мы жили тесно, и этим тяготились, кому-то не хватало личного пространства. Но на самом деле было не так. Взрослые сделали добровольный выбор. А мы, дети, наоборот, так привыкли быть в наполненном людьми доме, что другого не надо было, не было у нас желаний отделиться.

В своё время я поставила на повестке дня вопрос своего переезда, когда могла себе позволить снять квартиру и съехать. Спросила, хотят ли этого домочадцы. Все были против, один папа ничего не сказал, не услышал. И я осталась.

Сейчас мы делили комнаты так: самая маленькая спальня была папина, одновременно его рабочим кабинетом. Вторая спальня принадлежала дяде Пете с тётей Женей. В третьей, самой большой, спали мы: тётя Света, Варя и я. В проходной гостиной раскладывал диван на ночь Шурик. И никто при этом не испытывал неудобств.

Неудобно я чувствовала себя вот в такие моменты, как сейчас, когда обсуждали мою личную жизнь. Стас всем нравился, его сразу приняли как родного, и были уверены, что наши отношения приведут к браку. И даже то, что разрыв был с моей стороны, никого не успокоило. Все решили, что

Стас меня чем-то обидел, и я очень переживаю. Я пыталась сказать, что всё не так, но почему-то никто не поверил. Вероятно, никому в голову не приходило, что можно добровольно отказаться от Стаса.

И когда я пошла с ним на свидание (несносный Шурик подслушал и всё растрепал), все обрадовались и зародили надежду, что дело идет к примирению. Как бы мне не хотелось их огорчать, но я не хотела давления со стороны в таком вопросе.

Поэтому решила внести ясность прямо сейчас, раз уж все даже спать не могли, ожидая новостей.

– Так, мои любимые тёти, давайте проясним этот вопрос раз и навсегда, – обратилась я к ним. – Я не хочу быть со Стасом. Я сама его бросила, я его разлюбила.

– Хорошо, – пожала плечами тётя Женя и взглянула на тётю Свету.

– Как скажешь, дорогая, – подтвердила та.

– Нет, я серьёзно, – не поверила я в их быструю капитуляцию. – Я понимаю вас, я правда понимаю. Стас хорошая партия, и у нас с ним долгое время были очень близкие отношения, и вы уже видели его моим мужем... Но неужели вы хотите, чтобы поэтому я вышла за него замуж, и была несчастна всю оставшуюся жизнь? Потому что я не люблю его. И он меня тоже не особо.

– Конечно, нет, – заявила тётя Света. – Просто ты ждёшь любви такой... неземной. Такой, какой не бывает...

– Бывает! – прервала я. – Вот сегодня пример видела, Андрю, друг Стаса...

– Хорошо, – тоже прервала меня Светлана, об Андрее они уже слышали от меня. – Единичные случаи бывают. Но что, если она не встретится? Ты знаешь кандидатов лучше Стаса?

Я промолчала. Конечно, их дело думать о моём будущем. Мне уже двадцать пять, пора подумать о браке и детях. А в браке все мысли и романтические бредни покинут меня сами собой. Быт, забота о детях и муже заставят жить в реальности. Наверное, на их месте я думала бы и говорила то же самое. Да даже взять Варю, разве я сама не советую ей постоянно думать головой? И в то же время...

– Дайте мне ещё пару годиков, в конце концов, я ведь ещё не старая дева, у меня есть время, – попросила я.

– А Стас будет ждать? – резонно спросила тётя Женя.

Я пожалала плечами, подошла и чмокнула каждую в щеку:

– Не дождётся, значит, не судьба. Спокойной ночи, спать хочу, умираю. Ваш Стас спойл меня, влив целую бутылку вина. В которой сейчас бултыхаются четыре блюда во-о-от таких порций, – развела я широко руки и погладила живот. – Поэтому меня клонит в сон. Да и вставать завтра рано, некоторым клиентам не спится, первая встреча назначена уже на девять утра.

На меня шикнули и погнали спать. По дороге я чмокнула в макушку младшего братца, который выставил перед собой салатницу с пирогами и уплетал за обе щёки.

– Шурик, ты помнишь, о чём мы с тобой договаривались?

– О чём? – он поднял на меня удивлённые глаза, и тут же получил мягкий тычок.

– Балбес. Не прикидывайся! Я тебе что сказала, позвонить в одиннадцать и сказать, что у нас дома пожар!

– Я забыл, – гыгыкнул он, и тут же получил оплеуху повесистей.

– Шурка! И ты туда же. Вот попросишь ещё об услуге, – погрозила я.

Он испугался, и было от чего. Шурик у нас – ходячее приключение. Ему искать его не надо, оно само его найдёт. Он вечно вляпывался в какие-то истории, из которых его приходилось выпутывать. При том, что парнем он был хорошим. Но слишком энергичным, слишком взрывным и эмоциональным. И ох уж этот возраст максимализма и категоричности! Мы просто за голову хватались от его чёрно-белой картины мира.

Когда-то я не могла дожждаться, когда пройдёт его подростковый период, а сейчас жду-не дождусь, когда он вступит в пору мудрости и зрелости. Хотя бы первый шаг сделает. Ну полшага. Ну хоть четвертинку. Чтобы наконец у нас хоть серый цвет появился, об оттенках не говорю. А то трудно постоянно за него беспокоиться.

И так уж получалось, что вытягивать его приходилось всегда мне. И мне он первой звонил, наделав дел. Если только родительницы (как называли мы между собой обеих моих

тёток) не узнавали раньше. Но потом звонили опять же мне.

– Ну чего ты, Анич, – заныл он. – Хорошо же провела вечер. Не хотел мешать.

– Я не спрашивала тебя, а попросила. Не тебе решать. Ты-то почему за Стаса? Ну ладно, родительницы хотят меня замуж выдать. А ты-то? Выйду замуж, мне не до твоих проблем будет.

– Зато мне спокойней будет, – заявил тот как-то неожиданно взросло для меня. – Будешь на кухне борщ варить и никуда не вляпаешься. А то влюбишься... видал я от каких голову теряют. Одни несчастья от них. Плакать у кого на плече будешь? То-то же.

Я моргала, не зная что ответить. Мой младший брат заботится обо мне и моих чувствах. Я решила ничего не отвечать, сославшись на то, что я пьяна, и пошла в кровать, подбирая по дороге челюсть.

– И всё-таки, ты должен был позвонить, – обернулась я на пороге своей спальни. – Я на тебя надеялась.

Глава 17

Новый день принёс новые заботы. С утра я занималась работой, в обед вспомнила о должке перед Ниной и решила навестить её с тортиком. Но планы изменил чудовище. Раздался звонок от него, я подняла трубку.

– Привет, ты можешь кое-что для меня сделать? – перешёл он сразу к делу.

– Эм-м, что именно? – насторожилась я.

Как-то не ждала я от него хорошего. И правильно.

– Заезжай ко мне, я тебе всё объясню. Удостоверение журналиста не забудь прихватить.

– Оно всегда со мной, – буркнула я.

Когда я к нему приехала, он разложил передо мной сканы бумаг. Но прежде сказал:

– Долго ещё квартиру будешь искать? Не хочу, чтобы ты тут всем глаза мозолила. Будем встречаться на конспиративной квартире.

– Сегодня как раз хотела посмотреть, кажется, я нашла то, что нужно. Только надо всё проверить. Вот с тобой разделаюсь и съезжу посмотрю.

– Давай адрес, я сам всё проверю. А тебе вот, – он указал на бумаги, – запиши название и посмотри как выглядит. Поедешь в Артемьевск, зайдёшь в городскую библиотеку и возьмёшь эту книгу. Привезёшь мне. Всё, – улыбнулся он

оскалом, не предвещавшим ничего хорошего.

– Всё?! – возмутилась я. – Ничего что Артемьевск в ста восьмидесяти километрах отсюда и мне туда только ехать три-четыре часа? Я даже к закрытию не успею! Не говоря уже о том...

– Успеешь. Время два, за три часа доедешь...

– А если она в пять закрывается?!

– Нет, часы работы до шести.

– И вообще, почему я?! Сам не можешь что ли?

– Нет, – отрезал он.

– А больше послать некого? – возмутилась я. Нашёл девочку на побегушках.

– Некого. Аня, я тебя сделал своим другом, – прозвучало это как-то угрожающе, словно он сказал: «Аня, твоя жизнь в моих руках, помни!»

Я вздохнула. Хорошее напоминание о дружбе.

– Это книга для твоей научной деятельности? Вернее деятельности Александра Боровского?

– Нет, там про чудовищ.

Теперь понятно, почему послал меня. Правда неясно, почему бы ему самому не съездить? Я ещё раз взглянула на название. А по виду и не скажешь. «Источник судьбы. Введение в эзотерическое знание. Магические символы Севера».

– И что, я должна взять из библиотеки книгу и всё? – уточнила я.

– Да, и забыть о ней.

– То есть? Я её не верну?!

– Нет, она останется у меня, а ты её потеряешь.

– Мы так не договаривались. Я так не могу, – возмутилась я.

– Почему? Это же не преступление – потерять книгу.

– Вообще-то да, это кража, – заметила я. Сроду чужого не брала.

– Ты возместишь, заплатишь штраф. Я заплачу, – поправился он. – Можешь сказать, украли. Можешь вообще не на себя записать, у тебя же есть удостоверение на чужое имя. Кажется, на... – он сделал вид, что вспоминает, – а! На Быкову Марину Геннадьевну. Не ошибся?

Я покраснела от досады. Да, у меня было запасное удостоверение на чужое имя. Иногда удобно задавать каверзные вопросы или проявлять излишнее любопытство под чужим именем. Потом, когда человек опомнится и начинает искать ушлую журналистку, оказывалось, что такой в природе не существует. Мне лишние вопросы тоже не нужны. Или так можно скрыть свой интерес к теме... чудовищ, например.

– Ты теряешь время, – подтолкнул он меня к выходу. – Тебе надо успеть до закрытия, помнишь? Удачной поездки, – помахал он издевательски ручкой. И выставил меня за дверь.

К счастью дорога была свободной, и я доехала до Артемьевска даже быстрее. Здесь я бывала пару раз, поэтому, следуя объяснениям, легко нашла библиотеку. За стойкой не очень увлечённо читала миловидная блондинка. Пара

школьников старших классов искали учебную литературу.

Когда я подошла, девушка быстро отодвинула книгу и приветливо со мной поздоровалась. Судя по всему ей было скучно, а я представляла хоть какое-то развлечение. Какая тут красота увядает, подумала я про девушку. Натуральная блондинка (будучи сама такой, всегда могла отличить натурпродукт), голубые глазки, губки сердечком, – просто куколка. Неужели не нашлось другой работы? Я тоже поздоровалась и, поскольку мне ещё предстояла обратная дорога, сразу приступила к делу. Показала ей листок с названием книги и автором.

Девушка как-то странно на меня посмотрела, улыбка сползла с её лица, как краски с холста при попадании воды. Но тут же взяла себя в руки и снова водрузила улыбку на место, только теперь она была искусственной, а не искренней, с какой меня встретили.

– Редкая книга, не часто её спрашивают. Увлекаетесь мистикой? Или историей? – спросила она не глядя, делая вид, что перебирает картотеку.

– Ну, можно и так сказать, – приветливо улыбнулась я.

Её реакция меня насторожила, и я достала поддельное удостоверение. Вернее, удостоверение-то было самое что ни на есть настоящее, только такой журналист существовал лишь на бумаге. Я сразу решила внести ясность.

– Я журналист, из центра, – пояснила я и показала удостоверение. – Недавно у нас вышел журнал «Непознанное»,

может, слышали? К вам он тоже в обязательном порядке попадает. Надо собирать материал для следующих номеров, ищем что-то интересненькое.

Девушка заметно расслабилась. Она уже не улыбалась так ярко, но выглядела вполне искренне. Рассмотрела удостоверение и сказала:

– Эта книга осталась в единственном экземпляре, только у нас. Поэтому мы не даем её на руки. Только для работы в читальном зале. Вы, к сожалению, поздно приехали...

Слушая её, я чертыхалась. Ведь зверь наверняка знал об этом, сложно было меня предупредить? Или это проверка такая, на что я способна? Я сделала ужасно расстроенный вид. Впрочем, почему сделала, я действительно была очень расстроена.

– Я что, зря отмотала сто восемьдесят километров? – поразила я. – Начальник меня убьёт! Это он послал меня за книгой. Не я буду с ней работать, я в этом ничего не смыслю! Я только недавно устроилась. Первое задание... и провал! – я с ужасом и жалобно смотрела на девушку.

– Вы бы могли прийти завтра утром, – нерешительно сказала она.

– Какое утром? Я спать где буду? У меня даже на ужин денег нет, не говоря о гостинице. Только на бензин обратно. Пожалуйста, прошу, ничего не случится с вашей книгой, начальник снимет с неё сканы, и я тут же привезу её обратно. А не то я лишусь головы! – и не в фигуральном смысле, по-

думала я про себя, а вполне буквально.

– Дайте мне пока ваши документы, я вас зарегистрирую, – раздумывая, протянула блондинка руку.

Я снова протянула удостоверение.

– Нет, паспорт.

Я с ужасом подняла на неё глаза.

– Паспорт... у меня нет его... О, боже, – простонала я. – Везде я показываю эту ксиву и уже забыла что такое паспорт. Хотите, принесу водительское? – «обрадовалась» я, «вспомнив». И надеялась на ответ «нет», иначе опять придется что-то придумывать. – Правда, машину я оставила с той стороны квартала, потому что заплутала и вышла не там.

Девушка кусала губы, не решаясь, и я попробовала ей помочь в принятии решения.

– Вы такая красавица, как можно было себя в библиотеке похоронить? Вам бы в бутике каком работать, или журналистом тем же. Знаете, где нам только бывать не приходится.

Первый вопрос произвёл обратный эффект ожидаемому, блондинка вновь напряглась. Но я смотрела невинным щенячьим взглядом, и она только махнула рукой, ответив:

– А-а, я просто маме помогаю. Это она тут работает. Я иногда вместо неё сижу.

Но про книгу при этом знаешь, отметила я. Тут раздался властный голос за моей спиной:

– Да, это правда. А кто тут нашим древом интересуется? И тут же за стойку зашла и встала передо мной статная бе-

локурая женщина с высоко поднятой головой и властным ясным взглядом. Который пронизывал насквозь. Её лицо мне показалось смутно знакомым, но я точно с ней не встречалась. Такую забудешь!

«Попала», – мысленно прокляла я всё на свете, в том числе и чудовище.

– Я поинтересовалась, почему такая красавица чахнет в книжной пыли, но теперь все вопросы отпадают. Я бы тоже не перечила такой маме, – сделала я неловкий комплимент.

– Мама, эта девушка хочет эту книгу, – блондинка торопилась передать матери информацию, указывая на листок с названием. – И она хочет её увезти. Она журналистка, а за книгой послал её шеф.

Я прямо почувствовала себя в сердце заговора, шпионкой в тылу врага, один неверный шаг – и тебя рассекретят. Мама опустила глаза на мою журналистскую липу, но лишь мазнула взглядом, не рассматривая. Она снова перевела пристальный взгляд на меня. Взгляд её был доброжелательный, но проникал прямо в душу. Под ним я чувствовала себя незащищённо, словно меня читали как открытую книгу. У меня снова возникло странное чувство, как я её только увидела. Будто я её знаю.

– Мы раньше встречались? – спросила я. – Такое чувство, как будто я вас знаю. Но я вас не помню.

– Ты не знаешь, но узнаёшь. Это естественно. Ведь мы из одного клана.

– Правда?! – воскликнула юная блондинка и с интересом на меня уставилась. – То-то я сразу что-то почувствовала, глядя на неё. Это и есть узнавание, да?

– Да. Ты пока не можешь его различить, но скоро научишься.

У меня голова плыла кругом.

– Так можно мне взять книгу? – это единственное что меня интересовало сейчас.

Мне хотелось побыстрее выбраться из этого сумасшедшего дома. Ранее в моих планах было спросить девушку о Боровском. Но что-то мне сейчас подсказывало, что не стоит этого делать.

– Мама, можно дать ей книгу? – тоже спросила блондинка.

– Ей можно, – кивнула дама. – Она же наша.

Девчонка пошла за книгой, а женщина наклонилась ко мне.

– Только обязательно верни её. Ты же понимаешь, как это важно для нас?

Я не понимала ни как, ни кому это важно, но кивнула, только чтобы получить книгу и смотаться поскорее.

Испуганно схватив книгу и прижав её к себе, я еле заставила себя спокойно выйти из библиотеки. И смогла спокойно выдохнуть только в машине.

Глава 18

Когда я вернулась в город в восемь часов, то побоялась заезжать к себе на работу чтобы снять сканы с книги. Вдруг чудовище как-то об этом узнает, тогда всё сразу поймёт. К Нине тоже идти не хотелось, она завалит вопросами и проявит ненужное любопытство. Оставалась только наша бывшая редакция. Хотя почему бывшая, я там официально числюсь, являюсь внештатником. И могу появиться когда считаю нужным.

Убедившись у Мишки, что Стас отсутствует на рабочем месте, я спросила, могу ли спокойно отсканировать книгу. Наврала что ксерокс в нашем офисе не вовремя сломался.

– Да, конечно. Ксерокс свободен, скан тоже, если тебе нужен. В редакции сейчас я, да пара человек.

– Нет, я хочу только отксерить, – сказала я.

Со сканом было долго возиться, а время меня поджимало. Если задержусь, зверь что-нибудь заподозрит. К тому же я боялась, что в компе останется какая-нибудь запись об этой операции. А я уже поняла, что не стоит привлекать к этой книге лишнего внимания. Мне самой не терпелось её просмотреть, но, не отвлекаясь от дороги, это было сделать трудно, тем более я торопилась выиграть время.

Но насколько я успела её пролистать, я не встретила не то что упоминаний о чудовищах, но и вообще чего-либо ин-

тересного. Глаз ни за что не зацепился. Ничего, дома разберусь. Прочитаю, переведу на цифровой носитель и буду исследовать.

Я быстренько поздоровалась с Мишкой и торопливо приступила к делу. Книжка не была толстой, но ксерокс, как обычно, периодически заедало, и время увеличивалось. Я очень боялась, что сейчас откроется дверь и появится Стас. Тогда мне не избежать многих вопросов. Когда в очередной раз аппарат перемкнуло, и я начала нервничать, поднялся Мишка и попросил отойти. Он понажимал на кнопки, похлопал крышками и посоветовал мне не нервничать. Я поблагодарила и продолжила работу, оставалось уже немного.

Я не заметила, что Мишка взял один из последних отсканированных листов и рассматривал его. Очнулась только от его голоса:

– Занятная книжка. Обратни, клады, сокровища. Вы со Стасом напали на след Зверя или просто продолжаете расследование вдвоём? Или готовите материал в «Неизвестное»?

– А при чём тут Зверь? И где тут про обратня?

– Вот, – показал он мне на какие-то руны или иероглифы, те древние письмена, что были вырезаны на камнях в нашем крае. – Знак обратня. Вот Луна. Вот знак золота. А вот тут в тексте что-то про клады...

Он стал вчитываться, и я выхватила у него листок. Все листы были отскерены, и я поспешила уйти. Но от Мишки

отделаться было не так просто. Он потянул книгу у меня из рук, стал рассматривать обложку. Мне надо было выражаться осторожно. Во всех расследованиях про Зверя, мы были одной командой, поэтому я не могла просить Мишку что-то скрыть от Стаса. Но и сделать вид, что мы со Стасом работаем вместе, я тоже не могла. Правда быстро выйдет наружу.

– Я не в курсе, если честно. Стас попросил меня найти эту книгу, но я нашла только в одном экземпляре. Мне стало любопытно, чем она его привлекла, и я решила сделать для себя копию. Он обещал мне потом рассказать. Видишь ли, сейчас мы не очень откровенны друг с другом...

Мишка понимающе кивнул.

– Хорошо, я не скажу Стасу, что ты сделала себе копию. Мне передать ему книгу?

– Ты что?! А если это пока тайна? – ужаснулась я. – Нет, я передам лично в руки.

Мишка опять кивнул, я собралась убежать, как он спросил:

– Ты дашь мне почитать? Ну, когда разберешься с ней.

Шантажист несчастный!

– Конечно, – улыбнулась я. – Когда переведу в цифровой формат, поделюсь.

Я постаралась поскорее покинуть редакцию.

Засунув ксерокопии подальше в бардачок, я вихрем понеслась в пентхаус Боровского. Молча отдала книгу. Он оце-

нивающе смотрел на меня, словно ждал чего-то. Но я решила не поддаваться на его игры. Ничего вот не скажу, пусть мучается от любопытства.

– Как всё прошло? – равнодушно спросил он, а сам следил за моей реакцией.

– Были сложности. Но, как видишь, я их преодолела.

– Какого плана сложности?

– Это последняя копия этой книги, и меня очень просили её вернуть. Я так понимаю, все копии у тебя?

– Правильно понимаешь, – нахмурился он.

– А оригинал?

– Тоже, – неохотно ответил он.

– А цифровые носители?

– Их нет.

– Ты уверен?

– Абсолютно. Если она появится в сети, я буду знать, кто её выложил, – его глаза блеснули нехорошим светом.

– Ну вот не надо на меня всё валить! – возмутилась я и решила его предупредить: – Насколько мне известно, экземпляр любой изданной книги обязательно отправляется в государственную всероссийскую библиотеку.

– Не заморачивайся. Специально её искать никто не будет. Я просто не хочу, чтобы она кому-то попала на глаза.

– Что в ней такого важного?

– Ты очень любопытна. Ты ведь засунула в книгу свой вездесущий носик?

– Прочитала, но ничего интересного не нашла, многого не поняла. Про чудовищ тоже не встретилось.

– Ну вот и славно. Меньше знаешь, крепче спишь. Такой хорошенькой головке думать вообще ни к чему.

– Ты считаешь меня хорошенькой? – решила я немного расслабить атмосферу, а то от его пустого безжизненного взгляда мне было очень неудобно.

– Это образно. Выражение такое есть.

– Понятно, – протянула я, шутка не удалась. – Знаешь, я считаю, что книга должна оставаться у меня.

– Что-о?! – Алекс повернулся и уставился на меня.

Даже с интересом, я бы сказала. Словно букашка, которую он раньше не замечал, обратила на себя его внимание.

– Что слышал. Эта книга должна остаться у меня. Отдай мне её.

Алекс гневно смотрел на меня, и вдруг я стала замечать изменения, которые происходили в его облике. Он стал как-то увеличиваться в размерах, разрастаться, зрачки в глазах сузились, лицо стало огрубевать. И я поняла, что он на стадии превращения в зверя. Я испугалась, запаниковала, волосы на затылке зашевелились.

– Эй-эй-эй, успокойся! Я пошутила! – заорала я и стала отступать к двери.

Мне хотелось побежать, но я боялась. Вдруг это как с собаками, покажешь страх, повернёшься спиной, побежишь и тут же станешь жертвой.

– Александр! – позвала я его.

Он вернулся в прежнее состояние человека и недовольно смотрел на меня.

– Напугалась? Ты вообще думаешь, с кем ты связалась? Не играй со мной, не перечь мне. Просто делай что я говорю.

– Что, слова сказать нельзя? – обиделась я. – Сразу голову отвернёшь?

Мне хотелось разреветься. Пугает юную девушку, обращается как со служанкой. За что он мне повстречался на пути? «Я с ним связалась!» Я не связывалась! Как будто это было добровольно или кто-то спрашивал моего желания.

– Можно, – милостиво разрешил он. – Только что-нибудь умное. Ну, или ласковое.

– Ты типа шутишь, да? – съязвила я. – Очень смешно. Кис-кис, это достаточно ласково?

Я лягнула, прежде чем подумала. И тут же вжала голову в плечи от страха. Теперь точно оторвёт голову. Я бы на его месте так и сделала.

Но он рассмеялся. Направился к выходу.

– У тебя тормоза вообще есть? – спросил он как будто с интересом. – Как ты дожила ещё до своих лет? Без башни совсем.

– Твоими молитвами, – напомнила я ему в спину.

Он вдруг резко развернулся и уставился своим леденящим злым взглядом.

– Я всё-таки не советую испытывать моё терпение, – се-

рѣзко сказал он, и я пообещала себе заткнуться.

Он подошёл к двери, схватил куртку и сказал:

– Я посмотрел квартиру, место меня всем устраивает. По-едем, я покажу тебе, каким путём ты будешь приходить в квартиру.

– Что, прямо сейчас?! – не поверила я ушам.

– Чего тянуть? – он подтолкнул меня к выходу.

– На чьей машине поедет? – поинтересовалась я, когда мы спустились.

– На твоей.

Зверь отправился к моей машине, и я нажала на кнопку снятия сигнализации. Он открыл дверцу, сел на пассажирское сидение. Повернулся ко мне в ожидании. Я досадливо покачала головой и села за руль. Как только захлопнула дверь, Алекс быстрым движением залез в бардачок и вынул ксерокопию книги. Даже не глядя, как будто был уверен, что листы там лежат. Обернулся ко мне.

Я отвела взгляд в сторону, но в истерику не бросилась. Чудовище схватил меня за шею и легонько приложил лицом к рулю.

– Больно же! – возмутилась я.

Больно не было, я понимала, что он даже и вполсилы не приложил. Так, легкое предупреждение. Но было жутко обидно. Я опять чуть не разревелась с обиды. Что он себе позволяет! Со мной нельзя так обращаться! Навязался на

мою голову.

– Я это забираю. И считай это первым и последним предупреждением.

Когда он выходил из машины, я спросила:

– Что такого, если бы я прочитала? Я же уже знаю о тебе.

Он вернулся.

– Ты же сама сказала, что ничего там не поняла. Рано или поздно ты бы решила кому-то её показать. Одному, другому. И сразу бы привлекла внимание заинтересованных лиц. То есть отксерить тебе ума хватило, а до этого додуматься нет? А можешь ты поручиться за её сохранность в доме, где царит проходной двор и живёт толпа народу?

– Ты мою семью имеешь в виду? – оскорбилась я.

Он покачал головой и вышел из машины.

– Эй, ты хотел посмотреть квартиру, – напомнила я.

– Я тебя обманул. Поздно уже, темно. Езжай домой. Завтра.

Он быстрым шагом отправился домой.

Глава 19

Когда я, уставшая, заявила домой, там царил шум и гам. Тётя Женя пыталась успокоить орущих друг на друга Варю и Шурку, тётя Света металась между ними и моим папой на кухне. Тот решил оторваться от работы и подкрепиться. Я быстренько разделась, зашла в комнату:

– Что за шум, а драки нет? – обратилась я, главным образом, к воинствующим.

Они одновременно закричали.

– Сейчас будет и драка! Если он не отдаст мне браслет! – тёмные локоны растрепались вокруг гневного лица, Варя была похожа на фурию.

– Опять я как всегда в чём-то виноват, – Шурка обращался ко мне.

– А что, не так что ли? – не могла угомониться Варя.

– Что случилось? – потребовала я объяснений.

Они говорили наперебой, из сонма обвинений, оправданий, невнятных объяснений, я вынесла следующее. Шурка попросил у Вари дать ему браслет, чтобы показать мастеру по тату изображение, которое было на нём. Чтобы сделать себе такую татуировку.

Надо сказать, что браслет был антикварным, он передавался из поколения в поколение дочерям по моей материнской линии. Я не знаю, скольким поколениям он принадле-

жал, тётя Света могла лишь сказать, что как минимум четырёх.

Поскольку у моей бабушки было две дочери, их право на этот браслет было равноценно, и далее должно было передаваться внучке. Но по каким-то причинам, которые тётя Света никак не могла до меня донести, браслетом сначала владела моя мама, потом он должен был передаваться мне. Я считала, что с Варей у нас равные шансы, но опять же Светлана утверждала, что он только мой. Подробностей выпытать не могла, она уходила от ответа или несла вообще какую-то чушь. Вроде той, что если уж так случилось, что у меня нет мамы, пусть хоть мне браслет перейдёт. Бред какой-то.

Проблема была ещё в том, что это украшение мне не нравилось. Чисто интуитивно. Оно меня отталкивало, я не хотела не только носить, но и трогать и смотреть на него. Поэтому я с лёгкостью и чистым сердцем передарила его Варе. В конце концов, чтобы там не говорила тётя Света – это семейное украшение, и Варя имеет на него такие же права, как и я. Варе он нравился, и все были довольны, кроме Светланы. Но она молчала.

Единственное, юной Варе пока не разрешалось его никуда носить, только дома, потому что это было дорогое украшение. Не только из-за его возраста, но и потому, что серебряный массивный браслет был украшен сапфирами. Мелкими камнями – вкраплениями по всей окружности, а один, довольно крупный, был помещён в условный центр браслета.

Издали браслет выглядел как вязь переплетений в виде косички с вкраплениями сапфиров, но если присмотреться, то узор косички был не что иное как переплетённые между собой женские фигуры. Совсем юные девы, подростки я бы даже сказала, с печальными опущенными к низу лицами. В длинных платьях-хламидах. Их можно было бы принять за ангелов, если бы не отсутствие крыльев и скорбные выражения лиц.

От этого зрелища меня всегда брала тоска. Начинала мучиться вопросом, что они делают, почему вместе, отчего или по чему скорбят? Какая трагедия произошла с ними? Казалось, что вылитые в металле, они навечно приговорены страдать. Хотелось их освободить.

– Как ты вообще могла дать его Шурику? – возмущалась тётя Женя.

Это вызвало ответное возмущение её сына:

– А что, мне уже ничего доверить нельзя?!

– Тогда где оно? – закричала Варя.

– Да принёс я его, говорю же. Положил тебе на стол!

В это время я сбегала в прихожую и вернулась с сумкой, откуда достала браслет. Протянула Варе.

– Варенька, прости, совсем забыла. Не на стол ты его положил, – обратилась я к Шурику. – Когда я неделю назад поздно вернулась домой, смотрю, он валяется на полу около твоей одежды, видно, выпал из карманов брюк. Темно было, он сверкал в лунном свете. Мне некогда было шарашиться

с ним, искать место куда положить. В сумку забросила, думала, утром на место уберу. И забыла. Прости, Варь, замоталась, – повернулась снова к Варе.

– Чёрти что! – пробормотала Варя, уже успокоившись, взяла браслет из моих рук и понесла убирать в спальню.

А я встала перед Шуриком руки в боки. Переглянулась с тётёй Женей.

– Так что там по поводу татуировки? – прищурилась я.

– Во-от! Аня сразу главное выцепила. Это ещё что за новости? – поддакнула тётя Женя.

– А чего такого? – насупился Шурик. – Все делают, и я хочу. Только не бездумные рисунки волков, львов и драконов или иероглифы, невесть что обозначающие. А со смыслом. И оригинальное что-нибудь. А тут фамильная драгоценность, прикольный рисунок. Ни у кого такого не будет. Хотел вот здесь, – он показал на бицепс левой руки, – вокруг сделать.

– А ты какое к ней имеешь отношение, к этой фамильной драгоценности? – поинтересовалась тётя Женя.

Но тут уже возмутилась я.

– Это ещё что за разговоры? Тётя Женя! Чтоб я такого больше никогда не слышала! Мы все одна семья. Другое дело, что рисунок не самый подходящий. Шурик, ну зачем тебе эти печальные девы на плече? Это же на всю жизнь! Представляешь, тебе восемьдесят лет, а у тебя девочки-подростки на руке. Ну?

– До восьмидесяти ещё дожить надо, – буркнул Шурик. –

А мне нравится. И вообще, чего пристали? Моё тело, как хочу, так и распоряжаюсь.

– Я тебе сейчас дам, твоё тело! – возмутилась мать. – Кто тебе это тело дал, а?

Ну всё, пошли семейные разборки, схватилась я за голову, и ушла на кухню. Тётя Света, время от времени заглядывавшая проследить как двигаются разборки, но не влезавшая, встретила меня на кухне. Она суетилась около папы. Он уже поел и пил чай. Я подошла, чмокнула его в макушку. Вдохнула родной запах.

– Привет, пап. Как дела? Как новый заказ?

Папа очнулся от своих мыслей, посмотрел на меня вполне осознанно.

– Анечка, дочка, какая ты большая стала!

Он говорил это каждый раз, когда мог сфокусировать на мне взгляд.

– Как быстро дети растут, – обратился он к тёте Свете.

Она привычно согласилась. Папа повернулся ко мне:

– Ты прости, что я тебе мало время уделяю, у меня сейчас новый заказ. Когда закончу, хочешь, мы вместе сходим куда-нибудь, на каток, к примеру?

Это папа тоже всегда говорил, только вместо катка могли быть варианты.

– Конечно, папа. Что за заказ?

– Для поликлиники предложили нарисовать иллюстрации к стенгазетам. К тем, что у кабинетов висят, – пояснил он, а

я кивнула. – Проиллюстрировать как делают массаж сердца, к примеру. Сейчас я делаю наброски к кабинету дантистов...

Папа застыл с поднесённым пирожком ко рту. Это означало, что его осенила идея, и он сейчас побежит скорее её фиксировать. И точно, оставив недопитым чай, папа, что-то бубня под нос, вскочил и ушёл в свой кабинет-спальню.

– Даже боюсь представить, что будет, когда дойдёт до кабинета гинеколога, – пошутила я.

Светлана хихикнула и показала на освободившееся место.

– Садись. Сейчас накрою. Спасибо, что нашла браслет. Мы уже испереживались все, когда пропажу обнаружили. Не надо было Вале давать его. Заберу и уберу пока куда подальше. Может, ты ещё передумаешь.

– Я не передумаю, – твердо заверила я её.

И тут же мне пришла в голову интересная идея – надеть браслет на вечеринку к Боровскому. Он же антиквар и знаток по истории. Интересно, как он отреагирует на украшение? Сможет что-то сказать о нём?

– Хотя знаешь, – прищурила я глаза. – Если ты не против, я надену его на одно событие в ближайшем будущем.

Тётя Света довольно улыбнулась.

– Конечно. Браслет сам выбирает хозяйку, и маму твою он выбрал и тебя. Думаешь, ты случайно его сейчас нашла? Он тебе напомнил о себе.

Я хотела возразить, но тут вошёл сбежавший от матери Шурик, и я переключилась на него.

– Всё! Решено! Сделаю тогда морду волка на всё плечо, раз вы считаете, что это мне больше к лицу.

Я поперхнулась. Это кто о таком говорил?

– Не надо волка! – твёрдо сказала я. – Только его и не хватало.

Тётя Света побледнела, присела на стул и тихо сказала, так, что мы еле расслышали:

– Нет, пожалуйста, не надо. Только не волка.

– Тётя Света, вам плохо? – забеспокоилась я. – Может, воды?

– Нет-нет, всё нормально, – она жалобно посмотрела на Шурика: – Только не волка, прошу тебя, – и добавила неубедительно, – я их с детства боюсь.

Мы с Шуриком переглянулись непонимающе. Но, в конце концов, каждый имеет право на свои фобии.

– Хорошо-хорошо, – Шурик поднял примиряюще руки. – Тогда что? Только не надо на меня так смотреть. Я решился, я всё равно сделаю.

В нём сейчас говорило упрямство, я решила его не переубеждать, потом поищу подходящий момент. Если только не опоздаю.

– Давай повыбираем вместе, – предложила я. – Хочешь со смыслом, будет тебе со смыслом. У нас в редакции есть охранительная подборка по всяким магическим амулетам, оберегам и прочее. И не какие-нибудь там иероглифы, а настоящие древние руны нашего края. Идёт?

Шурик задумался, ища подвох.

– А если хочешь рисунок, давай поговорим с папой. Он нарисует что-нибудь подходящее или найдём, у него полно интересных рисунков в папке. Кстати, ты бы мог не носить браслет кому-то чужому, а попросить папу зарисовать тебе узор.

– Я просил, – подтвердил Шурик.

– И что?

– Он забыл.

Я вздохнула и перевела взгляд на дымившийся передо мной суп-пюре из овощей со сливками. Потянула носом исходящий аромат трав и лёгкого дымка и переключилась на еду.

Глава 20

С утра напомнил о себе Стас. Ему приспичило не откладывая заняться выбором коттеджа в Снежино. На моё удивление, куда он так торопится, он упрекнул меня, что я сама сказала, что хороших предложений остается всё меньше и меньше. И вообще, я плохой агент, это я должна в него вцепиться как клещ и быть заинтересованной в сделке. Я рассмееялась и признала его правоту. Предложила встретиться там, но он сказал, что заедет за мной в первой половине дня. И я некстати вспомнила о Жанне. Хочет лишний раз встретиться с ней?

Я вызвала её в кабинет. Пока она дефилировала через весь кабинет к стулу напротив меня, на который уселась в изящной томной позе, скрестив ножки и выставив вперёд круглую коленку, я окинула её оценивающим взглядом. Кареглазая яркая брюнеточка, фигурка зашибись, одевалась она строго, соблюдая офисный дресс-код, но при этом всегда выглядела сексуально. То пуговка верхняя расстегнута, то юбка выше на пару сантиметров, чем принято. То материал блузы слегка прозрачный, в пределах пристойного, но бельё притягивало взгляд своими очертаниями. То чулочки вместо колготок соблазнительно мелькнут своей резинкой.

Понять Жанну можно, клиенты у нас были все состоятельные, надо ж было как-то привлекать к себе внимание. Я зна-

ла, что она не замужем, но насчёт личной жизни была не в курсе. Никогда её ни с кем не видела. И судя по тому, что домой она не торопилась, как все наши девушки, состоящие в отношениях, делала вывод, что спешить ей не к кому.

– Слушаю вас, Анна Витальевна, – Жанна ждала распоряжений.

Смотрела она приветливо и угодливо, как и положено хорошему секретарю на начальника.

– Сегодня Стас Крекшин приедет, по поводу посёлка «Снежино». Позвони застройщикам и обнови информацию. Добавь в папку «Снежино». А когда Стас появится, проводи сразу ко мне и принеси ему кофе. Как он любит. Напоминать не надо?

– Нет, – улыбнулась Жанна и отчеканила: – две порции эспрессо с одной порцией бренди и обязательно стакан охлаждённой минералки с лаймом и льдом.

– Отлично! – похвалила я. – Только порцию бренди убери, он всё-таки за рулем, мне с ним ещё ехать, – улыбнулась я.

Жанна вежливо улыбнулась. Я не выдержала и спросила:

– Жанна, у тебя кто-то есть? А то такая красотка, и никуда не спешит вечерами, – я добавила нотку сочувственного участия.

– Нет, сейчас никого. Моё сердце разбито. Я влюбилась, но он не ответил мне взаимностью.

Жанна замолчала, лицо приобрело задумчивое печальное выражение. А я про себя досадливо хмыкнула. Её слова мож-

но было отнести к кому угодно, в том числе и Стасу.

– Поматросил и бросил! – в её голосе была слышна обида.

– Это не дело! – согласилась я. – Но нельзя продолжать просто сидеть и страдать. Тебе надо куда-то выходить. Скоро состоится одно грандиозное событие – Боровский устраивает вечеринку по случаю приобретения пентхауса. А так как наше агентство сыграло в этом не последнюю роль, считаю вполне заслуженным попасть и нам на этот праздник жизни. Хочешь, попрошу внести тебя в список гостей? Там будут все сливки общества, много состоятельных мужчин и завидных холостяков, – я задвигалась в заманчивом танце.

На секунду мне показалось, что при упоминании о Боровском на лицо Жанны набежала тень, но длилось это всего мгновение, и я не была уверена. Она заодно улыбнулась:

– А давайте! – махнула она рукой. – Если получится, я пойду. Клин клином ведь вышибают. Вы правы.

Ну а я понаблюдаю за вами с Крекшиным, сказала я себе, когда она ушла.

И тем не менее, упомянув Боровского, я совсем забыла, что он собирался провести со мной уроки шпионажа и мастер-класс от чудовища по незаметному проникновению в его жилище. Когда он позвонил и сказал, что я должна подъехать к торговому центру, я сообщила, что не могу.

– До обеда собирается приехать Стас, – пояснила я.

– И что? Не можешь перенести с ним встречу?

– С какой стати? Это по моей работе. И что я скажу? Что

встречаюсь с тобой? Ты сам меня не хочешь светить.

– Не хочу, – согласился чудовище. – А что, Стас хочет купить квартиру?

– Нет, он собирается присмотреть себе участок в Снежино.

И я вкратце поведала про Снежино.

– Да? Может, мне тоже там приобрести дом, что скажешь?

– Я что скажу? – удивилась я. – Как агент или кто? Если как агент, то это хорошее вложение денег. Выгодное предложение со всех сторон – и если жить там, и если просто вкладываться в недвижимость. Но тебе зачем? Ты-то там жить не собираешься, а денег у тебя и так навалом. Лучше вложи в недвижимость Филадельфии, – не удержалась я, чтобы не съязвить. – Ты ведь всё равно туда скоро вернёшься.

– Не уверен, – усмехнулся Боровский. – Может, я здесь останусь.

– Тогда точно надо озаботиться загородной недвижимостью. Одно но. Я тебя не огорчу, если скажу, что мы будем соседями? Ты сможешь это пережить?

– Ты купила там участок?

– Пока нет, но рассматриваю такой вариант. Но обещаю, если ты решишься, я тебе присмотрю вариант рядом с лесом, а себе в другом конце посёлка.

– Рядом со Стасиком? Будете как голубки в окна переглядываться?

– Успокою, участки там большие, от двенадцати соток, с

лесными деревьями, так что никто ни к кому в окна заглядывать не будет. А Стаса я поселю рядом с тобой, вам будет о чём поговорить долгими зимними вечерами. Ведь он твой преданный фанат, ты знаешь об этом?

– Знаю, – голос с шутливого сменился на недовольный. – Это не телефонный разговор.

Конечно знаешь, не можешь не знать, усмехнулась я. Я его смогла задеть всё-таки. Ничего, это тебе за вчерашние обиды.

– Да не о чем вообще говорить, мне это неинтересно...

– Да неужели? – съязвил Алекс.

– Неужели. Я ввязалась в это не по своей воле, поэтому и расхлёбываю. А ты вчера сказал, что чем меньше знаю, тем лучше. И вообще, думать запретил.

– Обиделась? – рассмеялся Алекс. – А ты злопамятная, да? Ладно, я тебя задобрю. Готовь мне тоже документы на участок. Хочу быть уважаемым джентльменом в солидном окружении. Только подальше от Крекшина, ладно? Даже твоё общество я смогу вытерпеть дольше, чем Стаса. А ты меня выводишь уже через пять минут. Посели поближе к себе, хоть приглядывать за тобой буду. А на старости лет будем вспоминать события минувших дней.

– Если доживём, – буркнула я.

– Будешь бурчать, уйду к другому агенту, останешься без комиссионных. Пока-пока.

– Подожди!

Нет, они сговорились все что ли? Ну и ладно, это их дело, а мне и правда с этого деньги.

– Что?

– У меня есть к тебе просьба.

– Слушаю.

– Ты бы не мог внести в список приглашённых на твою пати-хаус мою секретаршу Жанну?

– Зачем? – от его голоса меня обдало холодом.

– Да просто. От тебя не убудет, а мне приятно.

– Не хочу.

– Что не хочешь? – не поняла я. – Жанну не хочешь или мне приятное сделать не хочешь?

– Слушай, мне пора. Я заеду к тебе во второй половине дня, и всё обсудим. Пока, – и он повесил трубку.

Я задумалась. Но не о реакции Боровского. А о покупке дома. Если эти двое сейчас действительно оформят через нас покупку домов, у меня будет возможность внести первый взнос на покупку с рассрочкой платежа. У меня и так скопилось большая сумма на счёте, благодаря последней сделке с Боровским. Хозяева добавили мне к комиссионным премию. Для меня это были большие деньги, и их действительно надо было куда-то вложить. Насчёт дома у меня были сомнения. Я пока ни с кем из домашних не обсуждала, потому что сама не склонилась ни к какому варианту.

С одной стороны – дом это хорошо. Это много места для всех, тишина и покой. И нам уже не хватало места просто

для вещей. Одна Варя чего стоила, она росла таким хомячком, ужас. Плюшкин. Собирала всякие коробочки, журналы, в детстве фантики и открытки. У неё одежды было в два раза больше, чем у меня. Хотя это нетрудно, я предпочитала минимум вещей, да и складывать всё равно некуда. Нужно было ставить компьютерный стол с оргтехникой. Шурка занимался спортом, ему хотелось держать дома спортивный инвентарь. Папина комната была захламлена выше крыши, для его работ уже требовалось несколько шкафов.

Но самая большая головная боль была от обуви. Вернее от нехватки места для неё. Климат наш требовал обуви на все сезоны, на любую погоду. И, конечно, каждому хотелось иметь не одну пару. Впрочем, на кухне дела обстояли тоже неважно. Тётя Женя постоянно жаловалась что ей некуда ставить посуду и бытовые приборы. А ведь ей, как кулинару, хотелось пробовать и покупать всё новое.

В большом коттедже все эти вопросы сразу бы решились. Большая светлая кухня, чтобы было где разойтись двум хозяйкам. Отдельная столовая, чтобы за стол могла усесться сразу вся семья – сейчас же мы ели по очереди, а на праздники выставляли раздвижной стол в гостиной, потом складывали. Просторный кабинет для папы с несколькими шкафами для его работ. У Шурика будет тренажёрная. Варе выделим отдельную гардеробную. «И кладовку для её хомячьих запасов», – хихикнула я. У каждого будет отдельная спальня.

И большая открытая веранда, на которой мы будем про-

водить вместе весь сезон. На участке тёти разобьют сад, будут заниматься домашним консервированием. Мы будем резаться в настольный теннис, поставим стол летом на улицу. А папа будет смотреть на нас, попивая чай из самовара за столом на открытой террасе. Да много чего ещё там будет! Каждый раз, думая о доме, я уносилась в мечты.

Мои размышления прервал появившийся Стас.

Глава 21

Стас влетел в кабинет, прижал меня к себе. В нос ударили запахи морозного утра, терпкого одеколона с табачными и древесными нотками, едва уловимые ароматы кофе и бренди. Стас хотел меня поцеловать в губы, но я подставила щёку. Хотя немного закружилась голова, от его разгорячённого ходьбой тела передалось тепло, и захотелось немного задержаться в объятиях, почувствовать себя любимой и слабой.

Стас явился не с пустыми руками. Букет алых роз, мои любимые конфеты с миндалём.

– Спасибо, – не могла я не оценить его внимание по достоинству.

Он выложил пачку свежих журналов издательства, нам почитать и клиентам. Я позвала Жанну и передала ей журналы со своими указаниями и попросила принести кофе для Стаса. Посмотрела на их реакцию, но Жанна была обычно вежлива, Стас вообще на неё не посмотрел.

Обсудив за кофе свежие новости и сплетни, я разложила перед ним материалы по посёлку и план со свежими изменениями. Из семидесяти коттеджей в свободной продаже уже оставалось чуть больше тридцати. Я указала Стасу на самые выгодные предложения с моей точки зрения. Он выбрал три варианта, и теперь мы хотели съездить посмотреть на месте.

– Кстати, Боровский, узнав, что ты покупаешь здесь кот-

тедж, тоже решил прикупить. Это у вас дружба такая, не разлей вода, или один из видов соперничества? – поинтересовалась я.

– А как он узнал, что я покупаю?

– Извини, не знала, что это секрет. Я думала, вы приятели.

– Ты встречалась с ним? Прошло всего два дня с нашей последней встречи! – Стас хмурился, эта мысль ему явно не нравилась.

– Нет, по телефону, – я не считала что должна оправдываться, но выглядело так.

– Он звонит тебе? – это опять вызвало возмущение Стаса.

– Я позвонила ему сама, вообще-то.

– Зачем?

Это всё больше походило на допрос. Только ревность тут замешана или что-то другое?

– Попросила внести в список приглашённых на его хауспати Жанну.

Этого Стас никак не ожидал. Он предполагал миллион вариантов ответа, кроме этого. Очень редко можно было увидеть его с таким выражением лица. Мало кому удавалось его поразить так, что он не мог скрыть удивления. Я даже хихикнула.

– Какую Жанну?

– Как какую? Жанну, моего секретаря. Ку-ку.

Стас недоуменно смотрел на меня, перебирая в уме варианты, я так и видела, как его мысли бегают в разные стороны.

– Э-э, а зачем? – он хотел понять.

– Вообще-то, наше агентство оформило сделку Боровско-му. Почему бы Жанне не пойти? – поинтересовалась я.

– А почему бы тогда не пригласить весь коллектив? – в ответ спросил Стас. – Я думаю, многие бы согласились. Или Жанна у тебя на каком-то особенном положении? Не знал. Не думал, что вы подруги.

– Нет, я просто хочу чтобы она отвлеклась, её сердце разбито, знаешь ли. Кто-то поиграл её чувствами, да бросил. Не ты случаем?

– Я?! – Стас опять так поразился, что даже мне было трудно усомниться в его искренности. – При чём тут вообще я?

Тут до него начало доходить. Он обернулся, посмотрел на дверь и, поморщившись, словно съел кислое, взвинчено спросил:

– Ты что, думаешь у меня с Жанной что-то было? Что за чушь тебе пришла в голову! С чего бы вообще?

Тут уже настала моя очередь удивляться.

– А почему бы нет? Ей что, сто лет или она страшно беззубая? Ты так сказал, словно это в принципе невозможно.

– Да конечно невозможно! Я и Жанна! Бред какой-то. Как тебе вообще могло такое в голову прийти? Короче, я ничего не понял, но забудь об этом. Я даже не хочу обсуждать.

– Хорошо, – пожала я плечами.

Мы съездили на объект, посмотрели, там вовсю шла

стройка, уже последний, третий этап строительства. Потом останется всё убрать и облагородить. Инфраструктуру построили ещё на первом этапе, поэтому посёлок выглядел уже солидно, уютно и живым. Те, кто купил участки на первом этапе, уже обживали свои дома. Стасу всё понравилось, но он не мог выбрать между двух вариантов. Сказал, что подумает, и когда определится, оформим сделку. Он спросил, какой участок я присмотрела себе. Я призналась, что уже почти решила, но хочу посоветоваться с близкими. Стас на ушко промурлыкал, что если бы наши дома были по соседству, то это было бы здорово. Когда мы поженимся, мне не надо будет разрываться между ним и семьей, просто перешагнуть границу соседнего участка.

А я подумала, что если бы всё так вышло по настоящему, с абстрактным мужем, а не со Стасом, то о большем бы я и мечтать не могла. Просто идиллическая картинка моего мира.

И тут ёкнуло под сердцем: но ведь это предложил Стас! Его картинка мира совпадает с моей, тогда чего я бегу от него? Возможно, всё-таки он моя судьба? А я сейчас выгляжу как вечно упрямящийся Шурик, не желающий слушать доводы рассудка? Вдруг я одумаюсь, но будет уже поздно? В дом Стаса заселится кто-нибудь другой, а я по соседству буду наблюдать за их ребятишками на участке с балкона своей одинокой спальни?

Эти сомнения повергли меня в уныние. И когда появил-

ся Боровский, я была не в духе. Обозначив план: сначала я ему рассказываю о «Снежино», потом мы едем на осмотр, и после на квартиру, я с холодной вежливостью приступила к делу. Посетовала что их надо было соединить со Стасом, чтобы не терять время. А то повторяю одни и те же действия и слова.

– Милая, за такие деньги клиенты заслуживают индивидуального подхода, – усмехнулся чудовище.

Я разложила перед ним проспекты и генплан и снова завела уже пропетую утром песню. Выслушав и обсудив, Боровский спросил меня про оформление конспиративной квартиры.

– Она не продаётся, а сдаётся в долгосрочную аренду, – сказала я. – Тебе так даже выгоднее, нигде не засветишься. Можно оформить на третье лицо. Если у тебя подставного нет, я устрою.

– Хорошо. Согласен, так лучше. Даже если ты провалишься и не заметишь хвост, твоё появление всегда можно оправдать рабочими обязанностями. Пришла проверить квартиру, перед тем как показать её клиенту.

Я согласно кивнула, пропустив мимо ушей сомнение в моих шпионских способностях. Алекс попросил вызвать Жанну. Он хотел ей что-то сказать при мне. Я пригласила Жанну, заодно попросила принести себе воды, а то пока болтала, в горле пересохло. Когда она мне его подала, Боровский обратился к ней, нахмурившись:

– Жанна, ваша начальница, Анна Витальевна, попросила меня внести вас в список приглашённых на приём, который я устраиваю через две недели. Хочу вас уведомить, что я против вашего присутствия. Считаю, что на то и существует отбор приглашённых, чтобы в конечном итоге отсеять тех, кто не соответствует уровню остальных гостей...

Я насторожённо слушала и дивилась, чего это он так витиевато и манерно выражается, чего за ним до этого не наблюдалось. Посмотрела на Жанну, та стояла опустив очи долу.

– Но в то же время, я не могу отказать в такой пустяковой просьбе Анне, великолепному человеку с щедрой открытой душой, моему консультанту в подборе недвижимости, и просто девушке моего друга...

Я зашла в кашле, и Алекс недовольно повернулся в мою сторону.

– Поперхнулась, – кивнула я на стакан с водой.

Алекс бросил на меня сердитый взгляд и перевёл снова на Жанну:

– Поэтому, находясь в неразрешимой дилемме, я возлагаю ответственность за принятие решения на вас саму.

Он поднялся и вышел, сказав мне, что ждёт в машине. Зато я кое-что поняла. Я показала головой на стул напротив. Жанна присела, не поднимая головы.

– Ну и проповедь, – покачала я головой. – Ведь это он, да? Тот о ком ты говорила. Это он тебя поматросил и бросил?

Жанна подняла на меня испуганные глаза, но быстро во

всём призналась. Когда они познакомились, она ничего о нём не знала. Он только что приехал в наш город. Произошло это в гостинице. У Жанны была встреча с иногородним клиентом, который переезжал и подыскивал себе жильё. Наша агент Лариса попросила её забрать уже готовые бумаги с его подписью, потому что не могла подъехать, у ребёнка поднялась температура. Клиент предложил симпатичной девушке отметить покупку жилья в баре гостиницы. Там её и присмотрел Боровский. Заметив его интерес, Жанна, расставшись с клиентом, задержалась в баре. И не зря. Боровский завязал с ней знакомство. Назвать их роман бурным было затруднительно, слишком редки были встречи. Которые Жанна ждала как манну, девушка влюбилась в Алекса со всей страстью. Их встреча в агентстве была неожиданностью для обоих. После этого Боровский прервал их связь.

– Я звонила ему, искала встреч, но он ясно дал понять, что больше не хочет меня видеть.

– Послушай, Боровский кажется мне опасным мужчиной, может, действительно не стоит идти? Зачем дразнить?

– Нет, я пойду! Пойду! – Жанна гордо вскинула голову. – И найду ему достойную замену.

– Ну как знаешь, – протянула я неуверенно.

У самой на языке вертелись другие вопросы, которые постеснялась задавать. Интимные подробности меня интересовали лишь с точки зрения, как это вообще возможно с чудовищем? В плане физиологии. Как-то я думала, что это невоз-

можно. Хотя почему я так решила? В обычном состоянии он выглядит как человек, почему он не может вести себя как человек? И иметь отношения с женщинами в том числе? И в то же время, представить его в отношениях было более чем странно. Но задавать вопросы не решилась. Как бы это выглядело: «Жанна, каков Алекс в постели, не расскажешь?» Нет, в койку я к ним лезть не собиралась.

– А что со Стасом? – спросила я, решив, что она обращалась к Стасу по поводу Алекса, и сейчас откроется причина их встреч.

– Что со Стасом? – нервно дёрнулась Жанна.

– Ты с ним встречалась по поводу Алекса? – уточнила я.

– Ни с кем я больше не встречалась, и к Стасу не обращалась, – нервно отрицала Жанна, и я не стала настаивать.

Накинула пальто, на выходе сообщила Жанне, что вряд ли уже появлюсь сегодня, так что если что-то срочное, чтоб звонила на мобильник. Цветы Стаса оставила в офисе. Чудовище, кстати, сразу обратил на них внимание, сострил, как обычно, насчёт нас со Стасом, но, поскольку я была не в духе, быстро закрыл эту тему.

А в машине не удержался и сразу спросил:

– Чего цветочки не захватила? Поездили бы с нами, ароматизировали мою машину. Хотя даже мой звериный нюх не уловил там ни одной нотки запаха роз.

Это правда, цветы совсем не пахли, и даже выглядели восковыми.

– Не придирайся, – обиделась я за Стаса. – Купил, что продают. Не мог же он слетать за свежими в Эквадор и вернуться. Зато он девушкам дверь в машине открывает.

– О, Стас истинный джентльмен. А я нет.

– В Америке манерам не учат? Я видела тебя на приёме, вполне себе светский лев, не надо ля-ля. И когда коттедж решил купить, ты сказал, что хочешь стать уважаемым джентльменом. Просто я не стою этих усилий, так и скажи.

Чудовище резко нажал на тормоз, я аж чуть не приложилась лбом к панели. Вышел, открыл мне дверь.

– Выходи.

Я подумала, что уже так быстро вывела его из себя, и он меня выгоняет. Вылезла, радуясь, что недалеко уехали, а то выбросил бы на шоссе, топай ножками в город, Аня. Но он остановил меня. Галантным жестом взял мою руку и пригласил сесть в машину, делая поклон.

– Прошу.

Я уселась, досадливо качая головой. Шут! Клоун!

– Так лучше? – спросил он, когда залез на водительское сидение.

– Всё, больше ничего не скажу, – пообещала я и усталилась на дорогу.

Глава 22

Сдерживая себя, я постаралась отвлечься и вспомнила историю Жанны. Мысли мои перетекли в иную плоскость. Я покосилась на чудовище и стала его разглядывать. Попробовала посмотреть глазами женщины, оценивая как мужчину. Получалось плохо, примешивалось личное отношение. Вспомнила первое впечатление на презентации журнала, тогда я его оценила как вполне привлекательного, даже очень. Если бы не глаза. Но, наверное, Жанну можно было понять: хорошая фигура, крепкое телосложение, лицо с правильными чертами. За счет линз ярко-зелёные глаза. Так-то они были серые, как покрытое льдом озеро в хмуром ноябре. Я уже рассмотрела, когда он был без линз. Русые волосы средней длины, которые всегда выглядели будто только из салона. Впрочем, лицо ему досталось от реально существующего Александра Боровского, я-то видела его другим, хотя помнила смутно.

Но главным в нём, конечно, была не внешность. А, как я предполагала, сбивающая сразу женщин с ног агрессивная мужественность. Брутальность, как принято сейчас называть, и что очень ценилось в наше время, потому что стало дефицитом. При этом не солдафон, не гопник, а обаятельный (если захочет!) умный мужчина с неким флёром загадочности и тайны. И, конечно, женщине сразу хочется её

разгадать. При этом чувствуешь ходящую рядом опасность, и это придаёт остроту отношениям. Так я себе представила сейчас, что чувствуют женщины рядом с чудовищем.

Зверь с подозрением покосился на меня.

– Что ты меня разглядываешь? Мне щекотно.

Я хмыкнула и отвернулась. И молчала до подъезда к посёлку. Уже сгущались сумерки, надо было поторопиться. Прделав тот же путь, что и со Стасом, я с удивлением выяснила, что Алекс остановился на тех же двух вариантах, что и Крекшин. О чём ему и сказала на обратном пути.

– Вы со Стасом как два разлучённых близнеца в детстве. И ещё он к тебе равнодушен! Вкусы у вас сходятся. К пентхаусу, он, кстати, тоже примеривался, но не потянул. Даже сейчас, вы оба остановились на двух одинаковых вариантах. И что-то мне подсказывает, что оба выберете потом один и тот же. Так что, кто раньше определится, того и выигрыш. Советую поторопиться.

– Стаса предупредишь или у меня есть фора?

– Предупрежу. Люблю справедливость и равные шансы.

– Ну и ладно, хотя я люблю иметь преимущества.

Он усмехнулся:

– Главное, чтоб вкусы в женщинах не сходились, а то точно передерёмся. Дом я ещё могу уступить, а женщину – нет.

– А ведь точно – сходятся. Если не брать меня в расчёт, то Вика Гранина уже как минимум одна точка пресечения.

А Жанна, быть может, вторая, подумала я.

– Стас к ней до сих пор равнодушен?

– Не знаю, – пожала я плечами. – Уверяет, что нет. Не далее как несколько часов назад, сделал мне очередное предложение руки и сердца.

– Почему не соглашаешься? Стас хорошая партия для тебя.

– Для меня! – оскорбилась я. – А для кого плохая?

– Не кипятись. Я не ставил целью унижить тебя, почему ты всегда ищешь в моих словах подвох?!

– Тогда что ты имел в виду, когда сказал, что для меня?

– Не люблю оправдываться, но объясню, – разозлился зверь. – Я имел в виду всего лишь то, что Стас не только богатый и привлекательный мужчина, но и вас связывают общие интересы и работа. Вы оба журналисты, любите докапываться до истины, расследуете дела. Вы подходите друг другу.

– Хорошо, извини, – буркнула я.

– Что, не расслышал? – издевательски приложил он руку к уху.

– Я была не права, извини! – повысила я голос.

– Почему вы расстались? – спросил он.

Он спросил без интереса, почти равнодушно, словно желая просто поддержать беседу, а я поняла, что хочу рассказать. Я не могла ни с кем поделиться раньше, потому что мне нужно было именно это – чтобы меня хладнокровно выслушали. Без оценок, без комментариев, без эмоций. Эффект

попутчика, когда ты можешь бесстрастно рассказать, не приукрашивая и не утаивая. Когда твоему слушателю нет дела ни до тебя, ни до других героев рассказа. В этом случае не примешиваются симпатии и антипатии, не ставится субъективная оценка поступкам.

Я не могла это рассказать друзьям Стаса, не могла рассказать своим близким, потому что они были на стороне Стаса. И даже Нине, которая была против него, тоже не могла рассказать. Именно по этой причине. Она бы поддержала меня, но была бы необъективна к Стасу.

Равнодушие Алекса к нашим двум персонам – вот что мне было нужно. И я начала рассказ.

Всё случилось в один момент. И я не знала как это объяснить даже самой себе. Любовь, а она была очень крепкой, даже подслеповатой – это подтвердят все те, кто мог наблюдать развитие наших отношений – вдруг исчезла в один миг. Испарилась, словно не было пяти лет влюблённости, слёз в подушку по ночам, крыльев за спиной в счастливые моменты, фантазий о счастливой семейной жизни и маленьких ребятишках с розовыми пяточками. В тот день как-то все маленькие случайности, на которые не обращаешь внимания или легко забываешь и прощаешь в другое время, вдруг соединились как кусочки мозаики в кривое зеркало, в котором я увидела искажённую картину наших отношений. Я словно прозрела, и моя любовь развеялась, как дурман.

Ничего такого страшного на самом деле не произошло. Накануне вечером я не осталась, как обычно у Стаса, а ночевала дома. По телефону попросила его захватить на работу крем, хорошо помогающий при кожных высыпаниях, которые часто случались у меня в критические дни. Он пообещал, но забыл. Вместо того чтобы извиниться, утром он перед всеми сотрудниками редакции опустил меня, пошутив, что мои прыщики выглядят очень мило, как мухоморы на полянке, так и хочется их съесть. По его мнению, это была милая шутка, даже комплимент. Потом я зашла к нему, чтобы поговорить, но ему было всё не до меня. И только когда я начала скандалить, он смог отвлечься на пять минут. Мне нужна была его помощь.

Я осталась ночевать дома, потому что у нас были очередные проблемы с Шуркой. Он пропал, не вернулся домой, и я не спала ночь, разыскивая его. Я звонила Стасу, он был нужен мне, но его телефон был отключен. Как оказалось, Шурик был в отделении полиции, но нам не сообщили, потому что он отказывался называть своё имя. Он тогда связался с плохой компанией, ему хотелось быть похожим на тех «крутых парней», и с ними попадал во всякие переделки. Я с ужасом вспоминала то время, мы чуть не поседели, ожидая, что он ещё выкинет. Мы верили, что Шурка не сделает ничего плохого, но не были уверены, что не произойдёт ничего плохого с ним.

В тот раз их поймали на краже в магазине. К счастью, ви-

деозапись охраны показала, что Шурик был ни при чём, но он мог пойти соучастником. И прощай тогда диплом о высшем образовании на последнем курсе института. Я хотела, чтобы Стас воздействовал своим авторитетом и на Шурика и в институте. Но Стас, выслушав меня, сказал, что в этот раз помогать не будет. Он на днях уже помогал. И что в итоге? Снова здорово.

И это было правдой. Буквально неделю назад, в институте с участием Шурика случилась драка. У Шурика было оправдание для своего поступка: тот, кому он вмазал – мальчик-мажор, оскорбивший бедного студента ботаника-дрища. Он издевался над ним и унижал. Но все закрывали глаза, потому что папа мальчика дружил с деканом факультета.

Шурик спросил нас, разве он был не прав, что заступился? И как нам было ответить, учитывая, что декан под давлением папы избитого студента требовал немедленного отстранения Шуры от учёбы? Я могла обратиться только к Стасу. Тот уладил дела с папой потерпевшего, и Шурика допустили к учёбе. При этом Стас нажил врага в виде этого папы, потому что, чтобы уладить дело, пришлось прибегнуть к шантажу, имея сведения о кое-каких тёмных делишках этого товарища. И вот спустя несколько дней я снова прошу о помощи. И снова с тем же вопросом.

Я понимала возмущение Стаса. Но что мне было делать? Бросить Шурку в беде я не могла. И не только из-за него, но и из-за его родителей, которым многим была обязана. Тётя

Женя в то время сильно сдала, у неё даже начались проблемы со здоровьем. Отец пытался, но не мог повлиять на сына.

Стас отказал мне в помощи, он пытался убедить, что это из лучших побуждений. Если Шурку постоянно спасать и вытягивать, он не научится отвечать за свои поступки. Будет всегда надеяться на помощь со стороны. Придёт добрый волшебник и по мановению волшебной палочки всё утрясётся само собой.

Я соглашалась с его доводами, но считала, что потеря диплома слишком высокая цена за его проступки. Все его выходы надо просто пережить, он парень неглупый и хороший, скоро сделает выводы и исправится. Надо просто что-то придумать, вывести его из той компании, познакомить с другими авторитетными людьми, взять его к нам в редакцию на исправление, например. Ведь он уже успел поработать у нас на прошлых летних каникулах, и показать себя как перспективный журналист в будущем. Нагрузить работой, чтоб ему некогда вздохнуть было, не то что шляться по улицам.

Стас на это сказал, что его издательство – не исправительная колония и не благотворительное общество. Он платит людям деньги и хочет получить за это ответственных работников. Разгильдяи вроде Шурика ему не нужны.

В момент спора в кабинет, несмотря на запрет секретарши, ворвалась одна наша светская львица, которая со всеми мужчинами вела себя как роковая кокетка, флиртуя и заигрывающая. И требующая ответной реакции от мужчин. Ей вот

срочно потребовался Стас. Она знала, что мы состоим в отношениях, но ей было плевать. Она делала вид, что меня не существует, и открыто флиртowała со Стасом, строя глазки.

Меня в тот момент задело то, что Стас принял её правила игры. И вместо того, чтобы указать ей на дверь и закончить со мной, он начал хихикать с ней, словно меня тут не было, и болтать о каких-то глупостях. Когда у меня на кону стояла дальнейшая судьба брата.

На самом деле у Стаса была такая манера общаться с женщинами: игриво, с лёгким намёком на флирт. Когда я возмущалась, что его не так поймут, он говорил, что это проблемы того, кто неправильно поймёт. А женщинам нравится такое обращение, и так намного легче вызвать расположение и добиться своего. Данная тактика и правда срабатывала, и он никогда не переходил черту флирта. Поэтому я закрывала на это глаза, хотя не всегда уютно себя чувствовала.

Но в тот момент мне как будто дали под дых, это было неправильно, несправедливо с его стороны по отношению ко мне. Кроме того, из их милого трёпа я узнала, что накануне, ночью, они вместе весело проводили время в одной общей компании. И сейчас делились воспоминаниями. Я ему названивала полночи в панике за жизнь брата. А он отключил телефон, чтобы ему не мешали веселиться.

И опять же, ничего криминального в этом не было, он же не знал о моих проблемах. И он мне не изменял, не делал ничего предосудительного. Но всё вместе дало ошеломитель-

ный эффект. Я вдруг поняла, что это не любовь. Любовь в моем понимании совсем другое. Чувствовать человека. Даже на расстоянии, даже мысленно, без слов. На уровне интуиции. И я захотела именно такой любви.

Чтобы не сомневаться в любимом человеке, чтобы быть уверенным в нём. Что он всегда на твоей стороне, что бы ни произошло. Даже если ему кажется, что я не права, но для меня важно, чтобы это было сделано – значит, сделать это. Чтобы всегда можно было положиться и знать, что тебя поддержат. Чтобы в беде всегда приходил на помощь. Чтобы мои любимые люди были дороги и ему тоже. Чтобы он понимал, когда меня может что-то унижить и никогда этого не делал. И чтобы я для него была единственная женщина на свете, которой можно оказывать знаки внимания.

Я ушла из кабинета потрясённая своим открытием. Стас даже не заметил. Он потом вернулся к теме проблемы с Шуркой, хотел и дальше переубедить меня и увидеть реакцию, поняла ли я его. Приняла ли его доводы. Я молча со всем согласилась, но он даже не заметил подвоха. Лишь почувствовал облегчение, что всё так легко прошло. Я не сразу разорвала с ним отношения. Я хотела убедиться, что это было не мгновенное помешательство. И что завтра всё не будет как вчера. Но нет, любовь ушла. Навсегда. И тогда я ему это объявила. Без объяснений, потому что он бы не понял. Извинился бы. Постарался исправить и загладить допущенную ошибку. Но я этого не хотела.

С Шуркой я решила вопрос сама. Понимая, что если дойдёт до института, я уже ничего не смогу сделать, был один выход – чтобы имя брата не фигурировало в деле. Мне стоило больших усилий убедить следователя убрать имя Шурика из дела. Я ходила за ним по пятам сутками, караулила на входе и выходе, поселилась у кабинета. Он уже угрожал посадить меня за преследование. Денег брать тоже не хотел, обещал посадить и за взятку. В конечном итоге я взяла его измором. Ну, или тронула, это кто как решит. Кляня меня и всё наше семейство, потому что тетя Женя не уступала мне в упрямстве, он перевёл Шурика из соучастников в свидетели. И в институт никаких бумаг не пришло.

С Шуриком у меня была долгая и обстоятельная беседа. Я не сказала ничего такого, чего не говорила раньше. Все те же слова о загубленном будущем, о страданиях и здоровье матери, о правильном выборе окружения и независимости собственного мнения, психологии подчинения шестёрки. Но в этот раз, мы к счастью до него достучались.

Повлияло на него больше то, какой ценой далось в этот раз выпутаться из очередной переделки. Стас был прав в одном, раньше всё решалось чужими руками, что было сродни мановению волшебной палочки. И итог был предreshён заранее. Сейчас же он видел наши усилия, которые могли не увенчаться успехом, понял, что будущее его висело на волоске, и проникся.

Плюс, соединив в своём уме дважды два, а именно воз-

никшую по его вине проблему и моё последующее расставание со Стасом, он сделал вывод, что это его вина. Я перубеждала его много раз, объясняя, что причина в другом, но он мне не верил. В нём крепко засела эта мысль, он чувствовал себя виноватым – как же, лишил сестру личного счастья! И очень хотел, чтобы мы со Стасом помирились. Но вслух этого не говорил, чтобы не вызвать лишний раз мой гнев.

Свой рассказ чудовищу я закончила на том, что моё представление о любви не совпало с представлением Стаса. И что я хочу другую любовь, и описала какую.

– Это глупо, да? – задала я риторический вопрос. Потому что ответ предвидела.

Глава 23

И как в воду глядела.

– По мне – да. Но вы, женщины, любите по-другому, самоотверженно, предано, и ждёте этого от мужчин. А мужчины так не умеют. Ну, за некоторыми исключениями, конечно, – поправился он. – Но это такие экзальтированные индивидуумы, что я догадываюсь, они не те, о ком стоило бы говорить, и вряд ли кто о них мечтает.

Я поняла, что он имеет в виду, и хмуро кивнула.

– Но спасибо, буду знать, каких ошибок стоит избегать со своей женщиной.

– Своей женщиной... Ты планируешь найти её тут? – с сарказмом спросила я.

– Почему нет? Что, тут не найдётся достойных меня девушек?

– Ну почему, могу предложить кандидатуры. Например, моя подруга Нина хоть завтра выйдет за тебя. Хотя нет, Нину мне жалко. Лучше возьмём, к примеру, Жанну. Очень привлекательная девушка, не находишь?

Он внимательно посмотрел на меня, усмехнулся горько.

– Она рассказала, да?

– Что? – неискренне удивилась я.

– Что я трахнул её пару раз, вот что.

– С её стороны всё выглядит несколько иначе. Ты влюбил

её в себя так, что девушке крышу снесло, никого она раньше так не любила и больше не полюбит, душевная травма на всю жизнь. А ты попользовался, переступил и пошёл дальше. Чудовищно, разве нет?

– Конечно, ведь я же чудовище! Или ты забыла? Так всегда об этом помни! – разозлился он, и грубо сказал: – Пошли! Приехали. И извини, что без поклонов на выходе. Ведь я же чудовище.

Он вышел из машины с небольшой сумкой, и пошёл в торговый центр быстрым шагом, даже не глянув на меня. Я засемила за ним.

Ловко лавируя между торговыми лавочками, он направился к чёрному входу, я за ним, стараясь не привлекать к себе внимания. В тёмных закоулках коридора, я его потеряла из виду, шла уже наобум. Перед самой дверью с зелёной табличкой «выход», откуда-то сбоку меня схватила рука и утянула за собой. Мы с чудовищем, а это был он, оказались в какой-то камерке, подсобке, которой редко пользовались, отовсюду свисали клоки пыли. Он чёткими быстрыми движениями доставал содержимое сумки. К моему удивлению, это оказались средства гримировки. Он секундными движениями прицепил себе кустистые брови и усы, ему даже не потребовалось посмотретья в отражение. Что сказало мне о том, что такая процедура для него сродни почистить зубы, проделывал этот номер много раз. Также он достал длинно-волосый светлый мужской парик с хвостом, небрежно наки-

нул на голову, а сверху припечатал кепкой. Вывернул куртку, которая, как я сейчас обнаружила, была двусторонней. Дальше принялся за меня.

Достал женский длинный ярко-рыжий парик, нахлобучил и попросил задрать голову. Я подняла, он начал аккуратно его присобачивать, убирая мешающие мои волосы. Когда, по его мнению, парик сел правильно, он достал морковную помаду.

– Накрась пожирнее и поярче.

Не сопротивляясь, я кое-как намазала губы, как он просил погуще, в несколько слоёв. Далее он достал сложенный размером с носовой платок чёрный дождевик и одел сверху на моё пальто, как плащ-палатку. Оглядел свою работу и вынес вердикт:

– В идеале надо сменить обувь или носить неприметные ботинки, но для мастер-класса сойдёт. Пошли.

Он опустил голову, ссутулился и изменившейся походкой пошёл на выход. Я причмокнула губами. Профессионал. Ни за что бы его не узнала, хотя изменений по минимуму. И всё за секунды! Он показывал дорогу дворами и требовал запоминать. В перпендикулярном к нашему сзади доме тоже был проходной подъезд, и мы сначала прошли через него. Потом нырнули в свой и поднялись в квартиру.

– Запомнила? – строго спросил он.

Но я разглядывала себя в зеркале в прихожей. Интересно же посмотреть на себя в новом образе.

– Кого я спрашиваю? – театрально простонал Алекс. – Женщина первым делом бежит к зеркалу. Будешь сама гримироваться – час потратишь, любуясь на себя.

– Но я же не играю в шпионов ежедневно, как ты. Руку набить сначала надо. Отвратительная помада, – поморщилась я, стирая тыльной стороной ладони. – Кому такой цвет вообще может пойти?

– Рыжим, – тяжело вздохнул зверь. – Главная цель всех ярких акцентов – отвлечь внимание на себя. Аня, ты всё запомнила?

– Да запомнила, не переживай. Ещё на карте посмотрю, ты же мне всё пометил. Не волнуйся.

– А как хвост проследить за собой, тоже поняла?

– Да-да, не волнуйся. Инструктаж закончен?

Мне хотелось поскорее покинуть квартиру, прихожая была очень тесная, а чудовище слишком крупным. И его близость меня нервировала.

– Закончен. Проверка: идём обратно тем же путём, продельваем те же действия. Только ты впереди, я сзади. Доходим до машины, я тебя подвожу...

– Сама доберусь, спасибо.

– Хорошо, как хочешь. Тогда расходимся в торговом центре.

– Ага, я там в магазин ещё забегу, торт Нине никак не куплю.

– Пошли тогда.

Он открыл дверь и пропустил меня вперёд. Я не могла выйти не задев его, не коснувшись.

– Ты же не джентльмен, – поддела я его. – Так что выходи. Иди-иди вперёд, я следом.

Он усмехнулся в усы, отчего тот повис с одного бока. Он его поправил и вышел, снисходительно глядя на меня.

По пути я ошиблась один раз. Вернее встала, не помня, куда дальше сворачивать. Алекс подсказал, и мы уже распрощались в той же каморке, когда я отдала ему парик и дождевик. Мы разошлись, я пошла за тортом, Алекс исчез среди магазинов.

Купив торт, передо мной встала дилемма: на работу к Нине я уже не успею, рабочий день закончился, если понесу торт домой, он до утра не доживёт. Оставалось ехать к Нине домой, но это могло затянуться надолго, а я устала. Посмотрела на часы, вздохнула, набрала Нину.

Мне повезло, она задерживалась на работе, поэтому предложила приехать к ней в редакцию. Это обнадеживало. Мы посидим часик, попьём чайку и разойдёмся по домам.

– По какому случаю? – радостно удивилась Нина тарту, чмокнув меня в щёку.

Лучше бы тебе не знать, подумала я про себя. А вслух сказала:

– Можно считать поводом радость от того, что у меня есть такая подруга?

Нина рассмеялась.

– Да запросто. Можешь ежедневно даже радоваться, я согласная. Ведь это тортик из кулинарии Московского университета?

– Какие могут быть сомнения? Он самый. Самый любимый, известный и вкусный тортик нашего города.

– Нет, сегодня точно какой-то праздник! Представляешь, с утра вызывает меня главред и сообщает, что отныне главная колонка в «Новостях» за мной! Мало того... погоди-погоди, – попросила она не прерывать, – это ещё не всё! Мало того, у меня теперь будет собственная рубрика в новом журнале женской направленности «Спроси Нину Пуговкину». Я там буду советы отчаявшимся и запутавшимся женщинам давать. Здорово, да?

– Да не то слово! – восхитилась я. – А почему я узнаю это только сейчас? Чего сразу не похвасталась?

– Я звонила! Но ты на встречах телефон отключаешь, и я всё время попадала на отбой. Я даже Жанне позвонила, но она подтвердила мои догадки. Она сказала, что у тебя то Стас, то Алекс Боровский на приёме. Пользуешься успехом, да? – подмигнула она заговорщицки.

– Кстати, о Жанне, мне надо тебе рассказать...

Тут у Нины зазвонил служебный телефон, и она схватила трубку.

– Что?! Где?! Я сейчас же выезжаю!

Она бросила трубку. Глаза её горели знакомым мне охотничьим азартом, когда журналист почует крупную добычу.

– Пошли! По дороге расскажу, – потянула она меня за руку. Обернулась, бросив взгляд на стол, – Эх, торт жалко.

Подбежала, накрыла его крышкой, и понеслась к выходу, на ходу натягивая одежду. По дороге ввела в курс дела.

– Какого-то то ли алкаша, то ли гопника загрыз огромный зверь на площадке, как ты думаешь где? Вот ведь совпадение – у Московского ТЦ. Примерно как раз в то время, когда ты там была, минут пятнадцать назад. Его нашли не сразу, потому что произошло всё сзади, у чёрного входа, в тёмном закутке, куда свет от фонаря не доставал. Там мало кто ходит в это время, рабочий обнаружил спустя время. Говорят, ужас что такое. Тело всё растерзано, будто стая собак напала. Уж не наше ли чудовище снова объявилось, как думаешь? Столько лет прошло... Но прямо вот так, в центре города... Ты ничего подозрительного не заметила, пока там была? Вспоминай. Может, ты была свидетелем... Эй, чего встала?

Пока Нина рассказывала, я замедляла и замедляла ход. Ещё когда она только сказала про зверя, я уже всё сразу поняла. А уж когда назвала место и время, сомнения отпали. Я не хотела туда ехать. Что я там нового увижу? Я уже однажды видела растерзанные чудовищем тела. Ничего интересного в этом нет, у меня не было желания увидеть это снова.

– Я не поеду, Нина. Я уже не журналист. Топтаться там мне смысла нет. Займёт много времени, а я очень устала сегодня. Завтра все подробности уже будут известны, чего сей-

час время терять? Это твоя работа. Иди, – подтолкнула я её вперёд.

– Тебе неинтересно?! – глаза Нины вылезли на лоб. – А вдруг это правда оно, то чудовище? Вернулось в город, спустя столько лет.

– Нина, мы даже не знаем, исчезало ли оно куда? И, может, это не оно? Ты мне потом расскажешь, – я пятилась назад.

Нина досадливо махнула в мою сторону рукой и побежала. Она и так потеряла со мной драгоценные для любого журналиста в такие моменты секунды. Но мне предстояло завтра как-то объяснить отсутствие энтузиазма у меня. Нина не поверит, что мне это неинтересно.

Я набрала номер чудовища, не надеясь, что он ответит.

Глава 24

Но, к моему удивлению, он ответил спокойным голосом:

– Слушаю.

– Ты где? – нервно спросила я.

– Домой вот десять минут назад приехал, – удивился тот. –

А что, ты уже успела соскучиться? Или требуется компания для поедания торта? Я сладкое не люблю.

– Я всё знаю! Не прикидывайся. Уже все знают. Это ж надо было так спалиться! И вообще, ты обещал! Ты меня обманул!

– погоди-погоди, что за истерика? Я тебя не понимаю. Успокойся и объясни толком.

– Я тебе объясню! – с угрозой заорала я, забыв об осторожности. – Я тебе так объясню! Я иду к тебе домой.

– Нет, погоди-погоди. Не надо ко мне ходить в таком состоянии, а то правда решат, что у нас отношения. Ты ведёшь себя, как ревнивая жена. Скандал устраиваешь... Давай так. Ты ждёшь меня...

Он объяснил, где мне его ждать и повесил трубку. И он ещё может в такие моменты шутить! Да он настоящее чудовище! Только что убил человека. И так спокоен. Меня просто разрывало на части. Нет, я не буду его покрывать.

Это-то я сразу и заявила, когда его увидела.

– Я не буду тебя покрывать! Мы договаривались, что я

не буду сообщницей твоих преступлений. Я не хочу иметь отношение к этому.

Я истерила, и Алекс больно схватил меня за предплечье.

– Не ори! Садись в машину.

Он подтолкнул меня вперёд. Я прошла через двор к его машине, стоящей на улице.

– Садись! И без глупостей, – предупредил он зло, потому что я начала вырываться.

Запоздало ко мне пришёл страх. Я открыто сказала ему, что знаю, что он совершил преступление, и при этом сообщила, что не намерена его покрывать. Он вправе думать, что я сдам его властям. И ему остаётся только убрать меня. Ох, ну и дура же я. Жизнь меня ничему не учит.

Он затолкал меня на заднее сиденье и залез следом за мной. Нажал блокировку дверей, прижал к дверце и потребовал:

– А теперь объясни спокойно. И не следовало так орать на улице.

А я вдруг онемела от страха. Меня начало колотить, и я не могла вымолвить ни слова. Перед моими глазами фантазия разыгрывала смерть от лап чудовища неизвестного мне человека снова и снова.

– Ну успокойся, Аня, – смягчился он, увидев моё состояние. – Что бы ни случилось, мы с этим справимся. Пожалуйста, расскажи мне.

Он даже отодвинулся от меня подальше и ослабил хватку,

он все ещё держал меня за предплечье. Но сейчас я почти не чувствовала его касания. Он разговаривал со мной как с ребёнком или умалишённой.

– Я, конечно, чудовище, и страшный, но всё же не настолько, чтобы каждый раз впадать в ступор. Посмотри на меня. Я человек, Алекс Боровский. Аня! Ты слышишь меня? Скажи что-нибудь, а то я начинаю беспокоиться за твой рассудок.

– Ты только что убил человека, – прохрипела я, с ужасом глядя на него.

Он нахмурился, словно взвешивая что я сказала, и пытаюсь решить, что с этим делать.

– Так. А поподробней можно? Нет, не так. Аня, я никого не убивал. Слышишь? Ни вчера, ни сегодня, ни в течение этого месяца, ни в течение года. Расскажи, что случилось? Почему ты пришла к такому выводу?

Ну я и рассказала. Пока говорила, пришла в себя. Я ему не верила, но страх понемногу исчезал. Если бы он собирался меня убить, то уже оторвал бы голову, без всяких объяснений. И тем более не стал бы уверять в своей невинности.

– Понятно, – выдохнул он. – Я понимаю, почему ты подумала на меня. Но я этого не делал. Тут что-то другое, и я выясню что. Держись подальше от этого.

Это была не просьба, не совет, а приказ. Ага, подумала я, держись подальше. А потом все улики исчезнут, доказательства тоже, найдётся разумное объяснение нападению зверя в центре города. А я всё буду подальше, и из меня сделают

истеричную дуру.

– И давай договоримся. Один раз и на всё будущее. Ты должна верить мне. Обманывать тебя мне нет никакого резона. Возможно, я не говорю тебе всю правду, выдаю частями, но я тебе не вру и не буду врать. Если я что-то утверждаю, ты должна верить мне. И доверять. Хорошо? Аня! – требовал он ответа. – В свою очередь, я хотел бы, чтобы я мог доверять тебе. Но не требую. Прошу.

Чудовище и просит. Надо же. У меня кружилась голова. Он меня хочет заговорить и у него получается. Но я не могла поверить в его невиновность. Вот просто не могла и всё.

– Я могу выйти? – спросила я.

– Ты не ответишь мне? – он огорчённо нахмурился.

– Я могу выйти?! – истерично заорала я, и чуть кубарем не вывалилась из машины, потому что зверь ослабил хватку и открыл дверь с моей стороны, протянув руку через меня.

А я чуть не завизжала от отвращения, почувствовав его тяжесть на себе.

Я оказалась в снежной грязной каше, дверь громко хлопнулась, а через несколько секунд машина резко стартовала и с визгом умчалась подальше от меня.

«Надо же, чудовище обиделся», – злилась я на весь свет, отряхивая пальто от грязи. Дома, от пережитого стресса, расплакалась в ванне. Ну за что, за что он попался на моём пути?

Утро принесло новости.

– Отбой, – весело заявила Нина в трубку. – Нет никакого чудовища. А так хотелось! Есть только огромная одичавшая собака, выброшенная хозяевами на улицу. Камера всё показала. Нападение было совершено посередине площадки, прямо под фонарем. Собака набросилась на алкаша, который рылся в ящиках, выставленных из магазина на улицу. А потом оттащила за угол. Ты бы видела, ужасное зрелище. Собаку уже нашли и пристрелили. Хозяев тоже. В смысле нашли. А не пристрелили, – хихикнула Нина. – Хотя их тоже можно было, это ж надо было такое чудовище бросить на улице. Одичала за пять месяцев, оголодала. Она уже нападала на людей, но всё обходилось, пошумели-пошумели, да успокоились. Кстати, мужик этот – просто редкостный везунчик. Жив остался, представляешь? Она прогрызла ему горло прямо в миллиметре от сонной артерии, врачи все в шоке. И кровопотерю смогли вовремя восполнить. Вот говорят, всё-таки, алкашам везёт. Теперь он просто обязан завязать.

Нина ещё дополнила свой рассказ красочными подробностями, взяла с меня слово увидеться сегодня, и попрощалась.

Как мне было не тяжело, я набрала чудовище. Хотя была мысль не звонить, оставить как есть. И тогда, может, на этом всё закончится? Он исчезнет из моей жизни? И всё забудется как сон? Но это было несправедливо.

А я сама вчера так много распиналась о справедливости. По отношению к Стасу, по отношению к себе. Но не по от-

ношению к нему? Потому что он чудовище? Человек-зверь? Из-за этого я могу с ним обращаться как хочется мне, эгоистично, незаслуженно, не как с человеком, а как с животным? Чем я тогда лучше его? Может, он вообще в сто раз лучше и благородней меня или Стаса, я ведь ничего о нём не знаю!

Хотя нет, тут яхватила лишку. Я вспомнила его взгляд, пустой и затягивающий, как бездна. Он не хороший, он страшный. И тем не менее, я к нему необъективна. И в данном случае, предвзята.

Я набрала раз, второй, третий, он не брал трубку. Пришлось ехать. По дороге я включила автодозвон, и, наконец, он ответил. Голос был равнодушный.

– Я хочу извиниться, – сказала я сразу. – Я ошиблась. Ты сказал правду. Но тем не менее, у меня были причины так думать. И ты бы на моём месте подумал также. Даже Нина сразу про тебя вспомнила!

– Нина меня не знает.

– Вот про это я и хотела бы с тобой поговорить. Вся проблема в том, что я тоже тебя не знаю. И хочу это исправить.

– То есть? – зверь насторожился, а я порадовалась оживлению в его голосе.

– Я сейчас приеду – и не говори мне, что не надо! – и мы поговорим.

– Хорошо, надо так надо, – вздохнул он и отключился.

Глава 25

Я поднялась к нему в пентхаус. Он встретил меня в дра-ных линялых джинсах, которые сейчас так модны, и розо-вой рубашке, застёгнутой на пару пуговиц. На его мощной фигуре она выглядела не смешно, а стильно. На шее висели несколько цепей разной длины, на руке временами посвер-кивал браслет.

И опять же, ни на одном мужчине украшения не смотре-лись так органично, как на нём. Я не встречала до него в жиз-ни мужчин, которые бы носили украшения и при этом не вы-зывали неловкого чувства. А ему они шли. Так обычно есте-ственно смотрятся вещи, с которыми человек срастается за свою жизнь. Как человек, выросший в роскоши с детства, не замечает её и выглядит в ней естественно. А он словно жил в эпоху, когда мужчины украшали себя ювелирными изделия-ми, и перенес то естественное их ношение в наше время.

Он смотрел на меня насторожённо, но ещё с легкой оби-дой. Я чувствовала.

Я протянула ему в одной руке торт, в другой банку селёд-ки.

– Ты сказал, что не любишь сладкое, но я опять решила проверить. А на случай, если сказал правду, принесла солё-ное. Что выбираешь?

Он усмехнулся.

– Третье. Я люблю мясо, во всех проявлениях, особенно копчёности.

Видя, как по моему лицу промелькнула тень отвращения, он нахмурился и уставился исподлобья.

– Значит, буду знать, чем тебя задобрить, – улыбнулась я. – А что, сладкое совсем-совсем не любишь?

– Если только чуть-чуть, – кивнул он.

– Тогда давай попьём чай. Угостишь?

Он нерешительно указал в сторону кухонного острова.

– Я ещё не очень тут обжился, но чай смогу налить.

Он начал шуршать на кухне, а я подошла к окнам.

– Красотища! Ты уже привык к этому виду?

– Ну, мне нравится, – нерешительно улыбнулся он.

– Да это потрясающе! Великолепно! Превосходно! – эмоционально потрясла я руками и покружилась.

Он недоуменно поднял одну бровь, скептически взирая на мой фонтан эмоций.

– Ну если так считаешь... – покачал он головой с улыбкой.

– Что? – подошла я с другой стороны стойки напротив него.

– Да ничего. Не надо уж так прямо... Я понял, ты чувствуешь себя виновато за вчерашнее. Но это уже перебор. Ещё чуть-чуть и мы будем чмокаться в щёчку, как лучшие подружки, и обсуждать наряды на вечер.

Я засмеялась.

– Ладно тебе. А ты не можешь не съязвить. У меня сегодня

просто хорошее настроение.

– Из-за того, что я никого не убивал? – Алекс поставил передо мной чашку с чаем и принялся разрезать торт.

– Нет. Вернее не только поэтому. Я приняла для себя важное решение. И мне стало легко и хорошо. Ты хотел дружбы? Давай станем друзьями. По-настоящему!

– Что-то я уже пугаюсь...

– Погоди, я не закончила!

– Или не начала?

– Алекс!

– О, какие сподвижки! Я уже Алекс. А всего-то надо было чтобы на меня легло подозрение в убийстве. Если бы я знал, состряпал бы его в первый же день.

– Алекс! – уже строго призвала я его к молчанию, и он закрыл рот. – Так вот, мы будем друзьями, но дружба подразумевает обоюдное стремление к этому, понимаешь? Ты требовал доказательства моей дружбы, при этом раздавая приказы и угрожая мне. Это не дружба. И я выполняла, но другом тебя не считала. Теперь буду считать тебя своим другом, – заверила я его, а он на это испуганно скосил глаза к переносице, показывая своё отношение, – но и ты должен доказать что ты мне друг.

И я выжидательно уставилась на него, требуя ответного хода. А пока стала пить чай с тортом.

– Всего-то? – съёрничал он. – И как мне это доказать? Вместе сделаем секретик в песочнице или поклянёмся на

мизинчиках?

Я миролюбиво улыбнулась, проявляя завидное терпение.

– Можно начать и с этого, тоже хорошее начало. Давай мизинец. Давай-давай! – подтрунивала я над ним, поставив локоть на столешницу и оттопырив мизинец.

Он ухмыльнулся и зацепился своим мизинцем за мой.

– Мирись-миришь, больше не дерись. А если будешь драться, я буду кусаться... Ой, – ойкнула я, произнеся последнее слово. – Нет, последнее мне не нравится, у тебя будет преимущество. Давай так, а кто будет драться, того поставим в угол.

– Нескладно.

– Я не поэт, – призналась я. – Может, ты?

– Выбирай на выбор: а кто будет драться, с тем надо обниматься, целоваться, посмеяться. Ну, или: тому – убираться. Я тоже не поэт, – хохотнул он.

– Ладно, давай сойдёмся на последнем. А кто будет драться – тому и убираться.

Я отцепила мизинец и засунула очередной кусок торта в рот. Подняла глаза на Алекса, тот как-то странно смотрел на меня, что я даже почувствовала неловкость.

– Вкусно. Будешь? – предложила я с улыбкой.

Он смотрел без улыбки, облизнулся и отвернулся резко.

– Это всё? Мы теперь друзья? – глухо спросил он.

– Нет. Это всё шутки. А теперь серьёзно. Я хочу всё знать о тебе.

Он повернулся и с наигранным ужасом уточнил:

– Что, всё-всё?

– Да, – сказала я без тени улыбки. – И сними свои линзы, пожалуйста. Твои глаза – единственное в тебе твоего, и я хочу смотреть в них, а не в глаза Алекса Боровского.

– Тело у меня тоже своё, – неловко пошутил Алекс и вынул линзы. – От Боровского у меня только лицо, цвет волос и глаз, да фамилия.

– И профессия. И биография. И имя.

– Нет, меня на самом деле зовут Алекс.

– Правда? – поразила я.

– Да, – кивнул он важно. – Приятное совпадение.

– Я хочу, чтобы ты ответил на мои вопросы.

– Только не на все сразу, ладно? На все я просто не могу.

И не обольщайся насчёт меня, Аня. Ты любишь ударяться в крайности. То для тебя во мне нет ничего человеческого, я демон, пожирающий младенцев на ночь. Теперь ты ударила в другую крайность. Ты хочешь видеть во мне друга, а значит, будешь лепить из меня благородного рыцаря. Для того чтобы стать твоим другом, ты должна видеть только хорошее. Но я обычный человек. Да, человек-зверь, но со своими достоинствами и недостатками. Я не демон, но и не ангел. Не надо меня мазать полностью то чёрной краской, то белой. Это ты должна уяснить сразу. Или дверь там.

Он указал в сторону выхода. Странно, сколько раз я говорила подобное по смыслу другим. Шурику, Нине, тёте Све-

те. А сейчас приходится выслушивать это мне. Неужели я становлюсь таким ребёнком рядом с ним? Почему я, умная девушка, веду себя так глупо по отношению к нему?

– Уяснила. Претензии принимаются.

Я снова отвлеклась на чай, чтобы немного снять возникшее напряжение. Прожевав очередной кусок торта, сказала:

– Но это всё от того, что я не знаю как вести себя с тобой. Потому что ничего о тебе не знаю, – повторила я десятый раз. Наверное, для того, чтобы он крепко запомнил. – Хорошо, давай узнавать друг друга постепенно, я не против. Отвечай на столько вопросов, сколько сможешь. Но только давай двигаться вперёд и не топтаться на месте.

– Давай попробуем. С чего начнём?

– С самого простого. Давай поговорим, как ты стал Алексом Боровским и где этот бедолага сейчас?

– Бедолага руководит раскопками в Латинской Америке, и очень счастлив. Если тебя интересуют подробности...

Он вопросительно посмотрел на меня, и я кивнула. Он хмыкнул.

– А так хотелось обойтись малой кровью. Ну ладно. В силу некоторых обстоятельств, – он многозначительно посмотрел на меня и начал рассказ, – я вынужден иногда менять место жительства и свою личность. Но из-за современной глобализации и технологий, не запалиться становится всё труднее. Чтобы о тебе ничего не раскопали, и при этом выстроить стройную легенду, приходится усложнять задачу. Я уже

не могу приехать из соседней области, потому что через пару часов вся информация будет у запрашиваемого на столе. Теперь, не вызывая подозрений, я могу приехать только из-за океана. Во всяком случае, если кто-то начнет копать, у меня будет время что-то предпринять. Поэтому я всегда имею в виду этот момент, и появление Алекса не могло остаться мной незамеченным. Всегда удобнее брать уже существующую биографию, чем создавать новую.

– Вы были знакомы с ним, когда он учился здесь?

– Нет, я узнал о нём и собирал информацию. На всякий случай, вдруг когда-нибудь пригодится. И позже присматривал за ним, как и за многими из моего списка. А спустя годы, в один момент все звезды сошлись на нём.

– И как ты им стал?

– Организовал фонд, который выдал грант Боровскому на научные работы здесь. Мы с ним много говорили об этом. Я рассчитывал приехать с ним, в его группе, помощником. Но он хотел в Чили, его специализация древние индейские цивилизации, а там непаханое поле для исследований. Тогда, подумав, я дал ему деньги и отправил туда. А сам решил приехать под его именем.

– Он знает об этом?

– Нет. Но возвращаться в ближайшие лет пять он не собирается. В любом случае я узнаю, мы держим связь, я спонсирую его изыскания.

– Наверное, спрашивать откуда у тебя столько денег глу-

по, да?

– Точно, – хохотнул он.

– Почему ты выбрал наш город?

– Ты же догадываешься, что у меня на то есть причины, правда?

– Ну да, не думаю, что при всём богатстве выбора, наш город символ рая на земле.

– В общем, да. А какой город ты бы выбрала в качестве рая?

– Я мало где была, – увильнула я. – Но мы отошли от темы. Так какая причина притягивает тебя в этот город?

– А вот этого, я надеюсь, ты никогда не узнаешь. Достаточно с тебя того, что она есть.

– Наверное, это месть, поэтому ты мне не хочешь говорить, – расфантазировалась я.

– На сегодня мы закончили, у меня есть дела, пока-пока, моншерами, – произнесено это было с улыбкой, но настойчиво.

– Как всё? Это всё? – возмутилась я.

– Я тебе и не обещал много, помнишь? Не всё сразу. Дай мне побыть загадочным парнем ещё немного, в конце концов.

Пока он говорил, подошёл, взял под руку, и, похлопывая по руке, что в его понимании, как я догадывалась, демонстрировало дружеский жест, подвёл меня к входной двери. Услужливо одел мне пальто.

– Чмоки-чмоки, – ёрничая, поцеловал он воздух около моих щёк и помахал ручкой.

Я насупилась, вопросы роились в моей голове, как пчёлы в улье, их было миллион, и я даже не знала, какой важнее. Но сообразить так быстро я не могла, поэтому молча покинула его жилище.

Ну ничего, так просто он от меня не отделается. Я вытрясу из него все секреты, чего бы мне это не стоило. А то на-задавал загадок, внёс в мою жизнь сумятицу и считает, что может мной манипулировать и давать информации в таких дозах, что только раззадоривает на большее любопытство.

Главное, что шаг вперёд уже сделан. Дать обратный ход уже не получится.

Но это я ещё просто не знала Алекса...